

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
протокол №5 от 28 декабря 2020 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., доц.

(главный редактор)

Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.

(заместитель главного редактора)

Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц.

(заместитель главного редактора)

Александрова И. В. – д. филол. н., доц.

Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.

Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.

Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.

Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.

Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.

Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.

Керимов И. А. – д. филол. н., проф.

Куриянов С. О. – д. филол. н., проф.

Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.

Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.

Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.

Меметов А. М. – д. филол. н., проф.

Ненарокова М. Р. – д. филол. н.

Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.

Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.

Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.

Петров А. В. – д. филол. н., проф.

Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.

Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.

Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.

Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.

Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.

Супрун В. И. – д. филол. н., проф.

Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.

Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.

Федотов О. И. – д. филол. н., проф.

Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.

Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.

Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.

Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Подписано в печать 28.12.2020. Формат 70х100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 12,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2021 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1

КУЛЬТ ИШТАР И РИТУАЛ СВЯЩЕННОГО БРАКА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»

Баранов А. В.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: aleksandr.baranov.97@mail.ru*

В статье анализируются мифолого-ритуальные основы романа Виктора Пелевина «Generation “П”» – это трансформированный образ богини Инанны-Иштар и ритуал священного брака. В начале автор выясняет особенности и функции аутентичной Иштар. Приводится материал, иллюстрирующий сложность образа богини в источниках древней литературы и религиозных текстах. Через событийность повествований о богине шумеро-аккадского пантеона рассматриваются значимые черты её характера, которые имеют своё отражение в исследуемом романе. Большое внимание уделяется основному ритуалу, связанному с Инанной-Иштар – священному браку, союзу Земли и Неба, божества и человека, который стал сюжетообразующим для «Generation “П”». Далее детально изучается трансформация и авторское осмысление описанных мифологом в выбранном романе. Автор расширяет область анализа за счёт рассмотрения неомифологических сюжетов в произведении Виктора Пелевина, роли гильдии халдеев и некоторых ритуально значимых культурных представлений. Основными направлениями статьи являются исследование профанизации сакрального, оппозиции и соответствия изначального значения символов с авторским. Через путь становления главного героя романа «Generation “П”» Вавилена Татарского исследуется раскрытие мифологом и их конкретная реализация в реалиях девяностых годов XX века.

Ключевые слова: Инанна-Иштар, Иштар, гильдия халдеев, священный брак, Вавилен Татарский, Энкиду, Древо жизни, шумеро-аккадская мифология, В. Пелевин, «Generation "П"»

ВВЕДЕНИЕ

Образ древней богини и ритуал священного брака являются ключевыми и сюжетообразующими для романа Виктора Пелевина «Generation “П”». Можно утверждать, что, по Пелевину, социальная система синонимична совокупности смыслов, вложенных им в образы Иштар и «общества садовников» [12, с. 337], то есть её служителей-халдеев.

Для объективности суждений об идейной стороне романа, его смысловой наполненности необходимо обратиться к подлинным мифолого-ритуальным чертам богини, некогда сформировавшимся в шумеро-аккадской и аккадско-авилонской культурной общности, чтобы выяснить, какие из них и как реализует и переосмысляет Виктор Пелевин. Мы не можем назвать систему фантастических образов и микросюжетов в романе полностью неомифологическими. Но в них присутствует множество отсылок к архаическим мифологемам. Поэтому особенности реализации культурных архетипов в рассматриваемом художественном тексте заслуживают отдельного внимания. Не следует забывать также и о связи мифа с типом художественного мышления априори [11, с. 38].

Иштар – одно из древнейших выражений идеи Великой Богини. Изучение её культа, позволяя раскрыть смыслы цивилизации далёкого прошлого, связывает архаичное с современным и указывает на единство человеческого с божественным, на особенности пути смертного, на итог его движения и связанные с ним последствия. В этом смысле роман Виктора Пелевина «Generation “П”» становится одним из самых значительных произведений русского постмодернизма и несёт древнюю семантику в рамках создаваемой писателем альтернативной реальности, в которой узнаваемые архаические элементы в сильно трансформированном виде играют значительную (если не главную) роль.

Поэтому целью статьи является уяснение роли Иштар и ритуала священного брака в организации художественного мира романа В. Пелевина «Generation “П”».

Теоретическую основу статьи составили труды Дж. Фрэзера, Т. Якобсона, И. М. Дьяконова, В. В. Емельянова, а также исследования Жана Бодрийера в области симулякров и Жака Деррида, осмыслившего метафизику с точки зрения деконструктивизма. Из отечественных исследователей необходимо выделить особо работы Михаила Эпштейна как теоретика русской постмодернистской литературы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Богиня Инанна-Иштар и ритуал священного брака в шумеро-аккадской мифологии

Оговоримся, что древние шумеры называли богиню Инанной, Иштар – аккадский вариант имени [19, с. 159]. Упомянув о двух именах, Торкильд Якобсен сразу же замечает, что Инанна-Иштар – «в некоторых отношениях – самая интересная фигура шумерского пантеона» [19, с. 159]. Сложно не согласиться, учитывая совокупность ролей и функций, выполняемых ей.

Исследователь перечисляет все её основные ипостаси: «богиня дождя, богиня распри, богиня утренней и вечерней звезды... Итак, мы рассмотрели Инанну как нунен закров, как богиню войны, богиню утренней и вечерней звезды и богиню блудниц...власть её простирается буквально во все сферы» [19, с. 166].

Связь с закромами сразу говорит о близости функции материального накопления древнейшим представлениям об Инанне. Покровительство и утренней, и вечерней заре свидетельствует о власти над началом и завершением дня, а функции богини дождя и богини любви связаны напрямую с плодородием и оплодотворением. Область войны очень тесно взаимодействует с темой гендерных отношений, разжиганием страсти.

Значимость роли богини Инанны-Иштар в древности подчёркивают и надгробные надписи шумерских и аккадских царей («Инанне, верховной владычице, возвещающей всякие судьбы» [1, с. 67]), и древние литературные тексты («пусть одна она, мощная, держит бразды небес и земли» [1, с. 106]). В шумеро-аккадской и вавилонской истории присутствует значимый период – культ Великой Богини, когда власть Инанны-Иштар в восприятии древних распространилась практически на все важнейшие области мироздания.

В ритуальном смысле особенно значимой ипостасью Инанны является роль невесты. Их браку с Думузи, божеством плодородия и земледелия, уделён значительный пласт древних текстов. Это одно из центральных событий в шумеро-аккадском календаре,

которое приходилось на второй месяц Нового года и отмечалось весной [7, с. 65]. Обратим внимание на то, что в данном сюжете Инанна не предстаёт примерной невестой, а боится любых забот и сложностей, которые обрушатся на неё в новом доме и предстаёт перед читателем избалованной и богатой [19, с. 47].

Одним из важнейших источников с точки зрения нашей работы является поэма «С великих небес к великим недрам» [13, с. 144-155]. Здесь Инанна, богиня живых, вторгается в подземное царство, владения своей сестры Эрешкегаль с известной целью: «Инанна Великих Небес возжелала, Великих Недр возжелала!» [13, с. 149].

Только бог Энки способствует её спасению, но взамен себя она должна оставить кого-нибудь в царстве мёртвых. В итоге богиня отдаёт в жертву демонам своего супруга Думузи: «Его, хватайте его!» [13, с. 153]. Данный сюжет, по точному комментарию Дьяконова, вместе со священным браком и осирическим мифом связан с сельскохозяйственным производством [5, с. 169]. Поэтому он не уникален в мировой мифологии, однако здесь мы можем проследить характер Инанны-Иштар. Она единственная посягает на абсолютную власть от небес до недр и по собственному выбору отдаёт возлюбленного миру мёртвых.

Своеобразие черт характера богини проявлено в «Эпосе о Гильгамеше». Когда Гильгамеш оказывается увенчанным славой, к нему проявляет интерес богиня. Она предлагает вступить в брак и соблазняет героя богатством: «Ты будешь мужем, я буду женою! / Приготовлю для тебя золотую колесницу, / С золотыми колесами...» [17, с. 39]. Но Гильгамеша не прельщает предложенное ему. Он знает о пагубной природе богини, что ясно прописано в его ответе: «Но в жёны себе тебя не возьму я! / Ты – жаровня, что гаснет в холод, / Черная дверь, что не держит ветра и бури, / Дворец, раздавивший главу героя...» [17, с. 40].

Священный брак характерен для большинства архаичных культур, в частности, для Вавилона, Египта, Греции, Скандинавии [14, с. 165-167]. Он же встречался и на Дальнем Востоке, в Индии божественный царь (Индра) являлся супругом богини растительности, называемой Шри [5, с. 165]. Пережитки ритуала явно отражены в дальнейшей индийской литературе, что свидетельствует о его значимости. Особенно это заметно в сюжете об отшельнике Ришьяринге, где его соблазняет небесная апсара, после чего начинается дождь, символизирующий плодородие [5, с. 165].

Целью обрядового действия является возрождение плодородия почвы. «У многих народов этого времени приняты два связанных между собою обряда – элемент выгона скота в поле и обряд священного брака» [8, с. 66]. Элемент выгона скота добавляет к магии увеличения урожая магию приплода. Этот факт объясняет, почему Думузи – пастух. Возможно, образ пастуха является эквивалентом более раннего (первичного) образа быка. А древнейшая символика брака коровы (Земли) и быка (Неба), оплодотворяющего Землю, делает возможным жизнь и её преумножение [8, с. 69].

Для Месопотамии этот обряд имел особое значение, так как был распространён практически во всех храмах [5, с. 164]. Изначально ритуал воспринимался как брак божества с божеством: Нанна и Ниргаль, Энлиль и Нинлиль, Иштар и Думузи. Но существовали и многие иные вариации. Так, при обожествлении царя возможно было соединение его как земного божества с наложницей [5, с. 164]. Другой вариант – ежегодный союз царя с одной из жриц богини, её олицетворявшей, «дабы обеспечить плодородие земли и женского чрева» [8, с. 213].

Одной из вариаций подобных браков были «совокупления» с идолами: «Обычай женитьбы богов на статуях или людях был, таким образом, широко распространен у народов древности» [14, с. 144]. Конечно, в основном речь идёт о богах плодородия и растительности, так как союз именно с ними выполнял прагматическую функцию – увеличение благ. Для того, чтобы максимально приблизиться к сюжету из «Generation “П”», обратимся к варианту священного брака царя с богиней.

Речь идёт о фигуре царя-жреца (priestly-king), которую научно осмыслил Дж. Фрэзер в работе «Золотая ветвь» [14]. Главной особенностью царей-жрецов было соединение социальной и магической власти, сочетание жезла со скипетром [15, с. 125].

Царь-жрец считался бессмертным, а исполняющий его «обязанности» умирал весьма необычным образом. Как только здоровье царя ухудшалось – благоденствию всего народа угрожала опасность. Именно поэтому priestly-king должен умереть «при первых же признаках слабости» [14, с. 671]. Убивали его ритуально и заменяли молодым и сильным. Фрэзер описывает умерщвление ослабевающего царя-жреца. Приговор, который выносят ему советники, в буквальном переводе означает «день и год», но в действительности подразумевает ритуальную фразу «Разве Бог умирает?» [15, с. 297]. Сам процесс убийства происходит через удушение царя советниками: двое держали, один душил и ещё один «мягко похлопывал его по всему телу, пока жизнь не покидала его» [15, с. 298].

Похожее событие происходит в романе «Generation “П”», когда Виктор Пелевин описывает в неомифологическом тексте сексуальный союз с золотым идолом Иштар, на который её дух сходит в определённое время [12, с.44].

Реализация мифологем в «Generation “П”»

Исходя из позиций Андрея Белого, Михаил Эпштейн утверждает, что «конец века есть образ людей, его завершающих» [18, с.411]. Поэтому для нас так важен Вавилен Татарский, главный герой исследуемого романа. А вместе с персонажем Виктор Пелевин очерчивает объясняемый при помощи мифа мир, его породивший.

Со знакомства с тремя загадками Иштар начинается основная сюжетная линия. Весь дальнейший путь героя – путь неофита к посвящению, путь к священному браку с богиней. После «активации» предназначения Вавилен находит три предмета, символизирующих загадки, – пустую пачку из-под сигарет «Парламент», кубинскую монетку с изображением Че Гевары и точилку для карандашей в форме телевизора с нарисованным на экране глазом [12, с. 62]. Каждый из них приближает его к священному союзу с богиней. Сначала Вавилен делает успешную рекламу сигарет «Парламент», чем подкрепляет своё социальное положение. Потом узнаёт от духа Че Гевары принципы манипуляции человечеством через телевидение и рекламу. В завершение череды «отгадываний» во время общения с Сирруфом Вавилен Татарский видит, как через телевизор происходит сожжение человеческих существ [12, с. 176].

Параллельно этой троичности происходит два значительных этапа взаимодействий главного героя с идеей Иштар. В городе Татарский случайно замечает магазин с названием «Иштар»: «Это был крошечный магазин-однодневка, только что переделанный из бутербродной, но уже несущий на себе печать упадка и скорого заката» [12, с. 102]. Находясь внутри, Вавилен размышляет о двух понятиях: инфляции счастья и вещизме [12, с. 103–104].

Обратим внимание на описание магазина: писатель подчёркивает временность, ветхость его. А мысли, которые приходят персонажу, являются проявлением духа или же пути Иштар. Они отображают временность, непостоянство, потому не могут принести человеку подлинного счастья, а только заставляют его бежать всё быстрее за новыми материальными благами, чтобы хоть в какой-то степени наполнить жизнь смыслом.

Более полно образ Великой Богини раскрывается в составленном Пелевиным мифе об Энкиду, где женским божеством выступает жена бога Энки («по другой версии – его женская ипостась, что маловероятно; также возможно отождествление с фигурой Иштар» [12 с. 166]).

Богиня перебирала радужные чётки своих бус, а когда заснула – рассыпала их в воду. После этого бусинки обрели сознание и расселились по водоёму [12, с. 166]. Энкиду создан, чтобы снова собрать элементы ожерелья на золотую нить, если так случится – будет конец света [12, с. 166]. «Говорящим» выступает способ нанизывания на нить: «А по нити люди-бусины взбираются, сперва заглатывая ее, а затем попеременно схватываясь за нее ртом и анусом» [12, с. 167]. Тем самым они отображают описанную автором систему ORANUSa, построенного на орально-анальных вау-импульсах, то есть желании получать и тратить деньги [12, с. 121]. Золотая нить и есть та привлекательная вертикаль потребления, через которую (в том числе) богиня проявлена в социуме.

Когда люди занимают своё место в череде бусинок, они пользуются только указанными вау-факторами, руки «служат им для того, чтобы закрывать глаза и уши или отбиваться от белых птиц, которые стараются сорвать их с нитей» [12, с. 167]. Анализируемая сцена является наиболее яркой и полной аллегорией воздействия силы Иштар на человечество и происходящего с людьми в рамках сюжета о шумеро-аккадской мифологии.

Последняя встреча с богиней происходит в главе «Золотая комната» – сюжетной развязке и посвящении Татарского.

Внезапно он оказывается в довольно просторном зале наподобие фуршетного, куда попал в повязке на глазах. Нельзя сказать точно, снится ли Татарскому происходящее или случается в реальности, так как перед самым событием персонаж засыпает на «зиккурате», когда уже прошёл все предшествующие браку этапы. Учитывая сложность построения автором действительности, неуместно говорить о сне и яви как взаимоисключающих понятиях, особенно если взять во внимание концепцию В. О. Пигулевского, утверждавшего, что «функции посредника между двумя мирами принимает на себя “сон”, который и сам по себе может в этом случае становиться иной, особой реальностью» [9, с.27]

Первое, что попадает в поле зрения Вавилена, – в «стенах не было ни одного окна, зато одна из стен была зеркальной, из-за чего освещенный яркими галогенными лампами зал казался значительно больше, чем был на самом деле» [12, с. 324]. Иными словами, помещение не имеет связи с внешним миром через окна и замкнуто само в себе, зеркало здесь выступает средством иллюзии, благодаря которой зал кажется другим. Учтём и размер зеркала – целая стена, следовательно, все присутствующие отражаются и постоянно видят себя в нём, то есть символически погружены в иллюзорность.

На светском приёме Татарский оказывается совершенно голым, несмотря на то что остальные одеты, но его нагота не привлекает особого внимания. С одной стороны, подобная нелепость может выступать характерной чертой для сна, потому что в

предыдущей главе Вавилен засыпает, и мы не знаем, насколько реально происходящее. Но с другой – его нагота есть следствие соблюдения канонического обряда посвящения.

В ряде случаев, когда речь идёт именно о сакральном в ритуале, часто от посвящаемого требуется обнажённость. Например, в христианском обряде крещения (особенно, когда мы говорим о древности) человек должен быть голым и это имеет важный смысл: «во время крещения человек подобно Христу сбрасывает с себя старые одежды порчи, греха...» [16, с. 85–86]. В архаических системах значение снятия одежды то же самое, что в рассмотренном монотеистическом примере: «...с религиозной жизнью не должно смешиваться ничего из того, что имеет прямое или косвенное отношение к профанной жизни. Нередко абориген должен полностью обнажиться, чтобы его допустили к участию в обряде» [6, с. 508].

Опираясь на указанные сведения, мы считаем наготу Татарского ритуальной вне зависимости от степени реальности происходящего. Азадовский открыто говорит герою о том, что повязка и «все дела» – необходимость перед совершением ритуала [12, с. 324–325]. Присутствие остальных в одежде тоже понятно – не им проходить посвящение, а безразличность к обнажённости Вавилена можно считать знаком осведомлённости и принадлежности присутствующих к тайной гильдии халдеев.

Немного отступая от описания пути к посвящению, Пелевин ещё раз обращает читательское внимание на ужасающие следствия общества потребления и подчинённости ORANUSy, то есть – догмам Иштар. В помещении Татарский наблюдает странную выставку картин, где вместо экспонатов – нотариальные справки об их покупке, и при показе делается особый акцент на стоимости приобретения [12, с. 325–326]. Сами экспонаты уже никого не интересуют. Азадовский вообще не видит смысла разбираться в искусстве, он не понимает эстетики как таковой [12, с. 326]. И это – прямое следствие ценностей поколения «П».

Через какое-то время Азадовский уводит Вавилена с мероприятия через тайную дверь в зеркальной стене [12, с. 328], то есть переводит в зазеркалье. Перед событиями в Золотой комнате для нас важен один описательный фрагмент. Татарский смотрит на Леонида Азадовского, уже надевшего золотую маску, и характеризует его так: «Маленькое золотое лицо неземной красоты, словно вынырнувшее из толпы ряженных на карнавале в Венеции, настолько не соответствовало его рыжеволосому бочкообразному туловищу, что Татарскому стало страшно» [12, с. 331].

Это противоречие является лейтмотивом произведения, и назвать его можно смешением сакрального с профанным. Сам Леонид Азадовский – персонаж, включённый в ряд служителей современного культа, ведёт себя как невежда даже по отношению к самому посвящению: «Мне лично всё это по барабану, но, если хочешь быть в нашем бизнесе, без этого нельзя» [12, с. 333]. И это общая тенденция для представителей «Института пчеловодства» или же – современных халдеев. Об этом же свидетельствует и фрагмент диалога Фарсейкина с Вавиленом. Последний замечает, что ему известно значение одного из центральных иероглифов на ритуальной плите, египетское «быстро», на что Фарсук ему отвечает: «...нестандартно. Обычно новые члены думают, что это шоколад “M&M”» [12, с. 336]. Означать это может только неподготовленность неопита к посвящению и тотальную профанизацию сакральной традиции культа. Очевидно, что тот культ Иштар, которому следуют халдеи, увёл мир людей в беспробудную тьму и существует для погружения человечества во мрак дальше.

Виктор Пелевин филигранно играет с истинно существовавшими представлениями, их трансформацией и авторскими дополнениями, чтобы создать аллегорическую и одновременно крайне реалистическую мировоззренческую модель. Он не даёт читателю окончательно убедиться в фантастичности или правдивости происходящего. Думается, мир рассматриваемого романа является альтернативной реальностью, в которой с помощью мифологических элементов Виктор Пелевин ищет «корни» той критической ситуации, в которой оказался человек в конце XX века. Неокульт Великой Богини как нивелирование духовно-нравственного развития человечества на фоне обладания благами – очень ёмкая иллюстрация авторской позиции.

Теперь обратимся к новому неомифологическому сюжету, открываемому Азадовским Вавилену в качестве элемента посвящения. Одна богиня не хотела умирать, когда пришло время, тогда она разделилась на то, что отказывается умирать и на саму смерть. Смертью оказался некий пятилапый пёс Пи...ец, и они с богиней долго сражались. Когда пёс стал её побеждать – вмешались остальные боги (по-видимому, тоже решившие не умирать) и убедили враждующих заключить мир. Богиня превратилась в золото как идею и лишилась тела, а пёс вынужден вечно спать [12, с. 333–334].

Перед нами завязка эсхатологического неомифа, так как если пёс проснётся, то наступит конец света [12, с.338]. Думаем, на отождествлении пса с потусторонним миром останавливаться не нужно, вспомним хотя бы Цербера, самого известного пса-стража Аида. Нетрудно догадаться, что описанная Азадовским богиня – Иштар, и известно, что и в шумеро-аккадской традиции она тоже имела непростые отношения с царством мёртвых. Один из двух основных сюжетов, характеризующих её, связан со снисхождением в преисподнюю – «с великих небес к великим недрам». Сама амбиция Иштар завладеть миром мёртвых, то есть победить смерть как таковую, пересекается с рассказом Азадовского.

Об описываемой богине Татарскому подробнее рассказывает уже Фарсук Сейфуль-Фарсейкин, глава гильдии халдеев [12, с. 333]. Заходя в золотую комнату, Фарсук отвечает на вопрос Вавилена об имени изображенной богини: «Её никак не зовут...Когда-то давно её звали Иштар, но с тех пор её имя много раз менялось» [12, с. 336]. По-видимому, следует расценивать его высказывание как указание на искажение и забвение исконных корней традиции.

Важно упомянуть, что Иштар XX века уже не является той же самой богиней, что была до своей схватки со смертью. Теперь она превратилась в идею золота [12, с. 335], не имея иного «тела». И, так как сила божества сошлась в одной точке материального богатства, через которое она сохраняет подобие жизни, гильдия халдеев тоже не имеет знаний другого порядка. Следовательно, от её былой многомерности осталось немного – только материальная часть, богатство.

Когда Татарский смотрит на изображение богини и пятилапого пса – между ними замечает росянку, которая, по словам Фарсука, является изображением древа Жизни [12, с. 337]. Дальше мы узнаём, что оно – одна из ипостасей богини: «Дерево с тремя корнями, которое расцветает в наших душах» [12, с. 337]. Как думается, Пелевин пишет о реально существующем в представлении европейских мистиков явлении, вернее – метафизической схеме. Обратим внимание, что на изображении у древа именно три корня, и само оно является божественностью, прорастающей в человеке. Имея это в виду, не следует забывать о многоплановости богини: в шумеро-аккадской мифологии «различалось не менее пяти разных Иштар» [5, с. 229]. И у Пелевина её образ имеет

множество планов. Однако даже намёка на духовную природу описанного дерева автор нам не даёт. Структура, имеющая один смысл (постижение высших истин) приведена им с совершенно иной семантикой (погружение во тьму материализма). О несоответствии с оригиналом говорит и образ росянки. Напомним, что она является «хищным» растением, и питается насекомыми, привлечёнными вырабатываемой жидкостью. И эта биологическая особенность вносит свою смысловую лепту в интерпретацию дерева Жизни в романе. Оно хищное, и питается теми, кто им привлечен, как росянка – насекомыми.

Цель гильдии халдеев – быть садовниками этого «дерева» [12, с. 337]. Когда речь заходит об истоках общества садовников – Фарсук отвечает неопределённо: «Говорят, что оно (общество) действовало ещё при Атлантиде, но мы для простоты считаем, что оно пришло из Вавилона в Египет» [12, с. 337]. Высказывание ещё раз подчёркивает размытость и нецелостность знаний даже для Сейфуль-Фарсейкина.

Помимо «садовничества» гильдия халдеев внимательно следит, чтобы упомянутый мифологический пёс не пробудился. В свете проанализированного нельзя сказать, что наступление П...ца является отрицательным исходом. Правление Иштар и халдеев – торжество идеи абсолютной материализации сознания через принцип ORANUSa. А пробуждение пса может равняться концу власти культа. Но Татарский вовсе не герой, призванный освободить мир от господства гибельной идеи, он просто становится одним из привилегированных элементов системы – земным мужем богини.

Ритуал смены мужей в «Generation “П”» происходит очень схоже с ритуалом убийства предыдущего царя-жреца в архаических обществах. В обоих случаях предшественник принимает смерть от своих советников и посредством удушения: «Саша Бло с Малютой...душили Азадовского жёлтыми нейлоновыми прыгалками, стараясь держаться от него как можно дальше» [12, с. 340]. Таким образом, Пелевин воссоздаёт подлинный в основной задумке и неомифологический в нюансах древнейший ритуал смены мужа Великой Богини, являющегося и царём-жрецом [14, с. 671]. Причём, при строгом соблюдении ритуальной составляющей метафизическая доктрина носителей традиции предельно упрощается. Знания утрачены и нет адекватного понимания смысла этой самой традиции. Происходит то, что Жак Деррида назвал «редукцией метафизик» [3, с.102], утратой исходных значений, посредством их стирания из-за оторванности от конкретики и значительного времени пребывания в дискурсе [4, с. 243]. Иллюстрация этого – в диалоге Татарского с Фарсейкиным:

« – Фарсук Карлович, скажите мне по секрету...

– Да?

– Кто всем этим на самом деле правит?

– Мой тебе совет – не суйся, – сказал Фарсейкин. – Дольше будешь *живым* богом. Да я, если честно, и сам не знаю. А столько лет уже в бизнесе» [12, с. 343–344].

Мы считаем, что Пелевин обращается к данному сюжету ещё и с целью отображения необратимости пути, по которому пошёл Татарский: единственный способ «уйти» с «должности» – смерть, и обязательно насильственная. Естественно, отказаться от данного титула нельзя: «– А отказаться я могу? – Не думаю, – сказал Фарсейкин» [10, с. 342]. «Дотянуть до старости» можно только, если «не нагнать» [12, с. 343], что означает – справно выполнять определённые указания. А сама структура верховной власти в гильдии остаётся теневой даже для земного бога.

Финал книги изменяет концепцию Великой Лотереи, где победитель устаивается священного союза с Иштар, игры, где есть «только выигрыш или смерть» [12, с. 45].

Теперь она выглядит не столько беспроигрышной, сколько безвыигрышной, так как Вавилен оказывается в золотой клетке с множеством подразумеваемых правил, нарушать которые опасно для жизни (запрет на интерес к «верхушке» и своеволие). А живым богом по факту становится 3D-копия Татарского, а он как человек ничего не значит [12, с. 35]. То есть его статус является наполовину симулякром. По определению Бодрийяра симулякр «является образом, обещающим присутствие того, чего нет» [2, с. 10]. И, с точки зрения физической действительности Вавилен Татарский не становится богом, сверхчеловеком и т.п. Даже с точки зрения атрибутов для него ничего не меняется. Однако его 3D-копия, то есть уже иллюзия, занимает привилегированное место в массмедийном пространстве, из которого и строится поглощающая человека социальная реальность.

ВЫВОДЫ

Инанна-Иштар в культуре Древнего Востока воспринималась не только богиней любви, распри и плодородия (богатства), но и была Великой Богиней. Именно на это опирается писатель, предоставляя ей всю полноту власти над миром в пространстве рассматриваемого романа. Единственная её сущностная черта, к которой В. О. Пелевин не прибегает вовсе – это любовь. Аллегорически Иштар выступает в романе соединяющей всё и вся золотой нитью, на которую нанизаны живущие, и олицетворяет тотальную материализацию вектора развития человечества. Это связано и с упрощением сути её самой как Великой Богини, так как после отказа умирать она воплощается в единой, но всеобъемлющей идее золота (как символа материального богатства). Следствием выступает профанизация сакрального в гильдии халдеев, в общественной системе.

Близко к архаическим образцам воссоздан ритуал смены старого царя-жреца новым (удушение, обязательная насильственная смерть). Вместе с тем в романе представлена лишь вариация священного брака между царём-жрецом и идолом божества. И мистическая власть богини одновременно всеобъемлющая и иллюзорная, то есть видится в мире вещей только через символы и домысливание героя – Вавилена Татарского. Священный брак выступает скрепой и целью пути Татарского, однако в итоге приводит его к столь же мнимой божественности, как и знания халдеев.

Мифологические и неомифологические конструкты используются Виктором Пелевиным как фундамент аллегорической и одновременно насыщенной реалистичностью его авторской действительности. В координатах России конца XX века открывается панорама истории человеческой цивилизации, теряющей всякую субъектность и не имеющей внятной системы знаний, необходимой для саморазвития идеологии ни на одном из своих ярусов. Великая Богиня превратилась в идею золота, она не является, ни живой, ни мёртвой, как и человечество в мире «Generation “П”».

Список литературы

1. Ассирио-Вавилонский эпос [Текст] / изд. подготовил В. В. Емельянов. – СПб.: Наука, 2007. – 641с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
3. Деррида, Ж. Письмо и различие / Жак Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.

4. Деррида, Ж. Поля философии / Жак Деррида. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
5. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада [Текст] / И. М. Дьяконов. – М. : Наука, 1990. – 247 с.
6. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии [Текст] / Э. Дюркгейм. – М. : РАНХиГС, 2018. – 736 с.
7. Емельянов, В. В. Древний Шумер. Очерки Культуры [Текст] / В. В. Емельянов – СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. – 368 с.
8. Емельянов, В. В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака [Текст] / В. В. Емельянов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 272 с.
9. Иванова, Н. П. Мотив сна и увядания в бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. [Текст] / Н. П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 2. – С. 25–37.
10. Крамер, Сэмюэл Н. История начинается в Шумере [Текст] / Сэмюэль Н. Крамер. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 235 с.
11. Курьянов, С. О., Лосинец, Д. Ю. Неомифологические основы творчества А. С. Грина (на примере рассказа «Ночью и днём») / С. О. Курьянов, Д. Ю. Лосинец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 2. – С. 38–50.
12. Пелевин, В. Generation “П” [Текст] / В. Пелевин. – М. : Аст, 2019. – 352 с.
13. Поэзия и проза древнего востока [Текст] / под ред. И. Брагинского. – М. : Художественная литература, 1973. – 736 с.
14. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь. Дополнительный том [Текст] / Дж. Дж. Фрэзер. – М. : Рефл-бук, 1998. – 464 с.
15. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Дж. Дж. Фрэзер. – М. : Политиздат, 1983. – 703 с.
16. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / Мирча Элиаде – М. : Издательство Московского университета, 1994. – 143 с.
17. Эпос о Гильгамеше (О всё выдавшем) [Текст]. – СПб. : Наука 2006. – 215 с.
18. Эпштейн, М. Н. Постмодерн в русской литературе : учеб. пособие для вузов / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 2005. – 495 с.
19. Якобсен, Т. Сокровища тьмы : история месопотамской религии [Текст] / Торкильд Якобсен. – М. : Восточная литература. РАН, 1995. – 293 с.

References

1. Assiro-Vavilonskii Jepos [Assyro-Babylonian Epic]. Ed. prep. by V.V. Yemelyanov. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007. 641p.
2. Bodriiyar Zh. *Simulyakry i Simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Moscow: POSTUM Publ., 2015. 240 p.
3. Derrida Zh. *Pismo i Razlichiye* [Writing and Distinction]. Saint Petersburg: Akademicheskii Projekt Publ., 2000. 432 p.
4. Derrida Zh. *Polya Filosofii* [Philosophy Fields]. Moscow: Akademicheskii Projek Publ.t, 2012. 376 p.

5. Dyakonov I. M. *Arkhaicheskiye Mify Vostoka i Zapada* [Archaic Myths of the East and West]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 247 p.
6. Dyurkgeim Je. *Jelementarnyye Formy Religioznoi Zhizni: Totemicheskaya Sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow: RANKhiGS Publ., 2018. 736 p.
7. Yemelyanov V. V. *Drevnii Shumer. Ocherki Kultury* [Ancient Sumer. Essays on Culture]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2001. 368 p.
8. Yemelyanov V. V. *Nippurskiy Kalendar i Rannyaya Istoriya Zodiaka* [The Nippur Calendar and the Early History of the Zodiac]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 1999. 272 p.
9. Ivanova N. P. *Motiv Sna I Uvyadaniya v Bakhchisarayskom Tekste Russkikh Poetov XIX-XX Vv.* [The Motive of Sleep and Withering in the Bakhchisarai Text of Russian Poets of the 19th – 20th Centuries]. *Uchenyye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki. Nauchnyi Zhurnal*. Vol. 5 (71). no 2. pp. 25–37.
10. Kramer Semyuel N. *Istoriya Nachinayetsya v Shumere* [The Story Begins in Sumer]. Moscow: Nauka Publ. Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury, 1991. 235 p.
11. Kuryanov S. O., Losinets D. Yu. *Neomifologicheskiye Osnovy Tvorchestva A.S. Grina (na Primere Rasskaza Nochy i Dnom)* [Neomythological Foundations of A.S. Green's Works (Based on the Story Night and Day)]. *Uchenyye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, 2019, Vol. 5 (71), no 2. pp. 38–50.
12. Pelevin V. *Generation II* [Generation P]. Moscow: Ast Publ., 2019. 352 p.
13. *Pojeziya i Proza Drevnego Vostoka* [Poetry and Prose of the Ancient East]. Ed. by. I. Braginsky. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1973. 736 p.
14. Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya Vetr: Issledovaniye Magii i Religii* [The Golden Bough: Researching Magic and Religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1983. 703 p.
15. Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya Vetr. Dopolnitelnyi Tom* [The Golden Bough. Additional Volume]. Moscow: Refl-buk Publ., 1998. 464 p.
16. Jeliade M. *Svyashchennoye i Mirskoye* [Sacred and Secular]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 1994. 143 p.
17. *Jepos o Gilgameshe (O Vse Vidavshem)* [The Epic of Gilgamesh (The One Who Saw Everything)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2006. 212 p.
18. Jepshteyn M. N. *Postmodern v Russkoi Literature* [Postmodernity in Russian Literature]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2005. 495 p.
19. Yakobsen T. *Sokrovishcha T'my: Istoriya Mesopotamskoy Religii* [Treasures of Darkness: A History of the Mesopotamian Religion]. Moscow: Vostochnaya Literatura. RAN Publ., 1995. 293 p.

**THE CULT OF ISHTAR AND THE RITUAL OF THE SACRED MARRIAGE IN
VICTOR PELEVIN'S NOVEL "GENERATION" P»**

Baranov A. V.

Summary. The article analyzes the mythological and ritual foundations of Victor Pelevin's novel "Generation " P " - a transformed image of the goddess Inanna-Ishtar and the ritual of a sacred marriage. In the beginning, the author finds out the features and functions of the authentic Ishtar. The article provides material illustrating the complexity of the image of the goddess in the sources of ancient literature and religious texts. Through the eventfulness of the narratives about the goddess of the Sumero-Akkadian pantheon, significant features of her character are considered, which are reflected in the novel under study. Much attention is paid to the main ritual associated with Innana-Ishtar-the sacred marriage, the union of Earth and Heaven, deity and man, which became the plot-forming for "Generation " P". Next, we study in detail the transformation and author's understanding of the mythologies described in the selected novel. The author expands the field of analysis by considering neo-mythological subjects in the work of Victor Pelevin, the role of the Chaldean guild and some ritually significant cultural representations. The main directions of the article are the study of the profanization of the sacred, the opposition and the correspondence of the original meaning of the symbols with the author's. Through the path of formation of the main character of the novel "Generation" P "" Vavilen Tatarsky explores the disclosure of mythologies and their concrete implementation in the realities of the nineties of the XX century.

Keywords: Inanna-Ishtar, Ishtar, the Guild of the Chaldeans, holy marriage, Babylonian Tatar, Enkidu, Tree of Life, Sumero-Akkadian mythology, V. Pelevin, "Generation" P».

УДК 809-027.14:808.1-058.237

ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ. АЛЛЕГОРИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Борисова Л. М., Шульженко Ю. А.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: borlm-sf@mail.ru, juliashul22@gmail.com*

Анализ связи героя с «групповым прообразом» указывает на постоянный вектор в авторской оценке личности Самгина: определенность / неопределенность социально-политической позиции. Многообразие и сложность профессиональных, духовных, культурных исканий героя в «Жизни Клима Самгина» рассматриваются как измена основному назначению интеллигента, в котором писатель видит главное лицо «вечной революции». Рассматривая ключевые эпизоды романа в контексте эпистолярного и публицистического наследия Горького, авторы статьи приходят к выводу о понятийной подоплеке, его аллегоризме. Об этом же свидетельствуют отвлеченные метафоры и риторические лейтмотивы в характеристике героя. На иносказательный смысл повествования указывают также прямые авторские ремарки в тексте романа. Своеобразие горьковской аллегории интеллигенции состоит в том, что наряду с традиционной иллюстративной образностью она включает в себе реалистический характер, разработанный с документальной точностью. В статье приводятся многочисленные примеры текстологических совпадений в «Жизни Клима Самгина» с воспоминаниями конкретных исторических лиц.

Ключевые слова: прототип, М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», аллегория, интеллигенция

ВВЕДЕНИЕ

Нам уже приходилось писать о том, что прототипический подход позволяет лучше понять феномен такого загадочного, по определению исследователей, персонажа, как Клим Самгин. В частности, при таком подходе становится очевидным стремление писателя к предельной обобщенности образа. Внутренняя раздвоенность героя между общественным долгом, унаследованной от предшественников идеей служения народу и интересами иного порядка, идущими от осознания ценности личности (прежде всего своей собственной), в оценке Горького, – сущностный признак всего предреволюционного поколения русской интеллигенции [7]. Однако поколенческим фактором не исчерпывается суть отмеченного противоречия, вторая его часть также включает в себе проблему. С осознания себя творческой силой, писал Горький в статье «Разрушение личности» (1909), начинается и расцвет личности, и ее драма. Драма индивидуализма. Творческую силу, по Горькому, человеку дает коллектив, и без этой связи он быстро ее растрчивает. В разное время писатель по-разному смотрел на отношения личности и коллектива [см. 35]. В последнем романе, подчеркивая творческую несостоятельность тяготящегося коллективом Клима Самгина, он возвращается к своему старому тезису. Но как это выглядит с художественной точки зрения? Попробуем ответить на вопрос с привлечением «цитат жизни» (выражение А. И. Овчаренко) из мемуарного, публицистического и художественного наследия прототипов «тезиса».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Родословная Самгина впечатляет и побуждает исследователей оспаривать авторскую характеристику героя как «пустой души»: «...Может ли Клим Самгин быть "пустой душой", если среди его прототипов были такие незаурядные люди, как С. П. Мельгунов, В. С. Миролюбов, К. П. Пятницкий, А. А. Ярошевский, В. С. Лукин и даже, если верить Е. П. Пешковой, И. А. Бунин?» [32, с. 244].

Самгин и другие: поиски призвания

Многообразная одаренность и широта интересов – отличительные черты прототипов Самгина. Парадоксальным образом именно эти качества порой затрудняли им выбор профессионального поприща. Во всяком случае, далеко не все сразу нашли сферу применения своим талантам. В поисках призвания Поссе, например, пробовал силы на историко-филологическом факультете Петербургского университета: «Думал заниматься историей и литературой. Но больше всего заинтересовался сравнительным языковедением» [33, с. 31]. Через год перевелся на юридический факультет, получил звание кандидата прав, но карьере адвоката предпочел работу врача. «Врач, казалось мне, может быть свободным, независимым, и жить со спокойной совестью и радостным сознанием, что он приносит пользу...» [33, с. 48], – вспоминал он позже это время. (Только при большом желании эти слова можно расценить как измену заветам народничества в поисках комфортного положения в обществе.) Но так как «медицина – надстройка над естествознанием», то прежде занялся этими дисциплинами. «И разве можно считать себя образованным в конце девятнадцатого века, не изучив основ естествознания?» [33, с. 48]. «Занятия медициной давались мне нелегко» [33, с. 68], – признавался Поссе, вспоминая свои муки в анатомическом театре. Но, работая много и успешно, он выдвинулся в число лучших студентов, так что даже время от времени стал получать приглашения на ужин к своему университетскому профессору. (Медицину и естествознание Поссе постигал в Иене). «Но естествознание и медицина не поглощали всех моих сил. Я находил время слушать лекции по философии <...>, следить за художественной литературой, знакомиться с политической жизнью...» [33, с. 69]. Эти интересы в конце концов перевесили у Поссе все остальные. Он нашел себя в публицистике и основательно занялся издательской деятельностью.

Многогранность личности – первое, что бросается в глаза у «собирательного» прототипа Самгина. Пятницкий – известный издатель, руководитель знаменитого «Знания», окончил естественное отделение Петербургского университета. Миролюбов, «студент-юрист из семинаристов» [3, с. 273], по характеристике Амфитеатрова, обладал прекрасным голосом (как вспоминали современники, это был едва ли не уникальный бас), учился пению в Италии и несколько лет выступал на сцене Большого театра, прежде чем сосредоточился на редакторской и издательской деятельности. Маклаков начинал учиться на естественном факультете Московского университета, с мыслью о научной карьере перешел на историко-филологический, но, убедившись, что по натуре «не настоящий ученый» [29, с. 200], окончил экстерном юридический и, наконец, получил известность как адвокат. Мельгунов сразу вышел на свою профессиональную стезю, он известен как автор серьезных трудов по общественно-политической и церковной истории России, но также занимался публицистикой, а кроме того, как и многие другие из тех, о

ком идет речь, – издательской деятельностью. Сам Горький, как известно, в странствиях по Руси перепробовал десяток профессий исключительно с целью познания жизни. (Поссе в своих воспоминаниях не мог не отметить этот факт).

Профессиональная деятельность горьковского героя носит более скромный характер, чем у лиц, определенных ему автором в качестве прототипов, при том что в его судьбе просматривается уже знакомая схема: юрист-публицист-писатель-литературный критик. Но все зигзаги в профессиональной жизни Самгина происходят не от многоодаренности, а от безразличия к какой бы то ни было деятельности. Нет ни одного вопроса, ни одной науки, которыми бы Клим заинтересовался по-настоящему. В профессиональном и шире – творческом плане интеллигент у Горького остается такой же размытой, колеблющейся, неопределенной фигурой, как и в плане социально-политическом.

В гимназии Клим «учился усердно, но не очень успешно» [11, с. 69] и к вопросу о дальнейшем образовании подошел без особого энтузиазма. Поначалу, поддавшись на уговоры отца, согласился поступать в институт гражданских инженеров («Варавка устроил все, что было необходимо, чтоб Клима приняли» [11, с. 197]), но затем изменил решение и остановил свой выбор на более престижном юридическом факультете.

Университетская жизнь разочаровала героя: «Науки не очень интересовали Клима» [11, с. 217]. Самгин скоро пожалел, что избрал профессию адвоката: «следовало бы учиться в институте гражданских инженеров, как советовал Варавка» [12, с. 163]. Клим совершенно не представлял себя в качестве «защитника убийц, поджигателей, мошенников. У него вообще не было позыва к оправданию людей» [12, с. 160].

От Миролюбова, Маклакова, Айхенвальда, Поссе к Самгину перешел ораторский дар. Как лектор он обратил на себя внимание после событий 9 января 1905 года, став их невольным свидетелем. «После каждого доклада он чувствовал себя умнее, значительней» [12, с. 578]. Но, едва наделив героя красноречием, Горький тут же этот дар у него и отнял, объяснив кратковременный успех Самгина особым настроением аудитории. Обыватель «стосковался о необыкновенном», а Клим рассказал о событии так, что удовлетворил этот запрос: «Ему очень хотелось попутать людей, и он делал это с наслаждением» [12, с. 575].

Только в глазах жены Клим выдающийся оратор: «Как замечательно ты говоришь <...> Ты был бы знаменитым прокурором» [12, с. 623]. Про себя же герой знает, что «говорит неинтересно, слушают его невнимательно» [11, с. 283], и что дело тут не в даре слова как таковом, а в отсутствии собственных мыслей.

Привычка Самгина во всем замечать отталкивающие стороны, ошибочно принятая за критический склад ума, некоторое время позволяла его окружению предполагать у него способности к литературной критике: «У вас все данные для такой роли: критическое умястроение, сдерживаемое осторожностью суждений, и хороший вкус» [11, с. 505]. Но, попробовав себя в качестве публициста, Клим скоро убедился, что его мысли не оригинальны, «некоторые фразы многословны и звучат тяжело, иные слишком высокопарны», а в каких-то и вовсе повторяются чужие формулировки. Мнения коллег и знакомых не разошлись с его собственным: «...Написано несколько излишне нарядно», «...Статейка похожа на витрину гастрономического магазина: все – вкусно, а – не для широкого потребления» [12, с. 24, 25].

Тем не менее, идя по стопам прототипов, герой не избежал искушения писательством «Спрятаться куда-нибудь в провинциальную трущобу, жить одиноко,

попробовать писать...» [12, с. 406]. И, надо признать, не без удовлетворения проводил время «наедине с самим собою, в безмолвной беседе с бумагой, которая покорно принимала на себя все и всякие слова» [12, с. 89]. Самгин даже уверился, что, не будь он женат, из него получился бы достойный литератор, пишущий «о тихом торжестве злой скуки жизни не хуже Чехова и, конечно, более остро, чем Леонид Андреев» [13, с. 144]. При этом он сознает ограниченность своих возможностей: «Я много и отлично вижу. Но – плохо формирую, у меня мало слов» [13, с. 63]. Так что, если бы даже герой закрепился на писательском поприще, из него в лучшем случае выработался бы автор уровня Тимковского, не случайно определенного ему в прототипы, но никак не Чехова или Андреева.

К Тимковскому современники относились по-разному. Вересаев, например, отзывался о его писаниях как о «безнадежно тусклых и угнетающе гуманных» [8, с. 476]. Но были и такие, которые отдавали автору должное: «Он в своих произведениях по существу близко подходил к А. П. Чехову, но ни тонкого юмора, ни высокой художественности <...> у него не было. <...> он просто реально описывал своих героев, тоже "хмурых" людей <...> служащих, учащих, учащихся, выбитых из колеи жизни, обиженных, униженных, задавленных сильными людьми» [5, с. 119–120]. «Его герои, – писала о Тимковском критика, – <...> подавленные рутиной и однообразием жизни "душевно раздвоенные люди". Такой герой «начинает с "отвращением" относиться ко всем окружающим его людям, он тяготится жизнью» [37]. Самгин, не доверяя собственной способности к обобщениям, предпочитает оперировать фактами (в глазах Горького это, конечно, объективность Дятла), что весьма созвучно творчеству Тимковского в оценке Михайловского: «Автор сохраняет вид совершенно спокойного, хладнокровного наблюдателя, бесстрастно записывающего факты действительной жизни» [30]. Но горьковский герой проигрывает в сравнении и с этим писателем. Да, «Тимковский говорит вещи не особо новые, не для открытий» [25, с. 355], – писал Короленко. Но этот автор передает «настроение среднего думающего и чувствующего русского человека» в момент обострившегося противостояния «малых дел» и «больших вопросов». «Сказать, что г. Тимковский разрешает эту трагическую коллизию, значило бы сказать неправду», но вместе со своим героем он ведет читателя в подвалы тех, ради кого предназначены «тюфяки» и «пособия», предметы «малых дел», – заключает Короленко. Если учесть, что Самгин меньше всего способен печься о городской бедноте (на уровне малых дел народнический комплекс ему изначально чужд), то не приходится сомневаться: даже Тимковский из него вышел бы лишь наполовину.

По наблюдениям Горького, при скромных дарованиях людей вроде Самгина отличает повышенное внимание к собственной личности и переоценка ее масштаба. О том же Тимковском Горький писал, что ему свойственно «холить и лелеять себя» [15, с. 350], о Пятницком говорил: «убийственно и смешно самодоволен» [18, с. 208], а о воспоминаниях Поссе отзывался: «Зеркало, в котором он видит себя, превосходно увеличивает и украшает фигуру. <...> Но это участь всех, кто видит себя одной из главнейших сил, кои творят "историю"» [24, с. 173]. (Заметим, что Самгину, подобно редактору «Жизни», свойственно представлять себя в числе личностей, «бытие которых окрашивает эпохи» [12, с. 311].)

В свою очередь Поссе замечал «самодержавные наклонности» у Миролубова, а о Бунине говорил автору «Самгина»: «<...> есть в нем нечто общее со мной, вероятно, это его аристократическое сознание своей "самости, ячности"» [24, с. 243] (признание,

которое не может не вызвать ассоциаций с фамилией героя и невольно наводит на мысль о ее этимологии). Разделяя такую оценку Бунина, писатель игнорирует важное обстоятельство: Бунин – художник. Пришвин, тонко заметивший в Горьком «борьбу и мешанину» двух существ – хозяина и художника, написал в своем дневнике следующее: «Хозяин и Художник: Хозяину – род, Художнику – личность (здесь и далее подчеркнуто Пришвиным. – Л. Борисова, Ю. Шульженко). Личность и род. Возникновение ненавистного Художнику и любезного Хозяину среднего арифметического – "человечество" и равно непонятого для Хозяина – "бессмертной, единственный раз показавшейся на свет личности"» [34, с. 230].

Вопрос о личности и коллективе нельзя считать окончательно решенным Горьким, но в «Жизни Клим Самгина» он, безусловно, выступает в ипостаси «государственника», «Хозяина».

У Поссе не было горьковского размаха колебаний, именно поэтому его позиция была менее односторонней. Он он не только отдавал себе отчет в «самодержавных» наклонностях русской предреволюционной интеллигенции (в том числе у себя самого), но и точно определял его философские истоки. «С захватывающим интересом прочел я единственную книгу Штирнера – "Единственный и его собственность". Ни одна книга не имела на меня такого сильного влияния, как "Единственный" <...> Я осознал себя единственным, равного которому не было и не будет. <...>

Осознав себя единственным, я оправдал любовь к себе. Я понял, что бороться и творить может лишь тот, кто любит себя и кто развивает и повышает эту любовь до пределов альтруизма, до предела любви к другим, а любовь эта в том, чтобы все сделались «единственными, чтобы все сделались свободными. Я отверг любовь-жертву, ту самоотверженную любовь, которая старается поработить и обезличить любимого» [33, с. 106].

В «Жизни Клим Самгина» Горький развенчал «самодержавие» личности, представив его тупиком в развитии человечества. В период работы над романом писатель с жесткой иронией вспоминал, как в молодости студент Васильев «обрабатывал» его Ницше, а Поссе – Штирнером, [24, с. 173]. Но и Ницше, и Штирнер – важные этапы его пути. В 1911 году Горький писал Л. А. Никифоровой: «Люди типа Ницше-Штирнера – плохие индивидуалисты, они слишком много заботились о человечестве, слишком искренне и горячо желали ему добра – свободы от глупости, пошлости, от предрассудков, предубеждений, скверных привычек и авторитетов» [19, с. 60]. В том же письме Горький далее прославлял личность: «Личность, человек – вот она драгоценнейшая наша реальность». Но личность драгоценна, когда «чувствует себя совершенно правильным выводом из посылок прошлого и необходимейшей посылкой в будущее», когда «мужественно сознается в ограниченности своих *личных* (курсив Горького. – Л. Борисова, Ю. Шульженко) сил», когда «знает, что ее бытие обусловлено именно в тех формах, в той среде, в коих она существует» [19, с. 60]. (NB. Примечательная постановка вопроса: чтобы раскрыться, личности нужно не забыть о себе в творчестве, но знать свое место.) В противном случае она перерождается в «ячность» – «специфически русскую болезнь», которая «заставляет человека всю жизнь возиться со своей душой, которая <...> ничего в себе не держит, ибо находится в постоянном трепете», и кричать: «не хочу культуры, не хочу будущего, какое мне дело до человечества?» [19, с. 61].

Как видно из этого демарша, «ячник» не обязательно интеллигент: самый большой враг культуры и коллективизма у Горького неизменно мужик, тень которого витает и в

цитируемом письме. Там, где в одной стране многовековая культура побуждает человека на вопрос: «ты кто?» – ответить: «каприец», «миланец», «итальянец», другой скажет только: «я – Ванька!» – такую картину автор «Сказок об Италии» рисовал заступавшейся за личность писательнице. Сетуя на «грубость» сказанного им в письме, Горький рекомендовал корреспондентке свою статью «Разрушение личности»: «...Плохая статья, но она, все-таки, может помочь Вам понять меня» [19, с. 61]. В письме, однако, он рассуждает на тему личности не столь прямолинейно, как в статье, где признает за коллективом право избавиться от нерядового, непонятного ему индивида. Именно это и происходит в финале романа.

«Из того факта, что он (Горький. – Л. Борисова, Ю. Шульженко) связал образ Самгина с реально существовавшими лицами, отнюдь не вытекает, будто между ними и персонажем произведения можно поставить знак равенства...» [32, с. 223–224] – писал А. И. Овчаренко. Преображение документального материала в художественный начинается с того, что Горький последовательно отнимает у героя все те таланты, которыми обладали его прототипы, даже певческий дар Миролубова отдает большевику Кутузову. Писатель, таким образом, иллюстрирует в романе заявленную в «Разрушении личности» мысль об оскудении творческой силы личности по мере ее отдаления от коллектива.

Самгин и другие: религиозно-философские искания и культурные интересы

Другой момент, позволяющий лучше понять суть невысказанных, но тем не менее хорошо ощутимых претензий автора к герою, связан с горьковской оценкой духовных и художественных исканий его прототипов. Поссе, например, Горький выговаривал за идеалистические настроения (тот позже оправдывался, что, обмолвившись однажды «"без Бога жить нельзя", имел в виду не церковные религии, а <...> нечто в роде того "богостроительства", которым впоследствии увлекался и Горький» [33, с. 249]. Охлаждение в отношениях Горького с Миролубовым началось с участия последнего в религиозно-философских собраниях: «...основателями религиозных о-в являются всегда либо прохвосты и мерзавцы, либо безличные, а то юродивые людишки» [16, с. 208]. Пятницкого, который после событий 1905 года предлагал выпускать в «Знании» два вида сборников: один в «духе времени», где будет публиковаться литература, которая «ведет к освобождению человека», а второй – под редакцией Горького, автор «Самгина» стыдил за модернизм: «Быть декадентом стыдно, так же стыдно, как болеть сифилисом» [18, с. 52].

Наряду с другими герой романа унаследовал и эти интересы прототипов. Неслучайно в своем студенческом окружении Клим выделяет Нехаеву, познакомившую его с новым искусством. «Она заскочила куда-то далеко вперед... образованнее и умнее всех в этой компании...» [12, с. 219]. Нельзя сказать, что новейшая литература полностью отвечала его настроениям, самому себе он признавался, что не очень понимает поэтов-символистов. Но ему было приятно, что эти авторы «не воспевают страданий народа, не кричат «вперед, без страха и сомненья» и о заре «святого возрожденья» [12, с. 287]. Старшее поколение слишком много внимания уделяло материальному и совсем не интересовалось духовной жизнью человека; людям надо не объединяться, а разъединяться, думает Самгин. При этом он с досадой замечает, что многие его мысли, уводящие от злобы дня, уже превзошел Мережковский. Свое находит Самгин и в

«Вехах»: «В этой книге есть идеи очень близкие мне, быть может, рожденные, посеянные мною» [14, с. 233].

Как у прототипов, так и у героя «система фраз», по мнению Горького, меняется в зависимости от исторического момента. Писатель отмечал это у Поссэ: «удивительно путаная голова, всегда таким был» [23, с. 220]; у Миролубова: «...Человек, который ради личного желания завести порядок в своей душе, публично "эволюционирует"» [17, с. 140]. Желание Миролубова «послужить народу» Горький объяснял стремлением «оправдать бессмысленный факт своего личного бытия» и разобрать «хаос в своей дряблой, засоренной всякой дрянью душе» [17, с. 140]. Эта характеристика почти дословно переадресована Самгину, которому казалось, «что его вместилище впечатлений – то, что называют душой, – засорено этими мудрствованиями и всем, что он знал, видел, – засорено на всю жизнь» [11, с. 389], что он обречен на «служение народу», и этот долг вызвал у него чувство жалости к себе.

В глазах писателя подобные искания русского интеллигента накануне революции – свидетельство его ненадежности в главном деле, изменении жизни. Проблемно-тематически «Жизнь Клим Самгина» тесно связана с «Несвоевременными мыслями», где Горький писал о малодушии интеллигенции, которая одна могла бы (но не сделала этого) внести в разразившийся хаос начало культуры, возглавить революционный процесс и направить его в созидательное русло. В 1928 году писатель возвращается к этой мысли в статье «О белоэмигрантской литературе» и на протяжении более, чем десятилетия развивает ее в своем последнем романе. Тот факт, что вина русской интеллигенции до конца дней остается для Горького непреходящей проблемой («Жизнь Клим Самгина» не исторический роман, другое дело, что у Горького обостренное чувство «истории нашей современности» [20, с. 40]), красноречиво свидетельствует о его умонастроениях как за границей, так и в СССР. Здесь же, возможно, кроется и главная причина возвращения писателя на родину: бесконечное множество его начинаний – долг коллективного Самгина, взятый им на себя.

Понятийное и художественное в образе Самгина

Два взаимодополняющих элемента, две константы выдают авторство Горького на всех этапах его творческого пути: ярко выраженное умозрительное начало и тяга к иносказанию, проявляющаяся как в стиле, так и в жанровых предпочтениях. Обычно эти свойства считаются репрезентативными для текстов 1890–1900-х годов, а в более поздних исчезают из поля зрения исследователей. Но не из художественного состава горьковской прозы, в том числе и «Жизни Клим Самгина». Об этом говорит и обилие риторики в романе, и его «документализм», и скрыто мемуарная природа книги, на которую указывают многие исследователи, и подчеркнутая всеобщность, своеобразный протеизм героя [6, с. 308–309]. Обратим внимание на то, как достигается этот протеизм: автор искусно сужает широкого русского интеллигента до одной черты – неспособности к революционному (по Горькому, вечно революционному) действию (в горьковском лексиконе синоним жизнотворчества).

С какой последовательностью, даже ригоризмом писатель придерживается этого принципа, хорошо видно из того, что в своей оценке, повторимся, он не делает исключения даже для Бунина, прекрасно понимая: в его биографии социалистические увлечения – лишь эпизод, не идущий ни в какое сравнение с литературным

творчеством. В письме к И. А. Груздеву Горький с иронией вспоминал, как Бунин в 1904–1905 годах самоопределялся: «... кто он? – с.-р или с.-д? И если с.-д, то – м<еньшевик> или б<ольшевик>? "На кой черт это вам?" – "Э, батенька, мы, литераторы, должны быть в первых рядах"» [24, с. 243].

Метод работы писателя с жизненным материалом позволяет увидеть в центральной фигуре романа аллгорию предреволюционной русской интеллигенции. Тем более что сам автор склонен аллгоризировать многое из того, что наблюдает его герой, и оставляет об этом соответствующие пометки в тексте. О ловле несуществующего сома, вопросе неизвестного: «Да был ли мальчик?», об указывающем в пол пальце мертвого Лютова в романе не раз и устами разных героев будет сказано: «Аллегория». В свою очередь «угрожающе поднятые в небо пальцы фабричных труб» напоминают Самгину «исторические предвидения и пророчества Кутузова» [11, с. 258]. Исполненным скрытого смысла иносказанием кажутся Климу душевные излияния агента полиции Митрофанова и своя собственная усталость. После событий 1905 года герой угадывает аллгорию в словах Марины Зотовой о вещах в доме, которые теперь словно допытываются: «Как ты поставишь нас?» Даже парад кокоток в Булонском лесу воспринимается персонажами как аллгория. И это лишь часть примеров.

Аллегорический смысл возникает в романе при пересечении внутреннего монолога героя с идущими извне сентенциями. Самгина мучает сознание, что кто-то всегда раньше, чем он, формулирует его мысли. Кутузов как бы подводит итог этой рефлексии: «Одно из основных качеств русской интеллигенции – она всегда опаздывает думать» [14, с. 326]. При этом обнажается понятийная подоплека образа, что характерно именно для аллгории¹. К понятию отсылают и многие, на первый взгляд, темные метафоры, адресованные Самгину автором или другими персонажами, вроде: «Вы, Самгин, как двоечье...», «Он чувствовал себя колоколом...» и т.п. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что речь идет либо об устойчивых горьковских метафорах, смысл которых проясняется в более широком художественном контексте, либо о метафорах, хорошо укорененных в русской литературно-публицистической традиции, либо, наконец, об афоризмах политических деятелей, данных в парафразе [6].

Подобного рода образность в аллгории имеет служебный характер. Она может даже перевешивать понятийную часть, пишет А. Ф. Лосев, и сама по себе быть пышной и художественной, но это «не имеет никакого существенного значения для иллюстрируемой <...> отвлеченной мысли» [27, с. 136]. С. С. Аверинцев также указывает на ослабленную связь двух начал в аллгории, где «смысл существует в виде некоей рассудочной формулы, которую можно "вложить" в образ и затем в акте дешифровки извлечь из образа» [1, с. 28].

Аллегория и реалистический характер

Уникальность Самгина как аллгорической фигуры заключается в том, что наряду с иллюстративной образностью понятие здесь маскирует полноценный реалистический характер, к тому же созданный с опорой на человеческий документ. И не один. Больше

¹ Авторы практически всех эстетических теорий, создававшихся в разные исторические эпохи, при всех нюансах в трактовке аллгории неизменно отмечали логику, лежащую в ее основе, и свойственную ей полную смысловую определенность [см. 28, с. 237–257; 36, с. 232–257].

Родство Самгина с прототипами проявляется и в мелких «фамильных» деталях внешности, и в глубинных соответствиях психологического порядка. Горький неоднократно отмечает холодный взгляд Самгина; как «человека с холодненькими глазками» [10, с. 344] характеризует он и Мельгунова. С Поссе Самгин разделит слабость характера и психологическую неустойчивость. «Вообще он – слабый человек» [15, с. 371], – писал Горький о своем товарище. Такой вывод он делал на основании писем Поссе, где речь шла о «страшной тоске», «боязни сойти с ума», «самоубийстве» и т. п. [16, с. 392]. Подобные мысли, как известно, нередко посещают горьковского героя.

Даже в общеинтеллигентской по содержанию рефлексии Самгина порой проскальзывают личностно маркированные моменты. Маклаков, к примеру, вспоминал тактику, которой придерживался в новой для себя, молодежной революционной среде: «Однажды для решения какого-то несогласия спросили моего мнения, считаю ли я Лассалья "теоретиком" или "практиком"? Мне было стыдно признаться, что я почти не знал, кто такой и что такое Лассаль. Чтобы себя не осрамить, мне пришлось поневоле с ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре». А далее пишет: «Мало было оказаться "в курсе" вопросов. Надо было выбирать и решать» [29, с. 67–68]. Горьковский герой регулярно оказывается в такой ситуации, и его тоже порой посещает мысль о необходимости идейного самоопределения: «В конце концов я заметен лишь потому, что стою в стороне от всех и молчу. Необходимо принять какую-то идею. <...> Надо иметь в душе некий стержень» [11, с. 380].

Следует еще раз повторить вслед за А. И. Овчаренко: Самгин ни в коей мере не равняется своим прототипам. И тем более не является карикатурной копией ни кого-либо из них конкретно, ни всех вместе. Подобный метод (Горький называл его портретным), по мнению писателя, расцвел в 1910-е годы: «...что за "новая полоса" в русской литературе? Дымов пишет портрет Мережковского, Шолом-Аш – портреты Дымова, Волынского, Бургеса, Чирикова и т.д., и все – ужасно! Сологуб изобразил, как будто и как говорят, меня, Ропшин тоже портретист, Винниченко – также. Наконец – только что прочитал рукопись повести, где изображен – отвратительно и лживо – один из современных крупных писателей» [20, с. 41]. Обозначившаяся тенденция возмутила его настолько, что он писал о ней не одному из своих корреспондентов [см.: 20, с. 33, 34, 51].

Но в этой связи невольно напрашивается мысль о бесчисленном сонме прототипов Самгина. Такого множества не стоит, наверное, ни за каким другим героем мировой литературы, число прототипов у Горького выходит за рамки всякой меры. Сознал ли при этом писатель, что может задеть чувства кого-либо из вчерашних соратников? Безусловно: «Поссе – один из тех моих современников, которым особенно не понравится Самгин» [24, с. 174]. Возникает вопрос: чем портретный метод Горького отличается от того, который практиковали перечисленные им авторы?

Реакция писателя на романы с ключом (а речь идет именно об этом жанре), на первый взгляд, несоразмерная вызвавшему ее поводу, объясняется контекстом цитированного выше письма Р. М. Бланку 1912 года. В письме речь идет о программе объединения творческой интеллигенции в «Интернациональной Лиге», с которой в предчувствии мировой войны выступили известные ученые и писатели Старого и Нового света. Горькому эта идея глубоко созвучна, ей, в частности, посвящена статья «Издалека» (1911). Статья была написана на Капри, и к теме своей Горький тоже подступает издалека.

«Современная наука уверенно говорит нам, что действительное богатство мира – энергия <...>

Социологический вывод отсюда совершенно ясен: ничтожные крохи энергии отвоеваны у природы разумом и волей человека, значит – необходимо заботиться о развитии и организации в мире духовных сил человечества, в целях дальнейшего открытия и завоевания источников энергии, и эта забота об организации интеллектуальных сил должна приобрести в нашем сознании значение мировой исторической необходимости, что и должно быть понятно разумному человеку» [9, с. 98].

Литераторские войны, вынесенные на страницы повестей и романов, составляют резкий контраст грандиозным интеллектуальным задачам, которые ставит перед интеллигенцией Горький: «Как почитаешь всю эту злую ахинею, опускаются руки, и мечты о возможности объединения – гаснут...» [20, с. 41]. Таким образом, к многочисленным прототипам Самгина можно смело добавить и упомянутых его создателем авторов-портретистов.

Идея сплочения интеллигенции приобретает для Горького особую важность в годы революции и Гражданской войны. В этих обстоятельствах индивидуализм не мог восприниматься им иначе, как свидетельство деградации разумного человека.

Детально проработанный реалистический характер, на первый взгляд, несовместим с аллегорией, исключает иносказание. К прототипу авторы обычно прибегают в стремлении придать действующему лицу узнаваемость. У Горького этот мотив тоже присутствует, в герое все выдает представителя той интеллигенции, о которой писатель говорит: «...уже не герой и пока еще не герой» [22, с. 293]. Но Самгин, как уже не раз отмечалось, не просто узнаваемый и даже не собирательный характер, не просто тип. Это групповой портрет русской интеллигенции – образ, в котором просвечивает понятие.

Интеллектуализм – определяющая черта «Жизни Клима Самгина». Интеллектуальная рефлексия является здесь не только предметом, но в значительной мере и способом художественного отражения. (Не случайно Горький был готов к тому, что роман не признают художественным произведением). Риторическое конкурирует в романе с миметическим – это первое, на что обратили внимание критики и горьковские корреспонденты из числа писателей. «<...> Книга слишком насыщена афоризмами в диалогах <...>, – писал Горькому Пришвин [26, с. 352]. По мнению Адамовича, «в "Климе Самгине" встречается множество удачнейших, живых и очень ярких эпизодов, но в целом они будто "вкраплены" для развлечения читателя и тягучую ткань романа лишь иллюстрируют, как вставные картинки, с ней не сливаясь» [2, с. 118]. Сказанное критиком почти дословно совпадает с тем, что пишут теоретики о служебной функции образа в аллегории.

ВЫВОДЫ

Актуальность аллегории для литературы Нового и Новейшего времени многократно доказана. За свою многовековую историю аллегория не могла не трансформироваться, однако и сегодня обязательной формой ее существования считается условный контекст. В реалистическом контексте аллегория становится невидимкой. Но, как показывает опыт Горького в «Жизни Клима Самгина», неявность не означает отсутствия.

Разнообразный материал, содержащийся в биографиях прототипов, в «Жизни Клима Самгина» оценивается с точки зрения исторической миссии интеллигенции, которую автор видит в совершенствовании жизни. Отраженные в романе реальные факты подчинены этой идее так, что в образе конкретного интеллигента проступает понятие

интеллигенции. Такой синтез художественного и абстрактного свойственен аллегории. Отвлеченные метафоры, риторические лейтмотивы, интеллектуальные диалоги усиливают соответствующий эффект, но законченный реалистический характер, используемый в данном случае для иллюстрации идеи, противоречит эстетическим правилам.

«Современная эстетика не выяснила достаточно полно место и роль аллегории в реалистическом искусстве» [28, с. 257], – писали в свое время А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков. Предлагаемый наукой последних десятилетий метод аллегорического чтения при корректном его применении позволяет обнаружить в реалистическом контексте аллессию-метафору. С этим связаны перспективы дальнейшего исследования «Жизни Клим Самгина», тем более что сам Горький периодически всплывающими в романе авторскими ремарками указывает на необходимость такого его прочтения.

Список литературы

1. Аверинцев, С.С. София – Логос. Словарь [Текст] / С.С. Аверинцев. – Киев : Дух и Литера, 2000. – 450 с.
2. Адамович, Г.В. Собр. соч. Литературные заметки: в 5 кн. – Кн. 2. («Последние новости» 1932–1933) [Текст] / Г.В. Адамович. – СПб. : Алетейя, 2007. – 512 с.
3. Амфитеатров, А.В. Восьмидесятники: роман: в 2 т. [Текст] / А.В. Амфитеатров. – 2-е изд. доп. – СПб. : тип. т-ва «Общественная Польза», 1908. – Т. 1. – 468 с.
4. Арифуллин, Ф.М. Общественно-политические взгляды С.П. Мельгунова 1900–1956 гг.: дис. кандидата исторических наук : 07.00.02 [Текст] / Ф.М. Арифуллин. – Брянск, 2018. – 220 с.
5. Белоусов, А.И. Литературная среда: Воспоминания (1880–1928) [Текст] / А.И. Белоусов. – М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. – 278 с.
6. Борисова, Л. «Двоеочие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория [Текст] / Л. Борисова // Вопросы литературы. – № 2. – С. 300–321.
7. Борисова, Л.М. Герой и его прототипы : Проблема поколенческой идентичности в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина» [Текст] / Л.М. Борисова, Е.А. Шульженко // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 3–15.
8. Вересаев, В. Воспоминания: изд. 3, доп. / В. Вересаев. – М., Л. : ОГИЗ Госиздат «Художественная литература», 1946. – 508 с.
9. Горький, М. Статьи 1905–1916 гг. [Текст] / М. Горький – Л. : Парус. – 214 с.
10. Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : гос. изд-во худож. лит., 1953. – Т. 24. – 582 с.
11. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1974. – Т. 21. – 580 с.
12. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1974. – Т. 22. – 692 с.

13. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1975. – Т. 23. – 420с.
14. Горький, М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. [Текст] / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1975. – Т. 24. – 596 с.
15. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1997. – Т. 1. – 707 с.
16. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1997. – Т. 2. – 483 с.
17. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1998. – Т. 4. – 483 с.
18. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2001. – Т. 7. – 627 с.
19. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2001. – Т. 8. – 605 с.
20. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2003. – Т. 10. – 782 с.
21. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2004. – Т. 11. – 595 с.
22. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2009. – Т. 14. – 822 с.
23. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2012. – Т. 16. – 987 с.
24. Горький, М. Полное собрание сочинений : письма : в 24 т. [Текст] / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М. : Наука, 2017. – Т. 19. – 998 с.
25. Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений : в 9 т. [Текст] / В.Г. Короленко. – СПб. : А.Ф. Маркс, 1914. – Т. 9. – 443 с.
26. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка [Текст]. – М. : Изд-во АН СССР. – 742 с.
27. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
28. Лосев, А.Ф. История эстетических категорий [Текст] / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. – М. : Искусство, 1965. – 374 с.
29. Маклаков, В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни [Текст] / В.А. Маклаков. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 384 с.
30. Михайловский, Н.К. Литература и жизнь [Текст] / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1902. – № 1.
31. Овчаренко, А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия : изд. 3-е, доп. [Текст] / А.И. Овчаренко. – М. : Художественная литература, 1982. – 590 с.
32. Овчаренко, О.А. М. Горький как теоретик литературы [Текст] / О.А. Овчаренко // StudiaLitterarum. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 234–251.
33. Поссе, В.А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864–1917 гг.) с портр. автора [Текст] / В.А. Поссе, Редакция и примеч. Б.П. Козьмина; Предисл. В.И. Невского. – М., Ленинград : Земля и фабрика, 1929. – 548 с.

34. Пришвин, М.М. Дневник 1936–1937 [Текст] / М.М. Пришвин. – СПб. : ООО «Изд-во "Росток"», 2010. – 992 с.
35. Спиридонова, Л.А. Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького [Текст] / Л.А. Спиридонова // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Вып. 9. – С. 9–40.
36. Тодоров, Ц. Теории символа [Текст] / Ц. Тодоров. – М. : Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
37. Шулятников, В. Н. И. Тимковский [Электронный ресурс] / В. Шулятников. – Режим доступа : http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0120.shtml (дата обращения 31.01.2021).

References

1. Averincev S.S. *Sofiya – Logos. Slovar* [Sophia is the Logos. Dictionary]. Kiev: Dux i Literatura Publ., 2000. 450 p.
2. Adamovich G.V. *Sobr. Soch. Literaturnye Zametki: v 5 Kn. – Kn. 2. (Poslednie Novosti 1932–1933)* [Collected Works. Literary Notes in 5 Vols. – Book 2. (Latest News 1932–1933)]. SPb.: Aleteiya Publ., 2007. 512 p.
3. Amfiteatrov A.V. *Vosmidesyatniki: Roman: v 2 T.* [The Poets of the 1980s. Novel in 2 Vols.]. SPb.: Obshchestvennaya Polza Publ., 1908. 468 p.
4. Arifulin F.M. *Obshchestvenno-Politicheskie Vzglady S.P. Melgunova 1900–1956 Gg.: Dis. Kand. Istor. Nauk* [Social and Political Views of S.P. Melgunov 1900–1956. Thesis]. Bryansk, 2018. 220 p.
5. Belousov A.I. *Literaturnaya Sreda: Vospominaniya (1880–1928)* [Literary Environment: Memories (1880–1928)]. Moscow: Nikitinskiye Subbotniki Publ., 1928. 278 p.
6. Borisova L. *Dvoetochie, Kolokol, Nit, ili Klim Samgin kak Allegoriya* [Colon, Bell, Thread, or Klim Samghin as an Allegory]. *Voprosy Literatury*, no 2, pp. 300–321.
7. Borisova L.M., Shulzhenko E.A. *Geroi i Ego Prototipy: Problema Pokolencheskoi Identichnosti v Romane M. Gorkogo Zhizn Klima Samgina* [The Hero and His Prototypes. The Problem of Generational Identity in M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin]. *Uchenye Zapiski Krymskogo. Inzhenerno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya*, Simferopol', 2020, no 4, pp. 3–15.
8. VeresaeV. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1946. 508 p.
9. Gorkii M. *Stati 1905–1916 Gg.* [Articles. 1905–1916]. Leningrad: Parus Publ., 214 p.
10. Gorkii M. *Sobranie Sochinenii: 30-ti T.* [Collected Works in 30 Vols.]. Moscow: Gos. Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury, 1953. Vol. 24. 582 p.
11. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Vol. 21. 580 p.
12. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Vol. 22. 692 p.
13. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Vol. 23. 420 p.
14. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Khudozhestvennye Proizvedeniya: v 25 T.* [Complete Works. Literary Works in 25 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Vol. 24. 596 p.

15. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1997. Vol. 1. 707 p.
16. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1997. Vol. 2. 483 p.
17. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1998. Vol. 4. 483 p.
18. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2001. Vol. 7. 627 p.
19. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2001. Vol. 8. 605 p.
20. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2003. Vol. 10. 782 p.
21. Gor`kij M. *Polnoe sobranie sochinenij: pis`ma: v 24 t.* [Complete works: letters: in 24 volumes]. Moscow: Nauka Publ., 2004. Vol. 11. 595 p.
22. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2009. Vol. 14. 822 p.
23. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2012. Vol. 16. 987 p.
24. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pisma: v 24 T.* [Complete Works. Letters in 24 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 2017. Vol. 19. 998 p.
25. Korolenko V.G. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 9 T.* [Complete Works: in 9 Vols.]. SPb.: A.F. Marks Publ., 1914. Vol. 9. 443 p.
26. *Literaturnoe Nasledstvo. T. 70. Gorkii i Sovetskie Pisateli. Neizdannaya Perepiska* [Literary Heritage. Vol. 70. Gorky and Soviet Writers. Unpublished Correspondence]. Moscow: AN SSSR Publ. 742 p.
27. Losev A.F. *Problema Simvola i Realisticheskoe Iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. 367 p.
28. Losev A.F., Shestakov V.P. *Istoriya Jesteticheskikh Kategorii* [History of Aesthetic Categories]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1965. 374 p.
29. Maklakov V.A. *Iz Vospominanii. Uroki Zhizni* [From Memories. Life Lessons]. Moscow: Moskovskaya Shkola Politicheskikh Issledovanii Publ., 2011. 384 p.
30. Mikhailovskii N.K. *Literatura i Zhizn* [Literature and Life]. *Russkoe Bogatstvo*, 1902, no 2.
31. Ovcharenko A.I. M. *Gorkii i Literaturnye Iskaniya XX Stoletiya* [M. Gorky and Literary Searches of the 20th Century]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982. 590 p.
32. Ovcharenko O.A. M. *Gorkii kak Teoretik Literatury* [M. Gorky as a Literary Theorist]. *Studia Litterarum*, 2018, Vol. 3, no 1, pp. 234–251.
33. Posse V.A. *Moi Zhiznennyi Put: Dorevolutsionnyi Period (1864–1917 Gg.) s Portr. Avtora* [My Life Path. Pre-Revolutionary Period (1864–1917)]. Moscow, Leningrad: Zemlya i Fabrika Publ., 1929. 548 p.
34. Prishvin M.M. *Dnevnik 1936–1937* [Diary 1936–1937]. SPb.: Rostok Publ., 2010. 992 p.
35. Spiridonova L.A. *Koncepsiya Lichnosti v Sisteme Filosofsko-Jesteticheskikh Vzglyadov M. Gorkogo* [The Concept of Personality in the System of Philosophical and Aesthetic Views of M. Gorky]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2009. pp. 9–40.
36. Todorov Ts. *Teorii Simvola* [Symbol Theories]. Moscow: Dom Intellektualnoi Knigi. Russkoe Fenomenologicheskoe Obshchestvo Publ., 1998. 408 p.

37. Shulyatnikov V. *N.I. Timkovskii* [N.I. Timkovskii]. Available at: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0120.shtml (accessed 30 January 2021).

THE HERO AND HIS PROTOTYPES. ALLEGORY OF THE INTELLIGENTSIA IN THE NOVEL THE LIFE OF KLIM SAMGIN BY M. GORKY

Borisova L. M., Shulzhenko Yu. A.

Summary. The analysis of the connection between the hero and the group prototype indicates a constant vector in the author's assessment of Samgin's personality: certainty / uncertainty of the socio-political position. The variety and complexity of the hero's professional, spiritual and cultural quests in *The Life of Klim Samgin* are viewed as a betrayal of the main purpose of the intellectual, regarded by the writer as the main face of the permanent revolution. Considering the key episodes of the novel in the context of Gorky's epistolary and journalistic legacy, the authors of the article reveal the conceptual background of the image, its allegorism. Abstract metaphors and rhetorical leitmotifs in the characterization of the hero testify to this. The allegorical meaning of the narrative is also indicated by the author's direct remarks in the text of the novel. The peculiarity of Gorky's allegory of the intelligentsia lies in the fact that, along with the traditional illustrative imagery, it contains a realistic character, developed with documentary precision. The article provides numerous examples of textological coincidences between *The Life of Klim Samgin* and recollections of concrete historical figures.

Keywords: prototype, M. Gorky, *The Life of Klim Samgin*, allegory, intelligentsia.

УДК 821.111

ОПЫТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА

В ПОЭЗИИ К. Э. ДАФФИ

Глухенькая Л. Н.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: lesyagluhenka@mail.ru*

Статья посвящена исследованию методологической концепции «женского» творчества британской писательницы, поэта-лауреата К. Э. Даффи на примере манифеста «Стоя обнаженной». Актуальность научной статьи обусловлена интересом к женской лирике в контексте идей постмодернизма. Предмет исследования – авторская рецепция идей феминизма как постмодернистской методологии.

В результате поэтологического анализа в стихотворении «Стоя обнаженной» выявлены специфические художественные тенденции, которые характеризуют феминистскую лирику автора и сводятся к переосмыслению традиционных представлений о мужчине и женщине путем сатиризации их отношений и стилизации исторических сюжетов. Основными принципами женского письма автора представляются обращение к телесности и двойному кодированию, иллюстрирующие децентрацию текстовых значений поэтического текста. Таким образом, поэтесса конституирует героиню, в которой находит отображение и автор-феминистка, жаждущая обличить в корне неверный и стереотипный гендерный порядок, и метафора женской судьбы.

Ключевые слова: Кэррол Энн Даффи, британская поэзия, постмодернизм, феминизм, женское письмо, «Стоя обнаженной», телесность, двойное кодирование.

ВВЕДЕНИЕ

К вопросу «женского» творчества европейская, в большей степени французская, феминистская критика обратилась еще в начале 60–70-х гг. XX в. Это вовсе не значит, что до этого времени путь представительницам прекрасного пола в литературу был заказан. Женщины писали с давних времен, их творчество изучалось и изучается, но особого внимания заслуживает женское поэтическое письмо в контексте идей постмодернизма (феминизм как одна из методологий течения), когда стиль представляется таковым, который пытается выйти за пределы правил, в том числе лингвистических, существующих в «патриархальной системе» (идея разработана Элен Сиксу в работе «Хохот Медузы» (1975), там же впервые появляется термин *écriture féminine*).

Так, с 1970-х гг. на британском поэтическом Парнасе появилось немало имен – это П. Пети, К. Джеми, Э. Освальд, Ф. Сэмсон, Дж. Лимберг, Дж. Кэй, Ф. Эдкок, К. Руменс и К. Э. Даффи, творчество которой стало предметом изучения в настоящей статье.

Общественной и эстетической роли «женской» поэзии в Великобритании в эпоху постмодерна посвящены работы М. Алсон, Д. Риз-Джонс, Д. Кеннеди, С. Кеннеди, З. Скаудлинг. Попытки анализа творчества К. Э. Даффи в зарубежной литературной критике даются в работах J. Baxter, A. Michelis, A. Rowland, D. Rees-Jones, в отечественной – в трудах М. Я. Бородинской, В. Н. Ганина, А. И. Кудрявицкого, И. А. Жеребкиной, Г. М. Кружкова, М. В. Фаликман. Более того, приняты во внимание работы, посвященные изучению отдельных поэтических сборников автора, таких

исследователей, как G. Abad [10], Ch. J. Downer [11], S. B. Schoonwater [18], A. Michelis, A. Rowland [19]. Исследователи стремятся сформировать адаптивные читательские стратегии путем выявления связей между различными поэтическими формами и генеалогиями в рамках образовавшейся во второй половине XX в. постмодернистской парадигмы и сформировавшейся внутри нее концепции «женского взгляда», нацеленной на переосмысление традиционных мужского и женского архетипов и опровержение идеологии гегемонной маскулинности и идеализированной фемининности. Их исследовательские работы помогут нам достигнуть поставленной цели, а именно сформулировать методологическую концепцию женского письма К. Э. Даффи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Curriculum Vitae

Кэрол Энн Даффи – отмеченная множеством наград шотландская поэтесса, ставшая одним из наиболее значимых женских голосов в послевоенной Англии, в том числе времен правительства Тэтчер. Известна, прежде всего, благодаря своей любовной лирике, но, тем не менее, снискала уважение и любовь широкой аудитории благодаря своей поэтической смелости (Джоди Аллен-Рэндольф): в социально-политической лирике автор часто критикует общественный строй, обращаясь, прежде всего, к проблемам простых горожан, в том числе из маргинальных слоев – тех, кто находится на периферии общества.

Возможно, кто-то посчитает это знаком, а кто-то – просто удачей, но будущую поэтессу в юной Кэрол разглядела другая женщина – Джун Скрайвен, школьная учительница Даффи, которая помогла девочке опубликовать в 1973 году первый сборник поэзии *Fleshweathercock and Other Poems*.

Окончив школу, Кэрол продолжила образование на философском факультете Ливерпульского университета. К 1970–80-м гг. можно отнести ранний Ливерпульский период творчества поэтессы (памфлет *Fifth Last Song* (1982), пьесы *Take My Husband* (1982), *Cavern of Dreams* (1984), которые были поставлены в драматическом театре Ливерпуля). В Ливерпуле она познакомилась с Эдрианом Генри, который входил в состав поэтической группы под названием «Ливерпульские поэты» (англ. *LiverpoolPoets*), оказавшей немалое влияние на дальнейшее творчество автора. Благодаря связи с этой литературной группой поэтесса оформила свой поэтический стиль, где язык, доступный массовому читателю, сочетается со сложностью и разносторонностью авторского «Я». Также Ливерпульский этап творчества дал старт развитию общественно-политической лирике автора.

В «зрелый» период творчества, начиная с 1985 г., поэтесса проявляет себя как представительница феминистской поэзии. П. Форбс нарекает поэтессу неформальным лидером Нового Поколения – «the figurehead of New Generation» [16, p. 22], – заслужившим и, что немаловажно, оправдавшим доверие публики и коллег по цеху. В фавориты Даффи попала благодаря своему открытому мировоззрению, определенной степени маргинальности и умению преподнести этот опыт широкой аудитории. Исследователь творчества Кэрол Энн Даффи Криста Джин Дайнер в своей работе «*Poetic Agency and Carol Ann Duffy*» определяет, что «Duffy's views situate her poetry firmly in the new poetic democracy of multicultural representation» [11, p. 14] / «взгляды автора прочно

укрепили ее поэзию в поэтическом дискурсе мультикультурной демократии» (перевод мой – Л.Г.). Поэтессу относят к так называемым авторам-маргиналам, которые выражают в поэзии собственный опыт и тем самым бросают вызов традиционным культурным идеалам и доминирующим политическим идеологиям.

К этому наиболее значимому этапу творчества поэтессы относят следующие сборники: «Стоя обнаженной» (англ. *Standing Female Nude*, 1985), «Продажа Манхэттена» (англ. *Selling Manhattan*, 1987), «Тем временем» (англ. *Mean time*, 1993), «Вечная жена» (англ. *The World's Wife*, 1999), «Евангелие от Женщины» (англ. *Feminine Gospels*, 2002), «Восторг» (англ. *Rapture*, 2005), «Пчелы» (англ. *The Bees*, 2011), «Искренность» (англ. *Sincerity*, 2018), многим из которых были присуждены престижные литературные премии.

Член Королевского общества литературы, Даффи в 2009 году была назначена на пост поэта-лауреата Соединенного Королевства. Кэрол Энн Даффи стала первой женщиной на этой должности впервые за 400 лет. Впервые кандидатуру поэтессы рассматривали еще в 1999 году, но тогда администрация премьер-министра хотела получить на этом посту фигуру истеблишмента, а Даффи была кем угодно, только не истеблишментом.

Отмечается развитие творчества поэтессы в русле постмодернизма. Постмодернистское начало реализуется через принципы авторской маски, интертекстуальности, постмодернистской, (само-)иронии и сатиры, двойного кодирования, телесности, стилизации и пастиша, нонселекции и ризомы. Некоторые из этих принципов особенно ярко конституируют феминистскую методологию в лирике К. Э. Даффи. «Женская» позиция впервые отражена уже в ее первом сборнике «Стоя обнаженной» (англ. *Standing Female Nude*), вышедшем в 1985 году, в котором заглавное стихотворение представляет собой внутренний монолог натурщицы, обнаженной девушки, с которой художник рисует полотно в кубистском стиле. И если поначалу может показаться, что женщина принимает общепринятые представления о красоте в искусстве и, в более широком смысле, о том, какой должна быть идеальная женщина, то по мере развития стихотворения, Даффи деконструирует традиционные представления. Эта тенденция отличает и ее последующие сборники, характеризуя творчество в целом как *écriture féminine*, то есть как пытающееся выйти за пределы правил патриархальной системы.

О чем говорят женщины?

Концепция «женского взгляда» Кэрол Энн Даффи рассматривается исследователями в контексте постмодернистских идей, поскольку именно философия постмодернизма является наиболее приемлемой для обоснования специфики женского самосознания, а значит и женской вовлеченности в процесс творчества, направленного, по утверждению И. А. Жеребкиной [5] на освобождение от маскулинистского типа языка и опровергающего единую истину, традиционные представления, о тексте в том числе.

В творчестве поэтессы представлена феминистская концепция гендерных отношений. Кристин Джин Даунер описывает этот процесс так: «[she] moves out of her experiences of white woman, feminist, lesbian, and Scottish, to meet with and be conscious of different perspectives <...> Through these acts of transgressing, Duffy shapes for the reader multiple realities, instead of perpetuating fixed representations that exclude marginalized

experiences» [11, p. 4] / «автор выходит за рамки опыта белой женщины, феминистки, лесбиянки и шотландки, исследует и постигает отличные от ее собственной точки зрения <...>. Посредством такой трансгрессии поэтесса создает для читателя множество реальностей, вместо того чтобы увековечивать фиксированные представления, исключающие маргинальный опыт» (перевод мой – Л. Г.).

Центральной темой в феминистской лирике Даффи представляется тема неравенства и насилия (физического, психологического, социального). Впервые она появляется в вышеупомянутом сборнике «Стоя обнаженной» [14], а его заглавное стихотворение с одноименным названием станет манифестом и к настоящему сборнику, и к последующим «женским» трудам, поэтическому бестселлеру «Вечная жена» [15], где в «собрании воображаемых монологов порой воображаемых же, а порой и реальных жен великих людей, от Эзопа и Шекспира до Дарвина и Фрейда» [6] обыграно устойчивое выражение *all the world and his wife*, а также к альманаху с громким названием «Евангелие от женщины» [12].

Следствием освобождения от маскулинистского типа языка становится децентрация системы традиционных (архетипных, метанарративных) текстовых значений. Так, поэтесса заимствует общеизвестные сюжеты, обращается к истории человечества, написанной в патриархальном ключе. Жены, любовницы и сестры волка из сказки о Красной Шапочке, ветхозаветных царей Ирода и Самсона, мифических правителей Мидаса и Сизифа, скульптора Пигмалиона, слепого прорицателя Тиресия, баснописца Эзопа, наместника Пилата, новозаветного Лазаря, драматурга Уильяма Шекспира, натуралиста Чарльза Дарвина, психиатра Зигмунда Фрейда, певца Элвиса Пресли, горбуна Квазимодо, монстра Кинг-Конга и даже Дьявола откровенно заговорили о женской судьбе на страницах сборника Кэрол Энн Даффи. В. Н. Ганин предвосхищает смысл сборника «Вечная жена», представляя его как знакомство с женским взглядом на известные события и поступки, совершенные мужчинами, традиционно складываемые в историю человечества [3], и этот взгляд – взгляд на патриархальное общество, закостеневшее в своих представлениях об иерархии в отношениях мужчины и женщины. Эта мысль также актуальна в отношении «Евангелия».

В следствии, можно говорить об образе «вечной жены» как о центральной фигуре лирики Даффи, при этом женщине отведена доминирующая позиция, что в конечном итоге указывает на сатиризацию гендерных отношений.

Более того, исследователи Михэлс и Роуланд и вовсе определяют сборники «Вечная жена» и «Евангелие от женщины» как «high points of satire in Duffy's oeuvre» [19, p. 5] / «вершины сатиры в творчестве Даффи» (перевод мой – Л. Г.). Сатирический тон поэтессы делает героев мифов, легенд и сказок менее сверхъестественным и более человеческим [18, p. 9], а реальных людей не идеализирует. В драматических женских монологах мужские персонажи утрачивают гегемонную маскулинность и приобретают подчеркнутую приспособленческий характер. Таким образом, исследователи отмечают связь гендерного вопроса в стихотворениях Даффи с обливающей постмодернистской сатирой [10, p. 7]. Искусство не просто скрывает неприглядную правду, как это могло быть в эпоху классицизма. Теперь оно утилитарно, а его растиражированность превратила всех, от читателя до зрителя, в потребителей образов, определяемых как искусственные [17].

Тем не менее, манифест «женского взгляда» впервые был опубликован именно в первом сборнике автора «Стоя обнаженной», дав в следствии развитие идеям феминистского толка в творчестве поэтессы. Для наглядности приведем текст

стихотворения *Standing Female Nude*, в результате поэтологического анализа которого представится возможность сформулировать принципы методологической концепции творчества «женского письма» К. Э. Даффи. Перевод стихотворения на русский язык осуществлен автором статьи.

«Six hours like this for a few francs.
Belly nipple arse in the window light,
he drains the colour from me. Further to the
right,
Madame. And do try to be still.
I shall be represented analytically and hung
in great museums. The bourgeoisie will coo
at such an image of a river-whore. They call
it Art.

Maybe. He is concerned with volume, space.
I with the next meal. You're getting thin,
Madame, this is not good. My breasts hang
slightly low, the studio is cold. In the tea-
leaves
I can see the Queen of England gazing
on my shape. Magnificent, she murmurs,
moving on. It makes me laugh. His name

is Georges. They tell me he's a genius.
There are times he does not concentrate
and stiffens for my warmth.
He possesses me on canvas as he dips the
brush
repeatedly into the paint. Little man,
you've not the money for the arts I sell.
Both poor, we make our living how we can.
I ask him Why do you do this? Because
I have to. There's no choice. Don't talk.
My smile confuses him. These artists
take themselves too seriously. At night I fill
myself
with wine and dance around the bars. When

За шесть часов я получаю сущие
гроши.
Живот соски и зад – никакой души –
при свете дня
Он выжал сок весь из меня, «Голову
вправо
И не двигайтесь, госпожа.»
Ко мне подход нужен аналитический и
висеть мне
в музеях величественных. Будут
ворковать буржуа
при виде такой картины статической.
Искусство!

Возможно. Ему интересны объемы,
пространство.
Мне – где достать на обед. «Вы стали
худой,
Госпожа, это нехорошо.» Моя грудь
обвисла
Голая, в студии холодно. Гадаю на
гуще из чая
И вижу, как королева Англии, в
галереях гуляя,
Любуется телом и бормочет как я
прекрасна,
право. Смешно, не то слово. Его зовут
Жорж. Говорят, он вылитый гений.
Но иногда ему трудно собраться,
застыв
При виде тела, излучающего теплоту.
На холсте я в его власти, когда он
окунает кисти
В краску. Как ты жалок, я дам тебе
подсказку:
У тебя нет денег на то искусство, что я
продаю.

it's finished
he shows me proudly, lights a cigarette. I
say
Twelve francs and get my shawl. It does not
look like me.» [13, p. 19]

Оба бедны, сводим с концами концы,
как можем.
Я спрашиваю его, зачем тебе это? Я
должен. Выбора нет. Помолчи.
Моя улыбка смущает его. Эти
художники
слишком к себе строги. А по ночам я
пью вино и танцую в баре. Закончив
картину, гордо
Ее показывает, закуривает. Я итог
подвожу:
Двенадцать франков, оставь себя шаль.
Я не я. Эпилог.

Говоря о поэтической форме, следует отметить, что поэтические произведения Кэрол Энн Даффи, как правило, отличаются свободной строфикой, синтаксисом и пунктуацией. Традиционная рифма уступает место внутренней рифме, аллитерациям, ассонансам и лексическим повторам.

Стихотворение «Стоя обнаженной» состоит из трех строф, которые разделены на неровные строки. Первые две строфы содержат по семь строк в каждой, а последняя строфа растягивается, чтобы удвоить длину, на четырнадцать строк. Отсутствует определенная структура рифмовки, строки написаны произвольным стихом.

Это не значит, что стихотворению не хватает единства и ритма. Одна из самых значимых техник, используемых автором, – это энджамбмент (анжамбеман) в строках, которые заканчиваются до естественной остановки речи (*and hung/ in great museums; will coo/ at such an image; hang/ slightly low; In the tea-leaves/ I can see; His name/ is Georges; he dips the brush/ repeatedly into the paint; Because/ I have to; I fill myself/ with wine; I say/ Twelve francs; It does not look like/ me*). Благодаря выбранной технике формируется определенный речевой образ рассказчика: слова плавно переходят от мысли к мысли и от строки к строке. Такой вид письма известен как поток сознания. У мыслей женщины нет единой конечной цели, она размышляет о своей роли в качестве модели художника.

Манифест телесности

Лирический голос стихотворения принадлежит натурщице, долгое время позирующей художнику. Речь женщины – максимально проста, что отражает ее социальное положение: она принадлежит к низшему или среднему классу, или же вовсе к маргинальному слою общества, а ее положение незавидное, если она пытается заработать *few francs* (несколько франков). Считается, что на создание этого стихотворения Даффи вдохновила картина Жоржа Брака 1908 года «Большая обнаженная». Благодаря аллюзии читатель узнает больше о контексте стихотворения, автор помещает происходящее во Францию, время повествования – вероятно, начало 1900-х годов.

Брак – французский художник, родоначальник кубизма, наравне с Пабло Пикассо – представлен как холодный и бесчувственный мужчина, который видит в женщине-натурщице лишь средство для достижения цели. Именно так он представляется в

женском сознании, в то время как для остального мира он – гений: *They call it Art. They tel lme he's a genius.*

Женщину занимают мысли о будущем, когда ее картина будет висеть в галерее или музее. Ведь именно тогда те, кто обычно сторонится ее, социальная элита, будут «ворковать» при виде ее изображения. Она испытывает пренебрежение к ним и к тем высшим принципам, которые они ценят. Размышления о ценностях приводят ее к сравнению: *He is concerned with volume, space./ I with the next meal.* Женщину в тяжелом материальном положении интересуют вещи куда более прозаичные, нежели искусство. В конце стихотворения мы видим, как натурщица пытается поговорить с художником, но он невосприимчив и просит ее замолчать. Когда же она видит готовую картину в конце дня, то не может узнать себя. То, что изображал Жорж, – лишь прихоть его воображения.

В первой строфе лирическая героиня начинает с того, что сообщает читателю, что она уже простояла обнаженной целых шесть часов. Женщина поворачивается к свету, чтобы на ее нагое тело падал оконный свет, теперь цель художника – перенести его «краски» на холст: *Belly nipple arse in the window light,/ he drains the colour from me. Further to the right,/ Madame. Anddo try to be still.* Героиня в своих мыслях пытается примириться с ситуацией, в которой она оказалась, и своим зависимым положением.

Изображение нагого тела (*Belly nipple arse*) иллюстрирует принцип телесности, который усиливает выдвижение на первый план проявление чувственности и сексуальности. Женская телесность помогает переосмыслить бинарную патриархальную картину мира и дихотомию общественного строя, где ранимость и незащищенность женщины пророчат ей второстепенную роль.

Тем не менее, красота женского тела, застывшего на холсте, описываемая в первых строках стихотворения, с одной стороны, не передает истинного смысла (женщина лишь вынуждена зарабатывать деньги, позируя художнику), а с другой стороны, олицетворяет ту реальность, в которой сохраняется социальное устройство, ориентированное на разную социальную ценность полов.

Дальше в размышлениях натурщицы кладывается оппозиция тепла и холода: *thestudioiscold.– There are times he does not concentrate/ and stiffens for my warmth.* В студии холодно, но тело женщины излучает тепло, и художник реагирует на него влечением. Слова *he... stiffen for my warmth* имеют двойное значение: мужчина холоден по отношению к модели, даже груб, не разговорчив, но сексуально реагирует на ее тело, когда теряет концентрацию на работе. Эта деталь, во-первых, снимает его с чистого незапятнанного пьедестала художника, очеловечивает его, а во-вторых, дает понять ему самому, что перед ним просто женщина, ни физически, ни нравственно не схожая с тем идеальным образом, который сформировался в его сознании. Своей картиной он уводит ее из реального мира и «овладевает» ею на холсте: *He possesses me on canvas as he dips the brush/ repeatedly into the paint.*

Вещи в себе не существуют. Они существуют лишь через нас

Другим принципом методологической концепции творчества «женского» письма К. Э. Даффи, реализуемым в манифесте, становится двойное кодирование как многоуровневая организация текста, рассчитанного тем самым на элитарного и массового читателя одновременно.

Двойной код на практике подразумевает многоуровневую организацию текста, которая заключается в заложенной в нем множественности интерпретации смысла. Так, в произведении реализуется тема порочности и в ее отношении «сосуществуют» сразу две трактовки: порок не имеет ничего общего с искусством, и он наказуем, будучи оторванным от всех ценностей жизни. С другой стороны, художник, пытающийся отобразить действительность, лжет, ведь достоверно запечатлеть жизнь невозможно. А ложь, как известно, тоже порочна.

Как правило, на уровне формы выражением множественности интерпретаций служат вариативность понимания ситуации, полисемия, трансформация (или перестройка) грамматических конструкций, гибридизация жанров и стилей. В частности, посредством перестройки грамматической структуры предложения в анализируемом стихотворении автор добивается особой формы выражения двойного кодирования и многозначности. Поэтесса использует грамматическую перестройку, которая разрушает смысловую однозначность текста: *I shall be represented analytically and hung...* Слово *hung* расположено в самом конце строки и при первом прочтении может быть воспринято со значением наказания (наказание через повешение), которому подвергнется героиня за свою порочную жизнь. Однако читатель, переходя к следующей строке, понимает, что речь идет о картине, а не о живой женщине: *I shall be represented analytically and hung / in great museums.*

Также в последующих строках главная героиня называет себя *river-whore*: *The bourgeoisie will coo/ at such an image of a river-whore.* С одной стороны, это сленговое выражение относится к разряду сниженной лексики, а именно к жаргонизмам. Слово используют игроки в покер, это ругательство используется в отношении человека, проигравшегося в начале игры, но которому повезло в последней раздаче. С другой стороны, в данном контексте слово реализует еще одно значение – проститутка.

«Двойным» видится и восприятие женщины обществом: люди в реальной жизни не заботятся ни о ней, ни о ее роли, но как только кисть художника вздымает ее на стены галереи, она становится предметом восхищения.

И тем не менее, такие разные художник и натурщица, очень похожи: они оба бедны, он жалок в своем же гении, пытаясь угодить обществу, а у нее свое ремесло, свое «искусство» – она торгует телом, но даже это ему «не по карману»: *Littleman / you've not the money for the arts I sell.* Это примиряет их, ведь другого выбора у них нет: *I ask him Why do you do this? Because/ I have to. There's no choice. Don't talk./ My smile confuses him. These artists/ take themselves too seriously.*

И вот – эпилог. Картина готова, но на полотне женщина не узнает себя. Именно об этом говорил Жорж Брак, прототип художника из стихотворения Даффи: «Не нужно даже пытаться подражать вещам, которые преходящи и постоянно меняются, и которые мы ошибочно принимаем за что-то неизменное. Вещи в себе вовсе не существуют. Они существуют лишь через нас» [6].

ВЫВОДЫ

Рассматривая художественный мир манифеста феминистской поэзии Кэрол Энн Даффи «Стоя обнаженной», можно обнаружить общие тенденции, которые сводятся к переосмыслению традиционных гендерно ассоциированных представлений путем

сатиризации отношений мужчин и женщин в патриархальном мире, часто построенных на неравенстве, и стилизации сюжетов, иллюстрирующих их на протяжении веков человеческой истории. Основными принципами методологической концепции женского письма К. Э. Даффи представляются обращение к телесности и маргинальности посредством изображения физического и ментального опыта женщины, а также принцип двойного кодирования, что отвечает прагматической цели расширения читательской аудитории. Отсюда и децентрация текстовых значений поэтического произведения: текст многозначен, и его игровая природа соответствует видению женской роли «вечной жены». Это женщина, в которой находит отображение и автор-феминистка, жаждущая обличить в корне неверный и стереотипный гендерный порядок, и метафора женской судьбы, постигавшая всех представительниц женского пола без исключения, будь то легендарная царица, персонаж детской сказки или бедная натурщица.

Список литературы

1. Андерсон, П. Истоки постмодерна [Текст] / П. Андерсон / пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
2. Беспалова, Е. К., Глухенькая, Л. Н. Постмодернизм Кэрл Энн Даффи : сатира и женское письмо [Текст] / Е. К. Беспалова, Л. Н. Глухенькая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 3. – С. 3–21.
3. Ганин, В. Н. Женский взгляд на «мужскую» историю в цикле К. Э. Даффи «The World's Wife» [Электронный ресурс] / В. Н. Ганин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin>. – (Дата обращения: 11.01.2021).
4. Глухенькая, Л. Н. «Женский взгляд» на «мужской мир» (на материале стихотворения «Жена Пилата» К. Э. Даффи) [Текст] / Л. Н. Глухенькая // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы IV Международного научного конгресса / ред. Е. В. Полховская. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 174–179.
5. Жеребкина, И. А. Феминистская литературная критика [Электронный ресурс] / И. А. Жеребкина // Информационный портал «Женщина и Общество». – Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/004t.htm>. – (Дата обращения: 11.01.2021).
6. Кругликов, В. Жорж Брак. Тоже папа кубизма [Электронный ресурс] / В. Кругликов // Adindex. – Режим доступа: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28991>. – (Дата обращения: 11.01.2021).
7. Фаликман, М. «Придумал мысль – придумай ей наряд...». Заметки о современной британской поэзии [Электронный ресурс] / М. Фаликман // Textonly. – № 28. – Режим доступа: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28991>. – (Дата обращения: 11.01.2021).
8. Филиппьева, Т. И. К. Э. Даффи : «В литературе будущего будет доминировать поэзия» [Электронный ресурс] / Т. И. Филиппьева // DocPlayer. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/30976998-K-e-daffi-v-literature-budushchego-budet-dominirovat-poeziya.html>. – (Дата обращения: 11.01.2021).

9. Чем живет современная британская поэзия? С Сашей Дагдейл беседует Мария Фаликман [Текст] // Иностранная литература. – 2018. – № 2. – С. 221–228.
10. Abad G. Mixing Genres and Genders: Carol Ann Duffy's Postmodern Satire: "The World's Wife" // ES: Revista de filología inglesa. 2007. N. 28. P. 7–26.
11. Downer Ch. J. Poetic Agency and Carol Ann Duffy. Master's thesis. Texas Woman's University, 2000. 78 p.
12. Duffy C. A. *Feminine Gospels*. London: Picador, 2017. 80 p.
13. Duffy C. A. *New Selected Poems: 1984-2004*. London: Picador, 2004. 253 p.
14. Duffy C. A. *Standing Female Nude*. London: Picador, 2016. 80 p.
15. Duffy C. A. *The World's Wife*. London: Picador, 2010. 96 p.
16. Forbes P. Carol Ann Duffy // Poetry Review: seven years on (a new generation retrospective) 91. 2001. P. 22–25.
17. Jameson F. *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998*. London & New York: Verso, 1998. 206 p.
18. Schoonwater S. B. *Goddesses, Mothers, and Queens*. Bachelor thesis. Utrecht University, 2017. 23 p.
19. *The Poetry of Carol Ann Duffy: 'Choosing Tough Words'* / ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.

References

1. Anderson P. *Istoki Postmoderna [The Origins of Postmodernity]*, transl. by A. Appolonov, ed. by M. Maiatskii. Moscow, Territoriya Budushchego Publ., 2011. 208 p.
2. Bespalova Ye. K., Gluhenkaya L. N. *Postmodernizm Kjerol Jenn Daffi: Satira i Zhenskoe Pis'mo [Postmodernism of C. A. Duffy: Satire and Female Writing]*. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 3, pp. 3–21.
3. Ganin V. N. *Zhenskii Vzgl'yad na Muzhskuyu Istoriyu v Tsikle C.A. Duffy The World's Wife [Female View on the Male History in the Series The World's Wife by C. A. Duffy]*. *Informatsionnyi Gumanitarnyi Portal Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2007, № 1. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin> (accessed 11 January 2021).
4. Gluhenkaya L. N. *Zhenskii Vzgl'yad Na Muzhskoi Mir (Na Materiale Stikhotvoreniya Zhena Pilata K. Je. Daffi) [Female View on the Male World (Based on the Poem Pilate's Wife by C. A. Duffy)]*. Ed. by E. V. Polkhovskaya. Simferopol', IT ARIAL Publ., 2019, pp. 174–179.
5. Zherebkina I. A. *Feministskaya Literaturnaya Kritika [Feminist Literary Criticism]*. *Informatsionnyi Portal Zhenshchina i Obshchestvo*. Available at: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (accessed 11 January 2021).
6. Kruglikov V. *Zhorzh Brak. Tozhe Papa Kubizma [George Brak. The Father of Cubism Too]*. Adindex. Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28991> (accessed 11 January 2021).
7. Falikman M. *Pridumal Mysl' – Pridumai Yei Naryad... Zametki o Sovremennoi Britanskoi Pojezii [Came up with the Thought, Come up with an Outfit... Notes on Contemporary British Poetry]*. Textonly, no 28. Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28991> (accessed 11 January 2021).

8. Filipp'eva T. I. K. Je. Daffi: V Literature Budushchego Budet Dominirovat' Pojeziya [C. A. Duffy: Poetry Will Dominate in Literature of the Future]. DocPlayer. Available at: <https://docplayer.ru/30976998-K-e-daffi-v-literature-budushchego-budet-dominirovat-poeziya.html> (accessed 11 January 2021).
9. *Chem Zhivet Sovremennaya Britanskaya Pojeziya? S Sashei Dagdeil Beseduet Mariya Falikman* [How Does Contemporary British Poetry Live? Maria Falikman Talks to Sasha Dugdale]. *Inostrannaya Literatura*, 2018, № 2, pp. 221–228.
10. Abad G. Mixing Genres and Genders: Carol Ann Duffy's Postmodern Satire: "The World's Wife". *ES: Revista de filología inglesa*. 2007. N. 28. P. 7–26.
11. Downer Ch. J. Poetic Agency and Carol Ann Duffy. Master's Thesis. Texas Woman's University, 2000. 78 p.
12. Duffy C. A. *Feminine Gospels*. London: Picador, 2017. 80 p.
13. Duffy C. A. *New Selected Poems: 1984-2004*. London: Picador, 2004. 253 p.
14. Duffy C. A. *Standing Female Nude*. London: Picador, 2016. 80 p.
15. Duffy C. A. *The World's Wife*. London: Picador, 2010. 96 p.
16. Forbes P. Carol Ann Duffy. Poetry Review: seven years on (a new generation retrospective) 91. 2001. P. 22–25.
17. Jameson F. *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998*. London & New York: Verso, 1998. 206 p.
18. Schoonwater S. B. *Goddesses, Mothers, and Queens*. Bachelor Thesis. Utrecht University, 2017. 23 p.
19. *The Poetry of Carol Ann Duffy: 'Choosing Tough Words'*, ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.

POSTMODERN FEMINIST'S EXPERIENCE IN POETRY BY CAROL ANN DUFFY

Gluhenka L. N.

Summary. The article focuses upon comprehensive study of the methodological concept of female writing of the British author, poet-laureate C. A. Duffy. The poem under consideration is the manifesto *Standing Female Nude*. Interest in female lyrics in the context of the ideas of postmodernism defines the relevance of the research. The subject of the research is the author's reception of the ideas of feminism as a postmodern methodology.

As a result of the poetological analysis of the poem *Standing Female Nude*, specific artistic tendencies, that characterize the author's feminist lyrics and result in reinterpretation of traditional ideas about genders by satirizing their relationships and stylizing historical subjects, are revealed. The article concludes that basic principles of the author's writing are the appeal to expressing corporeality and usage of double coding, aimed at illustrating the decentration of textual meanings of a poetic text. Thus, the poet depicts the female character, who proves to be both the feminist author, eager to expose the fundamentally incorrect and stereotypical gender order, and the metaphor of women's fate.

Keywords: Carol Ann Duffy, British poetry, postmodernism, feminism, female writing, *Standing Female Nude*, corporality, double coding.

УДК 398.84(=512.145)

СИМВОЛІКА ВОДНОЇ СТИХІЇ В КРИМСЬКОТАТАРСЬКОМУ ПІСЕННОМУ ФОЛЬКЛОРИ

Гуменюк В. І.

*Таврійська академія (структурний підрозділ)
Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського,
Сімферополь
E-mail: ukrLit_tnu@mail.ru*

Символіка, пов'язана з одухотворенням довкілля, належить до суттєвих ознак пісенного фольклору, на чому наголосили Микола Костомаров, Олександр Потебня та інші дослідники. Особливу роль у художній системі народної пісні відіграє апеляція до архетипних образів вогню, світла, вітру, неба, землі та інших першоеlementів світобудови. Суттєве місце серед таких образів належить воді. Водна стихія та пов'язані з нею конкретніші реалії морів, рік, струмків, озер, джерел, криниць, водограїв належать до визначальних образів у художньому світі фольклору кримських татар. У кримськотатарських народних піснях вода асоціюється насамперед з благодаттю, зі світлою втіхою, зі щасливим коханням. Та немало туті пісень, у яких відповідна образність символізує не лише радість любові, а й гіркоту розлуки, швидкоплинність часу й скороминущість молодості. Така символіка особливо характерна для пісень, в яких фігурує образ ріки. В запропонованій статті детально аналізуються пісні такого характеру.

Попри панівну в цих піснях журливу тональність вони багаті на настроєві відтінки, переливи яких зумовлюють прикметну тут ліричну проникливість, психологічно переконливу й діткливу передачу душевних переживань. Легкий грайливий ритм цих пісень своєрідно увиразнює відзначений художній психологізм, а також контрастно відтінює драматизм розвитку ліричного сюжету.

Ключові слова: фольклор кримських татар, пісенна лірика, образна система, символіка водної стихії.

ВСТУП

Особливе значення символіки в жанрово-стильовій системі фольклору виразно окреслив Микола Костомаров, підкресливши, що саме в символі, який у широкому сенсі виступає претекстом алегорій, порівнянь та інших художніх засобів, увиразнюється одухотворення предметної дійсності, зокрема явищ природи [14, с. 59]. Пізніше ці ідеї розвивали й конкретизували Олександр Потебня [15], Микола Золотницький [13], Віталій Жайворонок [10], Микола Дмитренко [9], інші дослідники. Осмислюючи ідеї О. Потебні про вкоріненість фольклорної символіки в міфологічні традиції, вчені відзначають особливу роль у ній архетипних образів вогню, світла, вітру та інших одвічних стихій світобудови. Особливе місце серед цих стихій належить воді, на чому наголошують Сергій Аверінцев [1], Владислав Копалінський [17] та інші науковці. Про образність кримськотатарської народної пісні, образність, яка не раз набуває символічного характеру, писав Муртаза Веліджанова [6], відповідне дослідження якого аналізується в одній з моїх попередніх публікацій [8]. На поштиві й навіть благоговійне ставлення до води, яке виразно означається у пісенному фольклорі кримських татар, звертає увагу Е. А. Зіядінова у статті «Традиційне уявлення про воду в кримськотатарських народних піснях» [11]. «Одним із найдавніших звичаїв кримських татар, – зазначає авторка публікації, – було шанування води. Вона була засадничою частиною їхніх вірувань» [11, с. 51]. Е. А. Зіядінова цитує значну кількість народних пісень, у яких фігурують образи

води, таких як «Мен бир междислерде...» («Якось я в гурті...»), «Хош кельднъиз» («Ласкаво просимо»), «Азбарында кьююсы вар» («У дворі у нього криниця»), «Эм северсинъ, эм севмесинъ» («То любиш, то не любиш»), «Элиф дедим, бе дедим» («А сказав я, б сказав»), «Гузель Къырым» («Прекрасний Крим») та багато інших. За її підрахунками у двадцяти відсотках більш як тисячі кримськотатарських народних пісень «згадується вода та її джерела: моря, ріки, струмки, озера, криниці, фонтани» [11, с. 54]. Окреслюючи семантику водного образу в тій чи іншій пісні, дослідниця приходить до висновку що в кримськотатарських народних піснях вода «символізує першооснову всього сущого, очищення, рідну землю, дівочу вроду і цноту, кохання й розлуку, радість і горе, скороминущу молодість і швидкоплинність часу» [11, с. 54]. Вочевидь, доречно додати, що у фольклорі кримських татар образ води асоціюється насамперед з благодаттю, з радісними відчуттями, зі щасливим коханням. Усеж, погоджуючись з авторкою статі в тому, що образ води у фольклорі (варто зазначити, не лише кримськотатарському) надзвичайно багатогранний, мінливий, амбівалентний, в запропонованій публікації звертаю увагу насамперед на ті пісні, в яких розкриваються мотиви «кохання й розлуки, радості й горя, скороминущої молодості й швидкоплинності часу». Важливо не обмежитися констатацією того чи іншого образу в певній пісні, а й з'ясувати та окреслити його роль в художній системі певного фольклорного твору. В одній з моїх попередніх публікацій ішлося про особливості морського пейзажу в кримськотатарському пісенному фольклорі [7], В образній системі аналізованих нижче пісень переважно фігурують річки.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ

В кримськотатарському пісенному фольклорі доволі поширені тужливі мотиви, пов'язані з нерозділеністю палкого кохання, з розлукою, з несприятливістю життєвих обставин. До таких печальних пісень належить «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю»), один варіантів якої міститься у збірнику Яг'я Шерфедінова [16, с. 89]. В цій пісні у виразному й лаконічному образному малюнку втілено глибокі переживання закоханого, котрий уперше в житті відчув біль розлуки (тут і далі підрядковий переклад пісенних фрагментів належить авторці статті):

*Вардым чешме башына, аман, аман,
Башым къойдым дашына.
Мен асретлик бильмез эдим,
О да кельди башыма
(Підійшов я до водограю, ой жаль, жаль,
Голову прихилив до каменя.
Я розлуки досі не знав,
Та враз вона нарінула на мене) [16, с. 89].*

Ця гірка констатація змінюється у другому куплеті спогадом про чарівну юнку. Подаються зворушливі деталі її вабливого портрета, котрі тут же з новою силою підкреслюють, контрастно увиразнюють інтенсивність зболених душевних переживань:

*Гидене бакъ, гидене, аман, аман,
Бою бенъзер фидане.
Чокъ арадым, буламадым,
Сенинъ киби бир дане
(А хода, глянь, а хода, ой жаль, жаль,*

*Стан, мов пагін гінкий.
Довго шукав я, усе не знаходив
Таку, як ти, єдину)* [16, с. 89].

Багатогранна символіка води як неблаганного плину часу чи вирування таємничих природних стихій, суголосних пориванням людської душі, відіграє важливу роль в образній системі пісні. Якщо в першому куплеті ліричний герой прийшов зі своєю журбою до водограю, то згодом у його уяві постають більш монументальні образи. Закоханий страждалець вписує свої гіркі переживання в широкий, мало не космічний контекст:

*Учь гогерджин учурдым, аман, аман,
Дерья денъиз кечирдим.
Агъламая истемедим,
Ойнап, кулюп кечирдим
(Трьох голубів я випустив, ой жаль, жаль,
Ріки й моря перетнув.
Плакати я не збираюся,
Гуляючи й сміючись, проводжу час)* [16, с. 89].

У контексті мотиву розлуки символіка трьох голубів, які ймовірно розлітаються врізнобіч, може відчитуватися як пов'язана з прагненням охопити простір якомога більший, сумірний з неймовірною силою переживань безталанно закоханого, аби, може, хоч якусь вість отримати про милу (голуб як вісник надії – доволі поширений, зокрема в кримськотатарській пісенності, фольклорний символ). Разом з птахами герой ніби й сам душею перетинає широкі простори... Проте наразі сподівання на втішне повернення хоч якогось із випущених птахів вочевидь більш ніж примарні. Тож ліричний суб'єкт пісні гірку розпуку вкладає в нібито безжурну браваду, у парадоксально піднесені твердження про жваві веселощі й сміх (підтекстові імпульси цих тверджень, очевидно, близькі до тих, які маємо у відомому поетичному вислові Лесі Українки – «Щоб не плакати, я сміялась»).

Жодних сумнівів у неможливості повернення втраченої любові, ніби кидаючи додатковий журливий відблиск на попередню піднесену браваду, не лишає четвертий куплет, який власне є повторенням другого куплету і виконує тут роль сповненого особливої емоційної насиченості рефрену. Захоплення вродою милої, всією її істотою з новою силою виявляє печаль з приводу втраченого кохання.

Двічі повторюваний наприкінці кожного першого рядка пісенний вигук *аман*, двічі повторений другий куплет, вельми чіткий ритм, як віршований – регулярна зміна чотирискладової стопи трискладовою, окрім другого рядка, де подаються дві чотирискладові, так і музичний – 4/4 (ця ритмічна чіткість до того ж підкреслюється спеціально виписаною в нотному матеріалі партією бубна) – все це надає стилістиці пісні особливої карбованості, ніби співзвучної відчуттю неблаганних ударів долі. А разом з тим художній лад пісні позначений пружністю й легкістю, пов'язаною з окресленням зворушливої краси душевних поривань. Розвиток ліричного сюжету тут, як зазначалося, пов'язаний зі своєрідною градацією образів водної стихії (*чеиме* – *дерья денъиз*: водограй – морська широчінь), з наростанням тужливого підтексту, котрий вчувається зокрема у повторенні фраз про зачарування постаттю далекої милої.

Особливої граційності віршованому тексту надають повнозвучні прикінцеві рими, які подаються за способом, найбільш поширеним у рубаї (*aaba*), та припадають на останні в рядках трискладові стопи. Суттєву роль тут також відіграють внутрішні рими й

звукові повтори (*Башым кьойдым дашына; Гидене бакъ, гидене; Чокъ арадым, буламадым; Учъ гогерджин учурдым*). Чіткий ритмічний малюнок увиразнюється, а водночас вигадливо оживляється, легко орнаментується пісенним вигуком *аман* та поєднанням у неримованому (третьому) рядку кожної строфи двох чотирискладових стоп на фоні поєднання чотирискладової й трискладової стоп в усіх інших рядках.

Мелодія пісні нескладна й стримана, рухається досить розмірено, переважно ступенєво, притому дещо пожвавлюється ходами не терцію й кварту, зрідка на сексту. Властиву цій мелодії глибинну тривожність підкреслюють збільшені секунди, а також фермати наприкінці фраз.

Пісня «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю») відзначається стриманою чіткістю й лаконізмом. Проте в ній відчувається неабияка драматична напруга, відтінена зворушливим ліризмом.

Якщо пісня «Вардым чешме башына» – про гостре, але мужнє переживання раптової розлуки, розлуки, що зненацька вразила вочевидь молоду людину, то пісня «Сув акъар тыныкъ-тыныкъ» («Вода прозора плине-плине») [16, с. 91], так само, як, наприклад, і пісня «Умер оджа» («Поштивий Умер»), – про відчуття самоти людиною вже далеко не юною, про прикре усвідомлення, що без взаємного кохання минає життя. Тут, як і в пісні «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю»), присутня промовиста символіка води. Невипадково рядком про плин води починається цей фольклорний твір. Адже в ньому відчуття плинності, безповоротного проминання великою мірою визначає загальну журливу тональність. На тлі цього проминання вимальовується постать опечаленого ліричного героя:

*Сув акъар тыныкъ-тыныкъ,
Алды да мени бир яныкъ.
Эр кес татлы юкъуда,
Мен гезерим уяндым
(Вода прозора плине-плине,
Огортає мене печаль.
Кожен солодко спить,
Я ж блукаю й не засну)* [16, с. 91].

У наступному куплеті виразніше розкриваються причини означеного душевного сум'яття й неприкаяності:

*Ай, яш эдим, яш эдим,
Яш ахвалым бильмедим.
Ах, шу яшлыкъ чагъында
Бир ойнайып кульмедим
(Ой, був я молодим, був я молодим,
Молодечих втіх не зазнав.
Ах, у ту пору молодощів
Не нагулявся, не навеселився)* [16, с. 91].

Образність третього куплету (у варіантах фольклорних збірників Ф. Алієва [2, с. 211; 335], Іл. Бахшиша [4, с. 46] він подається другим) криє в собі легкий сплеск надій, котрий зрештою змінюється поверненням до відчуття печалі, хоч і не згасає остаточно. Вочевидь, ліричний герой рушає в подорож у сподіванні десь таки зустріти своє кохання. Для цього він купує на базарі хустку (*явлукъ*, у варіанті Іл. Бахшиша: *сары кягъыт* – жовтий папір), куди загортає одяг, в якому йти дорогою незручно, але який може в майбутньому

знадобитися (це побутова деталь, досить характерна для мандрівців Сходу). Герой на своєму шляху не стрічає жодної пташки, у якій міг би розпитати про свою любов, але все одно шлях його продовжується. Вочевидь, досить логічно на цій ноті хай непевної та крихкої, але все ж таки надії завершити пісню, яка в інших варіантах завершується більш песимістично.

Певна настроєва відмінність останнього у варіанті Я. Шерфедінова куплету від попередніх підкреслюється також зміною способу римування – після двох строф з методичною і, може, тут невблаганною у своїй настійності римою, як у рубаї (*aaba*), подається рима дещо легша, вільніша – черезрядкова (*abcb*):

*Базардам алдым бир явлукъ,
Урбаларым сармая.
Бир учан къуш корьмедим,
Севген яреми сормая
(На базарі придбав я хустку
Одяг свій загорнути.
Жодної летючої пташки не стрів,
Аби про любу, кохану мою розпитати)* [16, с. 91].

Разом з тим зміна послідовності куплетів, фігурування замість хустки, в яку загортається одяг, паперу (жовтого паперу) схиляють до дещо іншого трактування образності пісні. Звертає на себе увагу ще й така деталь: замість наявного у варіанті Я. Шерфедінова «*Урбаларым сармая*» («Аби мій одяг загорнути») маємо в інших варіантах (перший варіант Ф. Алієва та варіант Іл. Бахшиша) «*Урбаларын сармагъа*» («Твій одяг загорнути»). Можемо припустити, що тут ліричний герой придбав одяг для милої, певно як дарунок, не виключено, що й весільний, але одяг той не знадобився. Логічним після цього видається куплет про плинність часу та гірку долю.

Пісні «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю») та «Сув акъар тыныкъ-тыныкъ» («Вода прозора плине-плине») багато в чому схожі. Друга може розглядатись як сюжетне (точніше, сюжетно-фабульне) продовження першої. Спізнавши гірку розлуку в юні літа, герой пізніше так уже й не знайшов розради. Багато спільного в образності (символіка водної стихії, птахів як вісників надії), в журливості інтонацій, посилюваній емоційними повторами (у другій пісні: *тыныкъ-тыныкъ; яш эдим, яш эдим*; доречно говорити також про дальше відлуння в другому куплеті ключового тут слова *яш; ай – ах*), у розвитку власне ліричних сюжетів – зворушливі спалахи й згасання непевних сподівань, що відтіняють гірку печаль.

Впадає в око також близькість ритмічних малюнків обох пісень. І там, і там ритмічну основу становить чітке поєднання в кожному рядку пружних чотирискладової й трискладової стоп. Хоч у «Сув акъар...» не раз трапляється відхилення від цієї основи, внаслідок чого ритм стає примхливішим, що зрештою виявляється і в музичному тексті.

Музичний ритм обох пісень, як і віршований, відзначається особливою чіткістю. В пісні «Сув акъар...» – це складний: 2/4 (варіант Я. Шерфедінова), простий: 4/4 (варіант Ф. Алієва, с. 211). Але в пісні «Сув акъар...», як зазначалося, ритм примхливіший, часто синкопований. Мелодія цієї пісні значно більш орнаментована, що надає їй особливої перечуленості, навіть сентиментальності (на відміну від певної стриманості й навіть суворості мелодії пісні «Вардым чешме башына»). В «Сув акъар...» відчутніші тенденції до оспівування окремих нот, з'являються дріботливі (шістнадцятими нотами) виспівування та форшлаги. Невимовність, глибину душевних переживань увиразнюють

так само орнаментовані інструментальні інтерлюдії, що виконуються між куплетами, а також завершення кожної музичної фрази (кожного рядка) доволі тривалою (половинною) нотою, притому що інших половинних нот у музичному тексті немає. Ще більшої орнаментальності набуває музичний текст у варіантах, вміщених у збірниках Ф. Алієва (тут більше форшлагів, з'являються тріолі й квінтолі) та Іл. Бахшиша (постійна зміна розмірів, відчутніша синкопованість ритму, іще щедріша мелізматика, зокрема дещо ширші розспіви).

Обидві пісні вражають тонким художнім психологізмом, діткливим та зворушливим відтворенням глибоких душевних переживань.

До пісень «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю») та «Сув акъар тыныкъ-тыныкъ» («Вода прозора плине-плине»), котрі, як бачимо, мають немало спільних рис, можна приєднати ще й третю – «Дерелер шума, шума» («Ріки шумлять, шумлять») [16, с. 98]: знову наскрізний образ водної стихії, що є частиною промовистого поетичного паралелізму, котрий сприяє увиразненню журливого настрою, знову той же віршований ритм, в основі якого поєднання чотирискладових та трискладових стоп і який близький до європейського хорей (кількаскладові стопи тут загалом легко розкладаються на двоскладові), знову характерне для східної поетики римуння за способом, найбільш поширеним у рубаї. Навіть синтаксично-інтонаційні малюнки окремих рядків і строф, надто в піснях «Сув акъар тыныкъ-тыныкъ» та «Дерелер шума, шума» дуже схожі. Можна припустити, що первісні варіанти всіх трьох пісень були створені якимсь одним невідомим автором.

Пісня «Дерелер шума, шума» («Ріки шумлять, шумлять») починається скрушною тирадою, в якій з особливою емоційною напругою розкриваються душевні переживання:

*Дерелер шума, шума,
Нелер кельди башыма.
Даа нелер келекджиктир,
Мен гъарибнинъ башына
(Ріки шумлять, шумлять,
Чого лиш не випало на мою долю.
Що ж іще суджено
Мойй нещасній голові) [16, с. 98].*

Далі маємо легку констатацію причин окреслених переживань. Центральним образом наступної строфи є *чиркинлер* (негарні, невродливі). Певне, закоханому героєві, розлученому з обраницею серця, інші жінки й дівчата, з якими йому доводиться стрічатися, а радше до яких його спонукають пригланутися з метою вигідного одруження, ніяк не милі. Ніхто не милий йому, окрім єдиної й наразі далекої. Присутній тут вислів «чокъ алтын такъмакъ» («багато золота начепити») якраз може свідчити про те, що перед героєм вимальовується перспектива прагматичного характеру. Але він заповнений зовсім іншим. Певна інтонаційна та образна контрастність двох центральних куплетів пісні доволі промовиста:

*Дерелер акъмакъ иле,
Не олур бакъмакъ иле.
Чиркинлер де дюльбер олмазлар,
Чокъ алтын такъмакъ иле.*

*Дере акъаюр, дере,
Акъаюр нафле ере.
Дере, алып кет мени де,
Севдигим олдугъы ере*

*(Ріки все плінуть,
Що буде, коли придивитись –
Негарні не стануть вродливими,
Хоч багато золота начеплять.*

*Плине ріка, плине,
Марно плине тут.
Ріко, перенеси мене
Туди, де кохана моя) [16, с. 98].*

Але повторення наприкінці пісні першого куплету, сповненого скрушних нарікань, ніби перекреслює сплеск благань героя, повертає його на журливі «круги своя».

Анафоричне повторення в першому рядку кожного куплета ключового слова «Дерелер» («Ріки») посилює характерну для пісні емоційну пружність і сприяє створенню мальовничо метафоричної панорамності, на тлі якої героєві душевні переживання набувають особливої рельєфності. Повнозвучні прикінцеві рими (особливо багаті вони в другому куплеті, де ще й з'являється реди́ф), внутрішні й міжрядкові звукові перегуки (Дерелер – Нелер кельди – нелер келекджиктир; Чокъ – такъмакъ тощо), помножують згадану емоційну пружність, увиразнюють інтенсивність переживань закоханого страждальця.

Виразність та лаконізм образності, яка розкриває глибокі переживання ліричного героя, що мужньо зносить душевну скруту, стрункність і чіткість композиції, вигадлива звукова й ритмічна організація – такі провідні риси пісні «Дерелер шума, шума» («Ріки шумлять, шумлять»), вміщеної у фольклорному збірнику Я. Шерфедінова.

По-своєму цікаві варіанти цієї пісні вміщені у збірниках Ф. Алієва [2, с. 194] та Іл. Бахшиша [4, с. 97]. Проте в цих варіантах дещо втрачаються відзначені образний лаконізм, композиційна стрункність. Пісня стає чи не вдвічі довшою – шість куплетів замість чотирьох (фактично трьох, адже у варіанті Я. Шерфедінове маємо наприкінці промовисте повторення першого куплету). Очевидно, тут у процесі побутування фольклорного твору до первісного варіанту, часом дещо змінюваного, додалися куплети, в яких варіюються, певним чином трансформуються переживання ліричного героя. Певна трансформація характерна, наприклад, для такого куплету, присутнього у варіантах і Ф. Алієва, і Іл. Бахшиша:

*Дерелер толу думан,
Думандыр башым, думан.
Шу киббар яр коксюнде,
Не виджан вар, не иман
(Ріки сповнені туману,
Затуманилась моя голова, затуманилась.
В гордовитім серці коханої
Ні співчуття, ні благочестя) [2, с. 194; 4, с. 97].*

Не зовсім зрозуміло, чому попри такі докори ліричний герой все ж просить ріку віднести його туди, де зараз його кохана – така далека й нібито така жадана. Проте можна якось зрозуміти, чому він відтак ладен втішитися без неї. Високий пафос стає дещо приземленим:

*Думан думан устюне,
Мен де думан олайым.
Яш кызыкълар устюнде,
Атлас ёргъан олайым
(Понад ріками туман, туман,
Я стану туманом.
Понад юними дівчатками
Буду єдвабним покривалом*

[точніший варіант перекладу:
...атласною ковдрою]) [2, с. 194; 4, с. 97].

Що й казати, образність цих додаткових куплетів дуже гарна й поетична, проте, певно, художня цілісність тексту пісні тут у порівнянні з варіантом Я. Шерфедінова дещо порушується.

ВИСНОВКИ

У кримськотатарських народних журливих піснях досить виразно звучать соціальні мотиви. Скажімо, в пісні «Дерелер шума, шума» («Ріки шумлять, шумлять»), в якій герой тужить за далекою коханою, маємо доволі промовисту поетичну сентенцію про несумісність меркантильності зі щирим любовним почуттям: «Негарні не стануть вродливими, / Хоч багато золота начеплять».

У пісенному фольклорі кримських татар, зокрема й у розглянутих піснях, найбільш поширені два типи ліричної композиції. Один з них присутній у творах, де маємо послідовний розвиток емоційного плину, поступове наростання напруження – від легкого передчуття тривоги до її крайнього загострення. Характерним прикладом тут є пісня «Дерелер шума, шума» («Ріки шумлять, шумлять»). Другий тип композиції має ретроспективний характер. У перших рядках пісні гірко констатується нестерпне відчуття розлуки, а далі простежується шлях до неї, осмислюються її причини. Такою є пісня «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю»), Не раз, як-от у пісні «Сув акъар тыныкъ-тыныкъ» («Чиста вода плине, плине») таке осмислення причин безталання супроводжується філософічними медитаціями, котрі здебільшого подаються у формі афористичних сентенцій. Висока емоційна напруга, властива печальним пісням, нерідко виявляється в удавано веселій браваді, в, так би мовити, сміху крізь сльози, на позначення чого в кримськотатарській фольклорній ліриці не раз зринає колоритний вислів «ойнамакъ-кульмек» («веселитися-сміятися»). Це виразно виявляється в пісні «Вардым чешме башына» («Підійшов я до водограю»).

Попри панівну в цих піснях журливу тональність вони багаті на настроєві відтінки, переливи яких зумовлюють прикметну тут ліричну проникливість, психологічно переконливу й діткливу передачу душевних переживань. Легкий грайливий ритм цих пісень своєрідно увиразнює відзначений художній психологізм, а також відтінює властивий їм драматизм.

Певна близькість пісні про нещасливе кохання до соціально-побутової конкретики не виключає тяжіння її образного ладу до поетичної філософічності, яка виявляється не

лише у властивій окремим пісням медитативності. Образність тут здебільшого сягає обривів промовистої символіки. Особливо виразна символіка води, що асоціюється з життєвським вибором, зі швидкоплинністю часу, з невблаганністю долі, яка приносить закоханому ліричному герою гіркоту й розчарування. Притому вишуканий художній лад цих пісень (насамперед відзначена образна символіка, підсилена звуковою орнаментальністю) певною мірою нівелює відзначену гіркоту, він спрямований на переконання в тому, що навіть нещасливе кохання дарує відчуття повноти життя, своєму підносить і окриляє людину.

Список літератури

1. Аверинцев, С. С. Вода [Текст] / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – Москва : Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 240.
2. Алиев, Ф. М. Антология крымской народной музыки – Кырым халкъ музыкасынынъ антологиясы [Текст] / Ф. М. Алиев. – Симферополь : Крымское уч-пед. гос. изд-во, 2001. – 600 с.
3. Бахшыш, Ил Кырымтатар халкъ йырлары [Текст] / Топлагъан ве тертип ѳткенлер Ильяс Бахшыш, Эдем Налбандов. – Симферополь : Таврия, 1996. – 448 с.
4. Бахшыш, Ил Кырымтатар халкъ йырлары [Текст] / Тертип этиджи Ильяс Бахшыш. – Симферополь : Кырым девлет окув-педагогика нешрияти, 2004. – 384 с.
5. Бахшыш, Ил. Сабанынъ сааръ вакътында : кырымтатар халкъ йырлары [Текст] / Ильяс Бахшыш, Эдем Налбандов. – Ташкент : Ѓафур Ѓулям адына Эдебият ве санъат нешрияти, 1977. – 376 б.
6. Велиджанов, М. Кырымтатар халкъ йырларынынъ сѳзлери акъкъында / М. Велиджанов // Кырымтатар халкъ йырлары / Ил. Бахшыш, Э. Налбандов. – Акъмесджит : Таврия, 1996. – С. 5–57.
7. Гуменюк, О. М. Морський пейзаж в художній структурі кримськотатарської фольклорної лірики (на прикладі пісень «Къара деньиз» та «Деньиз далъгъасыз алмаз») [Текст] / О. М. Гуменюк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки: Научный журнал. – Т. 1 (67). – 2015. – № 3. – С. 43–48.
8. Гуменюк, О. М. Муртаза Велиджанов – дослідник кримськотатарської народної пісні [Текст] / О. М. Гуменюк // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 261. – С. 121–123.
9. Дмитренко, М. Символи українського фольклору : монографія [Текст] / М. Дмитренко. – Київ : УЦКД, 2011. – 400 с. / НАН України, Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського.
10. Жайворонок, В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2006. – 704 с.
11. Зиядинова, Э. А. Традиционные представления о воде в крымскотатарских народных песнях / Э. А. Зиядинова // Культура народов Причерноморья. 2005. – № 60. – С. 51–54.
12. Зиядинова, Э. Кырымтатар йырларында гуль-чечеклер тимсаллер оларакъ / Э. Зиядинова // Йылдыз. – 2006. – № 5. – С. 113–125.

13. Золотницький, Н. Ф. Цвієти в легендах и приданнях / Н. Ф. Золотницький. – М.: ОЛІМА Медіа Груп, 2014. – 447 с.
14. Костомаров, М. І. Слов'янська міфологія / М. І. Костомаров. – Київ : Либідь, 1994. – 384 с.
15. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 480 с.
16. Шерфединов, Я. Звучит кайтарма – Янърай къайтарма / Я. Шерфединов. – Ташкент : И-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
17. Kopaliński W. Woda. Słownik symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1990, ss. 475–479.

References

1. Averintsev S. S. *Voda* [Water]. *Mify Narodov Mira: Jentsiklopediya v Dvukh Tomakh*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1991, Vol. 1. 240 p.
2. Aliev F. M. *Antologiya Krymskoi Narodnoi Muzyki – Kyrym Khalk Muzykasynyn Antologiyasy* [Anthology of Crimean Folk Music]. Simferopol: Krymskoe Uchebno-Pedagogicheskoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 2001. 600 p.
3. Bakhshysh Il. *Kyrymtatar Khalk Yirlary* [Crimean Tatar Folk Songs]. Simferopol: Tavriya Publ., 1996. 448 p.
4. Bakhshysh Il. *Kyrymtatar Khalk Yirlary* [Crimean Tatar Folk Songs]. Simferopol: Kyrym Devlet Okuv–Pedagogika Publ., 2004. 384 p.
5. Bakhshysh Il. *Sabanyñ Saar' Vakynda: Kyrymtatar Khalk Yirlary* [At the Dawn. Crimean Tatar Folk Song]. Tashkent: Gafur Guliam Literature and Art Publ., 1977. 376 p.
6. Velidzhanov M. *Kyrymtatar Khalk Yirlary Siozleri Akkynda* [About the Words of Crimean Tatar Folk Songs]. Simferopol: Tavriya Publ., 1996, pp. 5–57.
7. Gumenyuk O. M. *Mors'ky Peyzazh v Khudozhniy Strukturi Kryms'kotatsrs'koyi Folklornoi Liryky (na Prykladi Pisen' Kara Deniz ta Deniz Dalgasyz Olmaz)* [Seascape in the Artistic Structure of Crimean Tatar Folk Lyrics (On the Material of Songs Black Sea and There is no Sea without Waves)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 1 (67), № 3, 2015, pp. 43–48.
8. Gumenyuk O. M. *Murtaza Velidzhanov – Doslidnik Krims'kotatars'koi Narodnoi Pisni* [Murtaza Velidzhanov – Researcher of the Crimean Tatar Folk Songs]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ya*, 2013, № 261, pp. 121–123.
9. Dmitrenko M. *Simvoli Ukrains'kogo Fol'kloru: Monografiya* [Symbols of Ukrainian Folklore. Monograph]. Kiev: UtsKD Publ., 2011. 400 p.
10. Zhaivoronok V. *Znaki Ukrains'koi Etnokul'turi: Slovník-Dovidnik* [Signs of Ukrainian Ethnic Culture. Reference Dictionary]. Kiev: Dovira Publ., 2006. 704 p.
11. Ziyadinova E. A. *Traditsionnye Predstavleniya o Vode v Krymskotatarskikh Narodnykh Pesnyakh* [Traditional Ideas about Water in Crimean Tatar Folk Songs]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ya*, 2005, № 60, pp. 51–54.
12. Ziyadinova E. *Kyrymtatar Yirlarynda Gul'-Chechekler Timsaller Olarak* [Roses as a Symbol of Crimean Tatar Folk Songs]. *Yildyz Publ.*, 2006, № 5, pp. 113–125.

13. Zolotnitskii N. F. *Tsvety v Legendakh i Pridaniyakh* [Flowers in Legends and Folk Stories]. Moscow: OLMA Media Grupp Publ., 2014. 447 p.
14. Kostomarov M. I. *Slov'yans'ka Mifologiya* [Slavic Mythology]. Kiev: Libid' Publ., 1994. 384 p.
15. Potebnya A. A. *Simvol i Mif v Narodnoi Kul'ture* [Symbol and Myth in Folk Culture]. Moscow: Labirint Publ., 2007. 480 p.
16. Sherfedinov Ya. *Zvuchit Kaitarma – Yanray Kaytarma* [Kaytarma Sounds]. Tashkent: Gafur Guliam Literature and Art Publ., 1979. 232 p.
17. Kopaliński W. *Woda. Słownik Symboli*. Warszawa: WiedzaPowszechna, 1990, ss. 475–479.

СИМВОЛИКА ВОДНОЙ СТИХИИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гуменюк В. И.

Символика, связанная с одухотворением пространства, принадлежит к существенным признакам песенного фольклору, на чем акцентировали Николай Костомаров, Александр Потебня и другие исследователи. Особую роль в художественной системе народной песни играет апелляция к архетипным образам огня, света, ветра, неба, земли и иных первоэлементов мироздания. Существенное место среди таких образов принадлежит воде. Водная стихия и связанные с ней более конкретные реалии морей, рек, ручьев, озер, источников, колодцев принадлежат к доминирующим образам в художественном мире фольклора крымских татар. В крымскотатарских народных песнях вода ассоциируется, прежде всего, с благодатью, со светлым утешением, со счастливой любовью. Но немало здесь и песен, в которых соответствующая образность символизирует не только радость любви, но и горечь разлуки, скоротечность времени и невозвратность молодости. Такая символика особенно характерна для песен, в которых фигурирует образ реки. В предлагаемой статье детально анализируются песни такого характера.

Несмотря на доминирующую в этих песнях грустную тональность они богаты на разнообразные оттенки настроения. Переливы этих оттенков обуславливают приметную здесь лирическую проникновенность, психологически убедительную и чуткую передачу душевных переживаний. Легкий игривый ритм этих песен своеобразно подчеркивает отмеченный художественный психологизм, а также контрастно оттеняет драматизм развития лирического сюжета.

Ключевые слова: фольклор крымских татар, песенная лирика, образная система, символика водной стихии.

SYMBOLIC OF WATER ELEMENT IN THE SONG FOLKLORE
BY CRIMEAN TATARS

Humeniuk V. I.

Summary. The symbolism associated with the spiritualization of space belongs to the essential features of song folklore, which was emphasized by Nikolai Kostomarov, Alexander Potebnya and other researchers. An appeal to archetypal images of fire, light, wind, sky, earth, and other primary elements of the universe plays a special role in the artistic system of folk songs. A significant place among such images belongs to water. The water element and the more concrete realities of seas, rivers, streams, lakes, springs, and wells associated with it belong to the dominant images in the artistic world of Crimean Tatar folklore. In Crimean Tatar folk songs, water is associated, first of all, with grace, with light consolation, with happy love. But there are also many songs in which the corresponding imagery symbolizes not only the joy of love, but also the bitterness of separation, the transience of time and the irrevocability of youth. This symbolism is especially characteristic of songs that feature the image of a river. This article analyzes songs of this nature in detail.

Keywords: folklore of the Crimean Tatars, song lyrics, metaphorical system, symbolism of the water element.

УДК 821.512.19-4

ЖАНР «ОЧЕНЬ КОРОТКОГО РАССКАЗА» В СОВРЕМЕННОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Джелилова Л. Ш.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: trysto@mail.ru*

В мировом литературоведении по отношению к малым литературным полотнам существует определение «чеховский рассказ». Форму такого рассказа в основном определяет не случай (однажды произошедший), а незаконченность события, даже если рассказ / повествование само уже закончено. В статье рассматриваются причины появления жанра «очень короткого рассказа» в литературной традиции и его влияние в современную крымскотатарскую литературу. Причины появления и популярность жанра «очень короткого рассказа» или «рассказа-молнии» объясняются влиянием культуры постмодерна на формирование и градацию рассказа-молнии в современной крымскотатарской литературе, в ее прозе середины XX века. Ряд общекультурных и внутрилитературных процессов крымскотатарской литературы, происходящих во второй половине XX века, привел к постепенному росту количества прозаических миниатюр. Среди таких процессов можно назвать и сближение границ формы стиха и прозы. Именно это побудило некоторых авторов экспериментировать с пограничными и переходными формами изложения. Многие тексты очень короткого крымскотатарского рассказа действительно можно охарактеризовать как стихотворения в прозе. Эти очень короткие рассказы были ориентированы на сравнительно массового читателя национальных газет и журналов. Появление и развитие жанра «очень короткого рассказа» на страницах крымскотатарской периодики получило большую популярность в среде современных информационных технологий.

Ключевые слова: очень короткий рассказ, жанр рассказа, рассказ-молния, ситуативный рассказ, проза, рассказ, молния, крымскотатарская литература, турецкая литература, сжатый текст.

ВВЕДЕНИЕ

Жанр «очень короткого рассказа» занимает активную позицию в современном крымскотатарском литературоведческом дискурсе, а также в медиапространстве. Такие факторы, как экономия времени у современного человека, его желание обрести своё место в информационном пространстве явились причиной появления жанра «очень короткого рассказа». Век быстрого усвоения информации, желание короткого и быстрого повествования сделали этот жанр популярным и в современной крымскотатарской литературе.

Вопрос появления, становления и развития жанра «очень короткого рассказа» в современной крымскотатарской литературе не был предметом отдельного монографического исследования. Есть немногочисленные работы по теме градации крымскотатарского литературного рассказа, где исследуется форма малого эпического рассказа, а также крымскотатарская новеллистика XX века и появление в ней новых, современных видов и форм. Это научная работа Ш. Юнуса, который отмечает подъём крымскотатарской новеллистики в начале XX века в рассказах Аблякима Ильмия, Асана Сабри Айвазова, Мемета Нузэта, Абибуллы Одабаша, Умера Ипчи, Мамута Дибаса, Джемиля Сейдамета и Раима Тынчерова [9, с. 110].

Цель данного исследования – дать характеристику жанра «очень короткого рассказа» в современной крымскотатарской прозе.

Объектом исследования является современная крымскотатарская литература.

Предмет исследования – жанр «очень короткого рассказа» и его место в современной крымскотатарской литературе.

Основными методами исследования в работе являются описательный, историко-генетический, сопоставительный и сравнительно-исторический. С помощью метода сравнительного анализа определяются основные жанровые особенности очень короткого рассказа в крымскотатарской литературе.

Теоретическая значимость исследования. Работа вносит вклад в историю изучения малых жанров крымскотатарской литературы.

Анализ источников по проблематике исследования показал, что вопросу изучения малых жанров уделялось недостаточное внимание в крымскотатарской литературе. Ранее жанр рассказа и его виды в крымскотатарской литературе были исследованы Ф. А. Сеферовой в работе «Этические идеалы крымскотатарской прозы 60-80 гг. XX века». Ф. А. Сеферова даёт общую характеристику крымскотатарской прозы, отчасти ее малых жанров и определяет вехи развития национальной прозы. Основательное исследование современного очень короткого рассказа сделал турецкий филолог Рамазан Коркмаз. В его работе «Новый жанр турецкой литературы: мини-рассказ» дано определение очень короткому рассказу как новейшему виду жанра рассказа [13]. Коркмаз выделяет особо сжатые тексты рассказов, показывает причины возникновения вида и указывает на актуальность сжатого прозаического текста для современной тюркской литературы. Последней работой, где исследуются прозаические произведения крымскотатарской литературы начала XX века, стала хрестоматия Т. Н. Киримова, где автор дает характеристику поэтике малых прозаических жанров. Киримов отмечает важность нравственно-философского акцента коротких рассказов начала XX века, опубликованных на страницах национальной периодики [3, с. 5].

В современной крымскотатарской литературе жанр рассказа, подразделяясь по форме на «икяе», «кыыскъа икяе» и «чыбыртма», является особой частью национальной прозы, где крымскотатарские писатели раскрывают художественные возможности данного малого жанра. Настоящая классификация видов крымскотатарского рассказа дается на основе научных работ русских, крымскотатарских и турецких литературоведов, а также на основе анализа автора данной статьи.

«Икяе» («рассказ», «длинный рассказ»), состоящий из 10-20 страниц, отмечен в творчестве писателей Якуба Зекки, Шамяля Алядина, Черкез-Али, Мамбета Алиева, Эрвина Умерова, Рустема Муедина, Джевдета Аметова и многих других.

«Кыыскъа икяе» («короткий рассказ»), объем которого составляет 3-10 страниц, занимает особое место в творчестве Умера Ипчи, Ибраима Паши, Рустема Муедина, Решиды Мурада, Урие Эдемовой, Айдера Османа, Эмиля Амита и других прозаиков.

«Чыбыртма» («очень короткий рассказ», «зарисовка»), занимающий от половины страницы до двух страниц, нашел свое отражение в творчестве Самедина Шукурджиева, Амета Мефаева, Аблязиза Велиева, Эмиля Амита, Амди Каралезли, Сейрана Сулеймана, Гульнары Ильясовой, Севиль Карашаевой и некоторых других.

Типичный чеховский рассказ основан на ярком повествовании. Он дал зарождение новейшей модели короткого рассказа нашего времени. Детальное описание времени,

пространства, подробное представление действующих лиц отсутствует в чеховском рассказе.

В современном литературоведении структура жанра очень короткого рассказа имеет следующие признаки. Действующие лица в полной мере не представлены в таком рассказе, событие же не имеет законченности. Читателю предоставлена возможность мысленно «продолжить» историю, дать свою оценку событию. Начало и конец типичного *очень короткого рассказа* могут быть не связаны с общим сюжетом и повествуются как обособленные куски. Горизонты мысленного полета читателя тут не ограничены. Без лишней информации о героях события читателю передается главная мысль произведения.

Литературоведы определяют очень короткий рассказ, как *küçürek öykü* (тур. буквально *миниатюрный рассказ*); *yıldırım kurgu* (тур. *рассказ-молния*); *avuç içi öyküler* (тур. *рассказ с ладошку / горсть слов*); *flash fiction*; *short-short-story*; *sudden fiction*; (анг. *рассказик, очень-очень короткая история, мини-рассказ*).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Малые жанры прозы известны с ранних периодов истории человечества. Притча – одна из самых ранних форм краткого повествования. Это небольшой рассказ в аллегорической, назидательной форме. У первых мусульман, несущих религию в люди, коранические суры трансформировались в небольшие повествования. Краткость и несложность сюжета, глубина главной мысли были интересны и писателю, и читателю.

Истоки короткого рассказа можно усмотреть у древних (философ Бейдаба, Эзоп, восточный классик Шейх Саади, философ средневекового Востока Джалаладдин Руми). Однако, в самом конце XX века, в век быстрого потребления появляется новая форма и новое содержание очень короткого рассказа, часто называемого в литературоведении «рассказ-молния». Современный *очень короткий рассказ* необходимо отличать от рассказов типа *fabl*, где животные или предметы одушевлены и есть поучение, мораль. Это анекдотический рассказ или рассказ-басня об одном случае или человеке с поучительным смыслом.

Исследователь короткого рассказа Аллен утверждает, что он должен быть в объеме от ста до тысячи слов. Есть мнение, что все литературные тексты в объеме от двух тысяч до трех тысяч слов могут быть причислены к жанру *рассказа*; тексты объемом менее двух тысяч слов – к виду *короткого рассказа* [11]. По мнению Э. А. По, *короткий рассказ* должен прочитываться быстро, «в один присест». Г. Уэлс утверждал, что ни один *рассказ* не должен занимать более получаса чтения.

В 1960-х годах впервые у британцев Р. Броутигана и С. Холста (анг. Richard Brautigan, Spencer Holst) мы видим первые образцы очень короткого рассказа [14]. В эти же годы писатель Роберт Кувэр показывает первые попытки жанра *короткого рассказа*, издает книгу «Маленькие рассказы» (анг. Robert Coover, «Tri Quarterly»).

Короткий рассказ как независимый жанр заявил о себе в печати 1980–1990 гг. Популярность этого жанра набирает силу с распространением новых коммуникационных технологий. Ещё один фактор популярности и развития жанра *короткого рассказа* – создание видеоклипов, кратких фильмов, роликов [15].

Появление всемирной сети интернет способствует тому, что массы людей отвлечены от длительного чтения больших литературных текстов. Читатели выбирают яркие,

краткие, быстрые, информативные материалы. Создатели современного очень короткого рассказа используют метод быстрого повествования с наименьшим набором слов, но объемным смысловым рядом. Впервые в США появляются версии ночных сказок (сказок перед сном) для чтения за одну минуту. Эти сказки также транслируют и по телевидению [15]. Новое поколение живет с заточенным на моменте вниманием, с острым и быстрым восприятием событий.

Современными исследователями отмечено, что повышенное внимание зрителей обращено на отдельные фрагменты сюжета, нежели на сюжет в целом. В 1980–1990-х годах в мировой литературе издаются первые антологии краткого рассказа. Первая такая Антология мини-мини рассказов (англ. “Short Shorts: An Anthology of the Short –Short Stories”) издана в 1983 году [13].

Очень короткий рассказ основан на экономии языковых ресурсов; освобождает читателя от избытка информации. Это повествование, в котором на первом плане – личная заинтересованность (личный, индивидуальный интерес). Очень короткий рассказ не формирует характер читающего, не преследует цели довести читателя до определённой точки, он делает случайные «предупреждения», даёт почувствовать, где истина [18]. Одно пространство, короткий отрезок времени, несколько характеров – это всё, из чего состоит очень короткий рассказ. Одна мысль, изложенная очень сжато в соответствующей минималистичной форме.

Исследователь современного очень короткого рассказа Р. Кормаз утверждает, что этот жанр популярен и актуален сегодня в литературе как продукт не только предмета литературы, но и истории, философии и психологии [13, с. 12]. Американский исследователь Р. Кейли отмечает: «Ещё один литературный приём краткого рассказа – стирание. То есть, когда у читателя есть определенное ожидание, писатель ловко удаляет части, не обязательные к повествованию». Писатель *очень короткого рассказа* насыщает язык повествования поэтичностью, в изложении сложных чувств использует логические языковые приемы [14].

Очень короткий рассказ убыстряет время, но при этом фиксирует его; тут есть моменты, когда мгновения застывают в воздухе. Реальное время ограничено рамками одного мгновения, и тут яркость героев истории стоит на первом плане. История, очищенная от излишеств, рассказывается в нескольких фразах. В основном представлена главная мысль, детали же оставлены на домысливание читателя. Важна не структура характеров героев, а их реакция на происходящее.

Рассказчик – спокойный, хладнокровный повествователь, он вне происходящего действия. Функция рассказчика – изложение. Он не показывает эмоций, не комментирует события, не вмешивается в происходящее. Эти особенности рассказчика соответствуют цели писателя – самым кратким путем изложить события. Иногда пролог и эпилог отсутствуют. Есть лишь вводное и заключительное предложения. Основная цель – заключение. В этом заключении самое яркое пятно – финал.

Самое яркое пятно очень короткого рассказа – последнее слово. Заключительное предложение иногда собрано так, что читателю предоставлена возможность завершить историю самому. Все предложения, все абзацы *очень короткого рассказа* необходимо читать, как следующую новую часть повествования. Между писателем и читателем есть определенная связь, которая доказывает, что многое известно и одному, и второму, поэтому повествование избавлено от излишеств [11]. Большие пробелы в повествовании

и некоторое замалчивание эту связь между писателем и читателем укрепляют. Текст ожидает участия в нём читателя.

Если рассматривать проблему с этой точки зрения, можно сказать, что на читателя возложены некие ожидания. Одна из главных деталей этого момента – не понять, а именно почувствовать текст. Смысловые пробелы текста, отрицание длительного творческого подхода, присутствие читателя, нахождение писателя на втором плане, прочтение на разных смысловых уровнях и т.п. делает жанр очень короткого рассказа видом искусства, близким к постмодернизму. У создателей очень короткого рассказа нет общей основы и линии повествования. Каждый из них имеет свой особый стиль изложения, приёмы повествования. Некоторые выводят на первый план сюжет (цепь событий); или просто описанием события создают свой очень короткий рассказ [11].

Впервые в тюркской литературе очень короткий рассказ в современном понимании появляется в турецкой литературе в 1870-е годы. Читателю не предоставляется выбора так или иначе судить об истории, комментировать события. Событие, о котором повествуется в очень коротком рассказе, происходит в определенной логической последовательности. Этот жанр в современном турецком литературоведении охарактеризован, как *мини-рассказ* (тур. *Küçük Öykü*).

Очень короткий рассказ (рассказ-молния) в крымскотатарской прозе впервые появился в альманахе «Тонгуч. Шафак» – предвестнике «Терджимана», в номерах газеты «Терджиман», ее приложениях – «Алем-и Нисван» («Женский мир») и «Ха-ха-ха», а также в газете «Миллет» в начале XX века. Именно в «Миллет» очень короткие рассказы подписаны как «окъ» или «къыскъа эртеге» («стрела», «короткая история»). Впервые термин «чыбыртма» («капля за каплей», «быстрая капель») употребляется для очень коротких рассказов Абибуллы Одабаша на страницах газеты «Миллет» [3, с. 5].

Вторая половина XX века была отмечена бурным развитием крымскотатарской прозы. Возрождение национальной периодической печати в 1957 г., основание литературно-художественного журнала «Йылдыз» на крымскотатарском языке в 1976 г. послужили благодатной почвой для изменений в прозе, касающихся как формы, так и внутреннего содержания малых жанров. Развитие таких малых жанров, как очерк, эссе, зарисовка, рассказ, начинается с 1960-х годов. В 1980-х гг. развитие крымскотатарской прозы продолжается, появляются новые авторы, молодые литераторы. Прозаики старшего поколения экспериментируют в области малых жанров, очень короткий рассказ все больше привлекает внимание читателей: объем рассказа не более одной-двух страниц, а в плане содержания – изображение душевного состояния, внутреннего мира героя.

Основным отличительным критерием современного очень короткого рассказа литераторы считают «литературные тексты в сто слов». Насыщенное повествование, кристаллизованное словесное полотно, яркие акценты превращают такие тексты в произведения, в которых заботы и страхи бытия современного человека выходят на первый план [12]. Очень короткий рассказ современной крымскотатарской прозы можно сравнить с молнией, вспышкой. Современные крымскотатарские писатели в этой жанровой разновидности рассказов затрагивают духовные, нравственные, социальные и другие общечеловеческие проблемы, создают интересные слепки нашего времени.

Самедин Шукурджиев (рассказы «Къаравул» / «Охранник», «Бахтлы билет» / «Счастливый билет», «Авджылар» / «Охотники»), Амди Къаралезли (рассказы «Бахшыш» / «Подарок», «Эки билет» / «Два билета», «Юрек анахтары» / «Ключ к сердцу», «Баба огълу» / «Сын своего отца»), Амет Мефаев (рассказы «Яры геджеде олып

кечкен вакыя» / «Случилось это в полночь», «Садыктылык» / «Верность»), Сейран Сулейман («Юксек тереклер талдасында» / «В тени высоких деревьев»), Гульнара Ильясова («Япрак» / «Листок», «Сен биль» / «Ты знай») создают свои очень короткие рассказы в виде зарисовок о нравственных или душевных проблемах человека [10].

Техника создания очень короткого рассказа требует определенного мастерства. Очень короткий рассказ – литературный текст с минимальным количеством слов, несущих большие объемы смыслов. В подобном рассказе, как и в поэзии, не должно быть повтора слов, несущих одинаковую смысловую нагрузку. Главная цель – минимальным количеством слов обеспечить максимальный охват значений [9].

В *очень коротком рассказе*, когда читатель уже окончил читать историю, он ее домысливает до удобного (логического) конца, хотя и в подобном домысливании не будет окончательной определенности.

Очень короткий рассказ прочитывается (познается) на разных уровнях восприятия. У данного рассказа многоуровневый смысл. За реальными историями из жизни скрываются многовариантные трактовки.

Очень короткий рассказ часто построен на проблеме отчуждения, психологического рабства, безнадежности, морального упадка и кризиса. В таком рассказе на первом плане – современная эпоха и не национальные и традиционные элементы, а личностный фактор. Объем *очень короткого рассказа* сжат, как крик души. Известно, что продолжительность любого крика делает слабее его эффективность. *Очень короткий рассказ*, удлинняясь, тоже может стать менее предупреждающим и удивляющим [5]. Для *очень короткого рассказа* характерно правило французского театра, где обязательно триединство: действие, которое проходит в одном месте и в одно время.

Очень короткий рассказ при прочтении занимает всего лишь пять минут. В практике читателей есть выражение для определения времени прочтения *очень короткого рассказа*: «за выкуренную сигарету» [13]. Сюжет очень короткого рассказа движется к завершению быстро. Рассказ «Юксек тереклер талдасында» («В тени высоких деревьев») С. Сулеймана объемом всего в одну страницу стал образцом реалистического рассказа, отображающего душевные переживания человека. А в *очень коротком рассказе* С. Шукурджиева «Тесадюфен олды» («Это случайность») показана злободневная социальная проблема. Большая роль отведена в таких очень коротких рассказах художественному языку.

Современные очень короткие рассказы в крымскотатарской литературе тяготеют к разным жанровым формам. В творчестве писателей старшего поколения это чаще форма притчи. Есть тексты назидательного, философского содержания (С. Шукурджиев «Феруз ве Земфира» / «Феруз и Земфира», А. Каралезли «Ренкли ресим» / «Цветной рисунок»). У молодых прозаиков это форма сказочного этюда (Г. Ильясова рассказ «Япрак» / «Листок»). Есть очень короткие рассказы в виде зарисовок о нравственных или душевных проблемах человека (Э. Умеров «Хайырлы телефон» / «Счастливый звонок», Э.Амит «Ёлджы» / «Путник») и др. Форма очень короткого рассказа может быть разной, но истоки зарождения этой формы повествования очень древние.

С развитием эфирного вещания, с появлением интернета, блоговой журналистики, онлайн-СМИ жанр очень короткого рассказа выходит на новый виток популярности.

ВЫВОДЫ

Новейшие информационные технологии привели к появлению «второй словесной культуры» (нового искусства слова, помимо классической литературы). Результатом произошедших коммуникационных сдвигов стало то, что читатели утратили важность пояснений сюжета. Значимость приобрели фрагментарные, моментальные, секундные картинки. Повествователь пытается с помощью минимума слов многое объяснить. Современный человек чтению долгих, избыточных красочными описаниями романов предпочёл очень короткие повествования, рассказы-молнии.

В современной крымскотатарской литературе в жанре очень короткого рассказа делают успехи многие писатели, раскрывая художественные особенности этого жанра. Современным крымскотатарским авторам мастерски удается сочетать традиции национального повествования с техникой современных минималистичных жанровых форм. Сохранение такого важного фактора жанровой структуры, как сжатость, концентрированность текста, позволяет жанру рассказа в крымскотатарской литературе оставаться актуальным.

Список литературы

1. Амитов, Э. О. Красная чалма. Повесть и рассказы [Текст] / Э. О. Амитов. – Баку: Гянджлик, 1978. – 157 с.
2. Къаралезли, А. Арман таш [Текст] / А. Къаралезли. – Ташкент : Гъ. Гъулам, 1984. – 112 с.
3. Керимов, Т. Н. Миллет джевахерлери. Хрестоматия [Текст] / Т. Н. Керимов. – Акъмесджит : Къырымдевокъуьвпеднешир, 2012. – 704 с.
4. Мефаев, А. Сёнмеген севги [Текст] / А. Мефаев. – Ташкент : Гъ. Гъулам, 1970. – 116 с.
5. Сеферова, Ф. А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60-80 гг. XX века / Ф. А. Сеферова. – Симферополь : Доля, 2009. – 208 с.
6. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. [Текст] / Под ред. Н. Д. Тamarченко. – Т. 1: Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Издательский центр Академия, 2004. – 512 с.
7. Хализев, В. Е. Теория литературы: Учебник [Текст] / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2004. – 405 с.
8. Шукурджиев, С. Учансув тамчылары. Къыскъа икяелер [Текст] / С. Шукурджиев. – Ташкент : Гъ. Гъулам, 1982. – 112 с.
9. Юнус, Ш. Назмиетимиз ве несирджилигимиз тарихындан [Текст] / Ш. Юнус. – Акъмесджит : Тезис, 2008. – 175 с.
10. Юнусова, Л. С. Крымскотатарская литература. Сборник произведений фольклора и литературы VIII-XX вв. [Текст] / Л. С. Юнусова. – Симферополь : Доля, 2002. – 342 с.
11. Andaç F. 1960-2000 Yılına Öykücülüğümüze Genel Bakış. Dil Dergisi, 2000, s. 90.
12. Ayvaz Ü. Kısa Öykü Üzerine. Nece Öykü: Öyküde Sözcük Ekonomisi: Kısa kısa (Küçürek) Öykü, 2007, no 20, Yıl: 4, ss. 3–12.
13. Korkmaz R., Deveci M. Türk Edebiyatında Yeni Bir Tür: Küçürek Öykü. Ankara: Grafiker Yayınları, 2011. 170 s.

14. Pritchett V. S. Kısa Öykü Üstüne. Adam Öykü. İstanbul, 1998, Sayı: 15, ss. 4 – 10.
15. Taşdemir İ. Çağdaş Türk Öykücülüğünde Küçürek Öykü. Ankara: Hacettepe Ün., 2012 (68). Available at: http://www.merakname.com/novella-ve-cesitleri-nelerdir/_pdf. (accessed 03 January 2021).
16. Harmancı A. Kısa Kısa Öykü, Kısa Öykünün Nesi Olur? Hece Öykü: Öyküde sözcük Ekonomisi: Kısa kısa (Küçürek), 2007, no 19, Yıl 3. 190 s.
17. Harmancı M. Disiplinler ve Türler Arasında Kıp Kısa Öyküyü „Türkçe“ Tartışmak. Hece Öykü: Öyküde Sözcük Ekonomisi: Kısa kısa (Küçürek) Öykü: 1, 2007, Yıl:3, Sayı: 19. 180 s.
18. Şahin V., Korkmaz R., Deveci M. Türk Edebiyatında Yeni Bir Tür: Küçürek Öykü. Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. İstanbul, 2011. Volume 6/4. P. 973–976.

References

1. Amitov Ye. O. *Krasnaya Chalma. Povest i Rasskazy* [Red Turban. A Novel and Stories]. Baku: Gyandzhlik Publ., 1978. 157 p.
2. Karalezli A. *Arman Tash*. Tashkent: G' G'ulam Publ., 1984. 112 p.
3. Kirimov T. N. *Millet Dzhevherleri. Khrestomatiya*. Akmesdzhit: Kyrymdevokuvpedneshir Publ., 2012. 704 p.
4. Mefaev A. *Syonmegen Sevgi*. Tashkent: G' G'ulam Publ., 1970. 116 p.
5. Seferova F. A. *Jeticheskie Idealy Krymskotatarskoi Prozy 60-80 Gg. XX Veka* [Ethical Ideals of the Crimean Tatar Prose of 60-80 Years of 20th Century]. Simferopol: Dolya Publ., 2009. 208 p.
6. *Teoriya Literatury*: [Theory of Literature]. Ed. by N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. Vol. 1. *Teoriya Khudozhestvennogo Diskursa. Teoreticheskaya Pojetika* [The Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics]. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 512 p.
7. Khalizev V. E. *Teoriya Literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2004. 405 p.
8. Shukurdzhiev S. *Uchansuv Tamchylary. Kyska Ikyaeler*. Tashkent: G' G' G'ulam Publ., 1982. 112 p.
9. Yunus Sh. *Nazmiyetimiz Ve Nesirdzhilimiz Tarihinden*. Akmesdzhit: Tezis Publ., 2008. 175 s.
10. Yunusova L. S. *Krymskotatarskaya Literatura. Sbornik Proizvedenii Folkloru i Literatury Vv.* [Crimean Tatar Literature. Collection of Works of Folklore and Literature of the 18-20th Centuries]. Simferopol: Dolya Publ., 2002. 342 p.
11. Andaç F. 1960-2000 Yılına Öykücülüğümüze Genel Bakış. Dil Dergisi, 2000, s. 90.
12. Ayvaz Ü. Kısa Öykü Üzerine. Hece Öykü: Öyküde Sözcük Ekonomisi: Kısa kısa (Küçürek) Öykü, 2007, no 20, Yıl: 4, ss. 3–12.
13. Korkmaz R., Deveci M. Türk Edebiyatında Yeni Bir Tür: Küçürek Öykü. Ankara: Grafiker Yayınları, 2011. 170 s.
14. Pritchett V. S. Kısa Öykü Üstüne. Adam Öykü. İstanbul, 1998, Sayı: 15, ss. 4 – 10.
15. Taşdemir İ. Çağdaş Türk Öykücülüğünde Küçürek Öykü. Ankara: Hacettepe Ün., 2012 (68). Available at: http://www.merakname.com/novella-ve-cesitleri-nelerdir/_pdf. (accessed 03 January 2021).

16. Harmancı A. Kısa Kısa Öykü, Kısa Öykünün Nesi Olur? Hece Öykü: Öyküde sözcük Ekonomisi: Kısa kısa (Küçük), 2007, no 19, Yıl 3. 190 s.
17. Harmancı M. Disiplinler ve Türler Arasında Kıpkısa Öyküyü „Türkçe“ Tartışmak. Hece Öykü: Öyküde Sözcük Ekonomisi: Kısa kısa (Küçük) Öykü: 1, 2007, Yıl:3, Sayı: 19. 180 s.
18. Şahin V., Korkmaz R., Deveci M. Türk Edebiyatında Yeni Bir Tür: Küçük Öykü. Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. İstanbul, 2011. Volume 6/4. P. 973–976.

GENRE OF «VERY SHORT STORY» IN MODERN CRIMEAN TATAR LITERATURE

Dzhelilova L.

Summary. The world literary studies has the Chekhov story definition in relation to small literary genres. The form of such story is mainly determined not by the event (once occurred), but by the incompleteness of it, even if the story / narrative itself is already completed. The story is exactly where it begins.

The article deals with the genesis of a very short story genre in the literary tradition and its influence upon modern Crimean Tatar literature. The reasons for the emergence and popularity of the very short story (or lightning story) genre are explained by the influence of postmodern culture on the formation and gradation of the lightning story in modern Crimean Tatar literature, in its prose of the mid-twentieth century.

A number of general cultural and intraliterary processes of Crimean Tatar literature, taking place in the second half of the 20th century, led to a gradual increase in the number of prose miniatures. The convergence of verse form and prose's boundaries takes separate places among such processes. This is what prompted some authors to experiment with borderline and transitional forms of presentation. Many texts of the very short Crimean Tatar story can be described as prose poems. These very short stories were addressed to the mass reader of national newspapers and magazines.

It shows the appearance and development of the very short story genre on the Crimean Tatar periodical pages. The popularity of the genre is growing in the field of modern information technologies.

The research results of the article will be applied in the field of practical journalism and various types of blogging.

Keywords: very short story, story genre, lightning story, situational story, prose, story, lightning, Crimean Tatar literature, Turkish literature, crumpled story.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'373.21:556.5(477.61)

МИКРОГИДРОНИМЫ ЛУГАНСКОГО КРАЯ

Брайловская Ю. П.

*ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет
имени Владимира Дала»,
г. Луганск, ЛНР
E-mail: brajlovskaya@mail.ru*

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности и словообразовательные типы микрогидронимов Луганщины с целью выявления их общих названий и региональной специфики. Причиной наименований гидронимов, микрогидронимов послужили события, происходившие когда-то на территории Луганского края, впоследствии они были описаны в легендах. Неотъемлемой частью духовного и культурного достояния отдельного народа, региона считаются топонимические легенды, которые воздействуют на региональную лексику, влияют на идентификацию региона в социальном и культурном пространстве. Региональные топонимические сюжеты требуют тщательного анализа ввиду того, что являются неотъемлемым индикатором увековечения национальной памяти. Выявлено, что наравне с легендой существуют достоверные данные о происхождении наименований водных объектов, которые являются отпечатком реальной действительности, отображают в названии микрогидронимов их месторасположение, соседство, внешние особенности. Предложена лексико-семантическая классификация микрогидронимов Луганского края. Выделены тематические группы водных объектов, в которых обоснованы основные признаки и важнейшие лексико-семантические, словообразовательные характеристики. Определено, что микрогидронимы Луганского края сберегли в себе исторические события, имена первопоселенцев, быт, обычаи и традиции, что впоследствии отобразилось на названных водных объектах, географических наименованиях.

Ключевые слова: гидронимы, микрогидронимы Луганского края, родник, ручей, источник, колодец, тематическая классификация гидронимов, легенда, реалья.

ВВЕДЕНИЕ

Современная наука уделяет особое внимание вопросам топонимики – разделу ономастики, который изучает имена собственные, их происхождение, строение и развитие. Составными ономастики являются антропонимика, зоонимика, космонимика, гидронимика [10].

Гидронимия, как часть топонимии, активно изучалась и изучается в настоящее время. Существует описание гидронимии Кубани, Севера и северо-западной зоны России, Сибири, Урала, бассейна реки Волги. В этой области работают такие ученые, как И.А. Воробьева, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачёв, Е.С. Отин, Г.П. Смолицкая. Гидронимика Луганской области тесно связана с историей Луганского края: гидронимы отражают природно-географические, этнические и культурные особенности. Необходимо уделить

отдельное внимание составляющим гидронимов – микрогидронимам Луганщины, которые передают особенности истории и формирования менталитета жителей региона. Причиной наименований микрогидронимов Луганского края послужили события, произошедшие когда-то на этой территории и описанные в народных легендах. Наравне с легендой существуют реальные знания о происхождении какого-либо события. Легенды появляются тогда, когда реальные факты забываются. Топонимические легенды показывают особенности восприятия мира носителями региолекта.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение микрогидронимов данного региона проводилось опосредованно, специально этот пласт лексики никем не описан. Всестороннее изучение гидронимов Луганщины в семантическом, словообразовательном аспектах, выявление социолингвистических факторов, которыми обусловлены номинации гидронимов, способствует более полному и качественному описанию гидронимов Луганщины с целью наполнения лингвокраеведения новым содержанием.

Объект исследования – микрогидронимы Луганской области.

Предмет исследования – топонимические легенды.

Цель статьи – описание названий микрогидронимов Луганщины, которые имеют топонимические легенды, связанные со спецификой восприятия гидронимов в лингвокультуре региона. Цель исследования предполагает решение следующих задач:

- описать лексико-семантические группы микрогидронимов;
- выявить связанные с микрогидронимами легенды.

На сегодняшний день большой интерес вызывает история происхождения и значение географических названий. Они служат одним из источников, который используется в лингвистике, этнографии, истории, а также содержат важную историко-культурную информацию. В топонимике отражаются менталитет и восприятие людей, особенности освоения территории, природные реалии, этноязыковые и этнокультурные связующие и принципы их восприятия [1]. Важной частью лингвистических исследований в изучении топонимического материала является региональный подход. К сожалению, топонимика Луганского края не была комплексно изучена. Однако именно она определяет мировоззрение людей к окружающим их реалиям.

Легенды, как основной индикатор сохранения территориальной целостности и национальной памяти, компонент топонимических территориальных систем регионального уровня, оказывают влияние в социокультурном пространстве на идентификацию определенной территории [2].

По мнению О.Е. Афанасьева, топонимическая легенда является частью мифологического пространства, созданного людьми столетиями в попытках объяснить особенности различных природных явлений, те или иные топонимы. Они – неотделимая составляющая топонимии края, продукт творчества, культура народа. В связи с этим топонимические легенды необходимо исследовать методами топонимики, географической культуры и фольклористики одновременно [2, с. 75].

Топонимические легенды отображают особенности восприятия мира носителями региолекта, народную этимологию, которая в основном ложная. Однако легенда, являясь составляющей общезыковой картины мира, не может быть чем-то малозначительным. По словам А.В. Барандеева, народная этимология, будучи лингвистическим и психолингвистическим феноменом, является в то же время и феноменом культурно-историческим [3, с. 103]. Именно в легендах отражается мировоззрение местных жителей.

Слушая небольшие импровизированные рассказы, которые свободны по содержанию и форме, мы познаем интересные сведения о местной территории, вовлекаемся в действие, которое зачастую создано народным воображением, узнаем о своеобразии материальной и духовной культур, языка людей. Со временем данные о региональной лексике, местной топонимии, основой которых являются легенды, стираются из памяти местных жителей, подвергаются всяческим изменениям во время пересказа от одного человека к другому, обрастают дополнительными сведениями [2].

Как составная часть гидронимии, микрогидронимы Луганщины упомянуты в процессе исследования топонимов такими учеными, как В.А. Шевцова, В.И. Высоцкий, однако специальных работ, посвященных изучению микрогидронимов Луганского края, нет.

Формирование гидронимных наименований – процесс, который происходит в двух направлениях: естественное осмысление (простое переосмысление наименования) и искусственное осмысление (придумывание для водных объектов специальных наименований). В ходе описания диффузного региолекта В.И. Теркулов отмечает необходимость разграничения типов эквивалентной деривации по тому, каким образом происходит процесс создания новых номинативных единиц: семантической деривации и универбализации [7, с. 40]. Естественная номинация гидронимов может происходить двумя путями: семантическая деривация (специализация слова на наименование водного объекта: *водокачка, плотина, родник*); субстантивация, которая является разновидностью универбализации (пруд, находящийся около больницы > больничный пруд > Больничный).

Как правило, местные жители по-своему интерпретировали исторические названия топонимов. Практически с каждым микрогидронимом связано множество легенд, которые основаны на исторических фактах, а также связаны с определенными лицами. Сведения в легендах базируются и на достоверных фактах, которые исчезли из памяти народа либо подверглись изменению, обросли дополнительными данными. Причиной наименования микрогидронима могла послужить не только легенда, но и любая реалья, основанная на фактах, достоверных событиях [2].

Материалом исследования послужили данные, полученные путем анкетирования, которое было проведено среди жителей ЛНР. В анкетировании приняли участие 320 человек (210 женщин и 110 мужчин), возраст которых – от 18 до 70 лет, образовательный статус – среднее, специальное, неоконченное высшее, высшее образование. Реципиентам было предложено дать ответы на вопросы о водных объектах Луганского края.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из объектов топонимических легенд являются гидронимы, в частности – микрогидронимы.

Общепринятым является отнесение к микрогидронимам родников (синонимический ряд: *криница, источник, ключ*), ручьев, лиманов [10, с. 91].

Родник – естественный выход на земную поверхность подземных вод под водой (подводный источник) или на суше [10] (напр., родник Монашкин (С.)).

Источник – то же, что родник, – выход подземных вод на поверхность [10] (напр., источник Мойка (Кр. Л.)).

Ручей – небольшой временный или постоянный водоток, обычно шириной от нескольких дециметров до нескольких метров [10] (напр., ручьи Ваушинский, Луганчик (Луг)).

Лиман – залив в низовьях реки [10].

Общие принципы анализа микрогидронимов подпадают под систему принципов анализа гидронимов, но имеют свои особенности. За основу классификации водных объектов была взята классификация Н.К. Фролова, который выделил семь тематических групп, включающих то или иное количество мотивационных типов онимов и их систем. Исследователь предложил разграничивать несколько тематических групп, включающих то или иное количество мотивационных типов онимов, а также их систем: 1) наименования, отражающие объекты духовной и материальной культуры; 2) посессивные названия; 3) названия-ориентиры; 4) названия, характеризующие особые черты объекта (очертание, цвет, грунт и т.д.); 5) фитографические названия; 6) мемориальные названия; 7) окказиональные названия [8].

Нам представляется возможным классифицировать гидронимы по следующим тематическим группам:

1) Наименования, *отражающие объекты материальной и духовной культуры* (в данную группу отнесем микрогидронимы, связанные с местами, где проходили будни и праздники земляков):

– колодец Любви (Тр.). Издавна к колодцу приходили молодожены. Местные жители считают, что вода в колодце заговоренная. Существует легенда, которая гласит, что все семейные пары, которые выпьют из этого колодца, не разлюбят друг друга никогда. Мотивирующим гидронима послужило имя существительное в Р.п. любви → колодец любви;

– колодец Священный (Нов.). Когда-то в п. Рыбянцево была церковь, неподалеку находился колодец, в котором на праздник святили воду. Мотивирующим гидронима послужило субстантивированное прилагательное священный → Священный;

– источник Мойка (Кр. Л), в котором люди стирали белье и мыли посуду. Мотивирующим гидронима послужило существительное *мойка*, образованное от глагола *мыть*; ономатизация.

2) Посессивные наименования (в данную группу отнесем микрогидронимы, в состав которых входит притяжательный суффикс):

– колодец Попов (Антр.) – ближайший колодец по пути от церкви. Все религиозные праздники, связанные с водой, проходили возле этого колодца. Собравшись возле колодца в день праздника, местные жители говорили: «Сейчас будет идти поп». Отсюда и название колодца → Попов. Микрогидроним образован как притяжательное имя прилагательное от нарицательного существительного: поп + суффикс -ов- → Попов; аффиксация;

– колодец Оксанин. Местные жители рассказывают легенду о том, как юноша по имени Петр влюбился в простую девушку Оксану, которая об этом не знала. Пришел юноша к местной ведьме, которая посоветовала: «Пойди в полночь к колодцу и заговори воду. Три ночи не приходи к колодцу, а на четвертый – иди, там будет твоя Оксана». Случилось так, как сказала ведьма: Петр вылил заговоренную воду в колодец, а Оксана три ночи не спала, ходила к колодцу. На четвертую ночь встретила там Петра и полюбила его. С той поры называют колодец Оксанин (СЛ). Название колодца представляет собой

притяжательное прилагательное, образованное от имени собственного Оксана + суффикс -ин- → Оксанин; аффиксация;

– колодец Матвеев. Легенда гласит: очень давно на этой территории жила прекрасная девушка Ольга, которая носила воду из далекого колодца. Влюбился в нее молодой юноша Матвей. Ольга сказала ему: «Если хочешь, чтобы я была твоей, выкопай колодец возле моего двора». Матвей копал очень долго, а воды все не было. Однажды ночью, когда юноша уже потерял надежду, появилась вода в колодце, такая чистая, как любовь Матвея. Ольга выпила воду и влюбилась в парня (С). Название колодца представляет собой имя прилагательное притяжательное, образованное от имени собственного Матвей + суффикс -ев- → Матвеев; аффиксация;

– родник Монашкин (Рв.). Существует легенда о том, что неподалеку от родника находился маленький ухоженный дом, где жила одна верующая женщина. Местные жители называли ее монашкой. Никогда не слышали люди от нее нареканий и жалоб. Однако была у нее проблема – очень далеко нужно было ходить за водой. Со временем женщина состарилась и начала просить у Господа Бога помощи. Вскоре неподалеку от ее хатки начал пробиваться из земли родничок. Люди стали приходить к этому месту, так как верили в исцеляющую и чудодейственную силу этого родника. С тех пор родник стали называть Монашкин. Название представляет собой имя прилагательное притяжательное, образованное от имени нарицательного монашка + суффикс -ин- → Монашкин;

– *ручей Дерганов* (СЛ) неподалеку от места расположения микрогидронима находилось подворье Дергана. Название колодца представляет собой имя прилагательное притяжательное, образованное от имени собственного Дерган + суффикс -ов- → Дерганов; аффиксация;

3) *Названия-ориентир* (в данную группу отнесем микрогидронимы, связанные с направлением, местом расположения или хорошо заметными на местности неподвижными предметами, помогающими определять направление движения, находить цель):

Реальные события:

– *колодец Нижний* (Пер.) – расположен между двумя холмами на условном стыке Верхнего и Нового Зимогорья, что и послужило мотивом номинации – переход апеллятива-прилагательного в имя собственное → Нижний;

– *ручей Рыновое* (НА) – находится в районе с. Рынового. Название колодца представляет собой имя прилагательное, идентичное прилагательному, являющемуся названием села; трансонимизация;

– *источник Кибитка* (СЛ.). Неподалеку от источника долгое время находилось небольшое сооружение, которое называли кибиткой. Название колодца образовано путем перехода имени нарицательного в собственное кибитка → Кибитка; онимизация.

4. *Названия, характеризующие особые черты объекта* (в данную группу включим микрогидронимы, которые характеризуют размер, звук, очертание, цвет).

Реальные события:

а) размер:

– *колодец Великий* (Пер.) – глубина колодца 30 м, такой глубины не имеет ни один из колодцев на этой территории. Название колодца представляет собой прилагательное; метонимия;

б) звук:

– **родник Гремучий** (РВ.) – источник бьет в лесу, который местные жители называют Гремучий; трансонимизация;

– **ручей Глухой** (Кир.) – вода в ручье течет тихо, глухо. Наименование колодца представляет собой прилагательное; метонимия;

– **ручей Шумок** (Кир.) В течении ручья много камней, поэтому вода течет шумно; метонимия;

в) *очертания:*

– **ручей Бабыя Шейка** (Старю) – старое русло реки Айдар, напоминает форму женской шеи (такое же тонкое). По словам местных жителей, если заблудиться в районах старого русла реки Айдар, можно не выйти, потому что воды реки окружают тебя. Мотивирующим микрогидронимом послужили: имя прилагательное «бабыя» + существительное «шейка» → Бабыя Шейка (словосочетание); метафоризация;

– **колодец Лапоть** (СЛ) – по наименованию деревянного ковша, который по форме напоминал лапоть на длинной палке, привязанный к вороту; с помощью него пили воду из колодца. Название колодца представляет собой имя существительное лапоть → Лапоть; метафора;

в) *цвет, прозрачность:*

– **родник Чистый** (Св.) – ручей с чистой и прозрачной водой. Название родника – имя прилагательное чистый → Чистый.

– **источник Оконце** (Тр.) – вода в источнике чистая, смотришь в ручей, как в оконное стекло, и видно дно. Название колодца представляет собой имя существительное окно → оконце – суффиксальный способ, метафорическая номинация;

5. *Фотографические названия* (в данную группу отнесем микрогидронимы, связанные с растительной жизнью).

Реальные события:

– **родник Сосновый** (Св.). Сосновый течет в сосновом бору. Мотивирующим микрогидронимом послужило имя прилагательное, образованное суффиксальным способом от основы существительного: сосновый → Сосновый; субстантивация; метонимия.

– **ручей Вербы** (Ст.) – когда-то неподалеку от ручья росли вербы, стволы которых были 1,5 м в диаметре. Название колодца представляет собой имя существительное: вербы → Вербы; метонимия.

6. *Мемориальные названия* (в данную группу отнесем микрогидронимы, связанные с местами, где сохранена коллективная память о событиях, произошедших именно в данном месте):

– **родник Громовой** (Пер.) Местные жители рассказывают легенду о том, как один священнослужитель искал место для нового храма. После долгих поисков он наконец-то нашел подходящее место. Священник поставил деревянный крест в землю. В этот момент раздался гром, разряд молнии ударил возле креста – из земли начал пробиваться родник, который бьет и сегодня. Люди приходят и набирают отсюда воду. Мотивирующим гидронимом послужило прилагательное громовой (гром + суффикс -ов(ой)) → Громовой; субстантивация.

Реальные события:

– **колодец Смертельная Яма** (Кр.). В период войны фашисты сбрасывали в этот колодец местных жителей, которые боролись с немецкими захватчиками. Мотивирующим микрогидронимом послужило словосочетание: имя прилагательное

«смертельная» + существительное «яма» → Смертельная Яма; синтаксическая деривация.

ВЫВОДЫ

Таким образом, процесс создания микрогидронимов представляет собой семантическую деривацию, а также универбализацию, разновидностью которой является субстантивация. К продуктивным способам обогащения словаря микрогидронимов относятся также метафоризация и метонимия.

Название водных объектов Луганщины связаны с особенностями восприятия местными жителями их месторасположения, соседства, внешних особенностей. Происхождение наименований микрогидронимов чаще всего объясняют топонимические легенды, так как именно они отражают отношение людей к окружающей действительности. В процессе их анализа выявлено, что наравне с легендой существуют реальные знания о происхождении того или иного микрогидронима. Многие топонимические легенды водных объектов Луганского края основаны на реальных событиях, к которым можно отнести особыми чертами водных объектов. Это своего рода отпечаток реальной действительности, который нашел свое отображение как в микрогидронимах, так и в географических названиях.

К основным лексико-семантическим группам микрогидронимов Луганщины относятся наименования, отражающие объекты материальной и духовной культуры, посессивные наименования, названия-ориентиры, названия, характеризующие размер, звук, очертание, цвет объекта; фитографические и мемориальные названия.

Из приведенных выше номинаций наиболее древними являются названия, связанные с какими-либо событиями, произошедшими вблизи водного объекта и описанными в легендах данного региона.

Список литературы

1. Агеева, Р.А. Происхождение имен рек и озер [Текст] / Р.А. Агеева. – Москва : Наука, 1985. – 142 с.
2. Афанасьев, О.Е. Категория «легенда» в региональном топонимическом пространстве (на примере Днепропетровской области Украины) [Текст] / О.Е. Афанасьев // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № –17. – С. 67–77.
3. Барандеев, А.В. Народная этимология в русской топонимии [Текст] / А.В. Барандеев // Русский язык в школе. – 2014. – № 3. – С. 103–104.
4. Горбаневский, М.В. Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: русские ойконимы и православие [Текст] / М.В. Горбаневский // Топонимия и общество. – 1989. – № 1. – С. 11–34.
5. Кривошеев, А.А. Система наименований индоевропейских рек с начальных времен [Текст] / А.А. Кривошеев. – Ростов, 2011. – 384 с.
6. Отин, Е.А. Гидронимия Юго-Восточной Украины [Текст]: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е.А. Отин. – Киев, 1974. – 43 с.
7. Теркулов, В.И. Донецкий региолект: монография [Текст] / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева. – Донецк : Издательство "Фолиант", 2018. – 265 с.

8. Фролов, Н.К. Избранные работы по языкознанию. Топонимика и этнонимика [Текст] / Н.К. Фролов. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2005. – 520 с.
9. Цветкова, Е.В. Костромские топонимические легенды как источник сведений о топонимии и отражаемых ею реалиях [Текст] / Е.В. Цветкова // Язык и культура. – 2014. – № 3 (27). – 88–96.
10. Шевцова, В.А. Топонімія Луганщини: Матеріали до спецкурсу [Текст] / В.А. Шевцова. – Луганськ, 2000. – 118 с.

Условные обозначения

Антр. – Антрацит
 Луг. – Луганск
 Лут. – Лутугинский район
 Р. – г. Ровеньки
 С. – г. Стаханов
 Св – г. Свердловск
 СЛ – Славяносербский район

References

1. Ageeva R. A. *Proiskhozhdenie Imen Rek i Ozer* [The Origin of the Names of Rivers and Lakes]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 142 p.
2. Afanas'ev O.E., Trotsenko A.V. *Kategoriya Legenda v Regionalnom Toponimicheskoy Prostranstve (Na Primere Dnepropetrovskoy Oblasti Ukrainy)* [Category Legend in the Regional Toponymic Space]. *Pskovskii Regionologicheskii Zhurnal*, 2014, no 17. pp. 67–77.
3. Barandeev A.V. *Narodnaya Jetimologiya v Russkoy Toponimii* [Folk Etymology in Russian Toponymy]. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2014, no 3, pp. 103–104.
4. Gorbanevskii M.V. *Iz Opyta Kulturno-Istoricheskogo Analiza Toponimii Russkie Oikonimy i Pravoslaviye* [Russian Oikonyms and Orthodoxy]. *Toponimiya i Obshchestvo*, 1989, no 3, pp. 11–34.
5. Krivosheev A. *Sistema Naimenovaniy Indoevropeiskikh Rek s Nachalnykh Vremen* [The Naming System of Indo-European Rivers from the Beginning of History]. Rostov, 2011. 384 p.
6. Otin E.A. *Gidronimiya Yugo-Vostochnoy Ukrainy: Avtoref. Dis. ... D-ra Filol. Nauk* [Hydronymy of South-Eastern Ukraine. Abstract of Thesis]. Kiev, 1974.
7. Terkulov V.I. *Donetskii Regiolekt: Monografiya* [Donetsk Regiolect. A Monograph]. Donetsk: Foliant Publ, 2018. 265p.
8. Frolov N.K. *Izbrannyye Raboty Po Yazykoznaniiyu: V 2 T. T.2. Toponimika i Jetnonimika* [Selected Works on Linguistics]. Tyumen: TyumGU Publ., 2005. 520 p.
9. Tsvetkova E.V. *Kostromskie Toponimicheskie Legendy Kak Istochnik Svedenii o Toponimii i Otrazhaemykh Eyu Real'yakh* [Toponymic Legends Of Kostroma As A Source Of Information About Toponymy And Realities Reflected By It]. *Yazyk i Kultura*, 2014, no 3 (27), pp. 88–96.
10. Shevtsova V.A. *Toponimiya Luganshchiny: Materialy do Spetskursu* [Toponymy of Luhansk Region]. Lugansk, 2000. 118 p.

Symbols

Antr. – Antracit

Lug. – Lugansk

Lut. – Lutuginskij rajon

R. – g. Roven'ki

S. – g. Stahanov

Sverd – g. Sverdlovsk

SL – Slavjanoserbskij rajon

MICROHYDRONYMS OF THE LUGANSK REGION

Brajlovskaya Ju. P.

Summary. The article examines the lexical and semantic features and word-formation types of microhydronyms of the Luhansk region to identify their common names and regional specifics. The reason for the names of hydronyms, microhydronyms was the events that once occurred on the territory of Luhansk, later they were described in legends. Toponymic legends are considered an integral part of the spiritual and cultural heritage of an individual people, a region, which influences regional vocabulary, and identification of the region in the social and cultural space. Regional toponymic plots require careful analysis since they are integral indicators of the perpetuation of national memory. It was revealed that, along with the legend, there are reliable data on the origin of the names of water bodies, which are an imprint of reality, reflect their location, neighborhood, external features in the name of microhydronyms. The lexico-semantic classification of microhydronyms of the Lugansk region is proposed. Thematic groups of water bodies are identified, in which the main features and the most important lexico-semantic, word-formation characteristics are substantiated. It was determined that the microhydronyms of the Lugansk region preserved historical events, the names of the first settlers, everyday life, customs and traditions, which was subsequently reflected on geographical names.

Keywords: hydronyms, microhydronyms, spring, stream, source, well, thematic classification, legend, reality.

УДК 81-23

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЕБ-САЙТОВ КИТАЙСКИХ КОМПАНИЙ НА ПРЕДМЕТ ЛОКАЛИЗАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ БРЕНДА ХУАВЕЙ (华为)

Иксарова М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mary.ixarowa@yandex.ru

В статье рассматривается определение *локализация* с точки зрения пересечения различных дисциплин, проводится параллель с понятием перевод, выделяются отличительные особенности данных понятий. Объектом исследования является лингвокультурологический аспект локализации, а предметом – тактики, используемые брендом в процессе локализации. В качестве материала для исследования служат официальные веб-сайты компании Huawei (华为) на русском, английском и китайском языках. На базе сравнительно-описательного метода выявлены и проанализированы стратегии продвижения бренда, и выявлены особенности процесса локализации. На базе имеющихся результатов исследовательской работы выделяются ключевые тенденции продвижения бренда, объясняется различия в выборе стратегий локализации. Результаты исследования будут полезны для предпринимателей, чья деятельность связана с китайской лингвокультурой.

Ключевые слова: перевод, локализация, адаптация, продвижение бренда, маркетинговый перевод, стратегии продвижения, брендинг.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего стоит отметить актуальность вопроса «локализации», которая обуславливается наличием кардинальных несоответствий разных языковых культур и необходимостью изучения национальной исключительности целевой аудитории в целях благоприятного продвижения продукта в условиях непрерывно развивающейся глобализации.

На данный момент не существует единой трактовки термина «локализация», поскольку данное явление возникло сравнительно недавно. Изначально термин приравнивался к понятию перевода, однако, со временем каждый исследователь трактовал его по-своему, привнося в него новый смысл, тем самым дополняя и расширяя изначальное понятие.

Нидерландский исследователь Б. Есселинк предложил свое определение сущности локализации, как «процесса адаптации программного обеспечения или веб продукта» [16, с. 1], поскольку, помимо известной нам работы с текстом и визуальным наполнением, добавляются различные многоуровневые технические работы: многоязычная поддержка продукта, многоязычное управление проектами, разработка и тестирование программного обеспечения и ряд других процессов, существенно влияющих на изменения характера локализации [16].

Позднее М. Кронин в своем труде «Перевод и глобализация» обозначил факт того, что одной из востребованных услуг становится именно локализация, а не перевод, поскольку именно она отвечает за полную адаптацию всего продукта, а не только отдельно взятой текстовой части [15, с. 8].

В узком смысле локализацию можно рассматривать как «адекватную адаптацию продукта, контента или услуг к конкретно взятой культуре таким образом, чтобы это выглядело как целенаправленное создание продукта для конкретной целевой аудитории» [18].

Анализируя вышеприведенные трактовки, можно сделать вывод о том, что сутью процесса локализации является адаптация продукта (не обязательно материального) к определенной языковой среде, в этом случае можно говорить о языковой локализации. Как отмечает Е.В. Чистова, языковая локализация (от лат. *localis* – местный, *locus* – место) – это перевод и «культурная адаптация продукта к особенностям конкретного региона, страны или группы населения», где под «продуктом» подразумевается любой товар или услуга [12, с. 963].

Локализация – это часть сложного и комплексного процесса глобализации, которая является его второй ступенью и реализуется в рамках другого комплексного процесса – интернационализации. В отличие от перевода, перед осуществлением непосредственно локализации предполагается «тщательное и всестороннее изучение целевой культуры в целях осуществления адекватной адаптации продукта к потребностям отдельных рынков» [12].

Целью данной статьи является выявление, исследование и анализ стратегий локализации веб-сайта компании Huawei (华为) в контексте межъязыковой локализации с китайского языка на английский и русский.

В связи с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

- 1) исследовать тактики продвижения на российском, китайском и американском рынках на предмет наличия отличительных особенностей локализации веб-сайта и рекламных кампаний;
- 2) выяснить, осуществлялся ли перевод исходной версии веб-сайта компании или её локализация;
- 3) провести сопоставительный анализ визуального и текстового наполнения трех версий веб-сайта;
- 4) определить, существует ли тенденция калькирования исходного материала при переводе;
- 5) сформулировать механизм осуществления локализации.

В данной работе используются следующие методы исследования: метод контролируемого отбора данных, сравнительно-сопоставительный метод, метод контент-анализа, метод синтеза и обобщения, метод компонентного анализа, метод семантического описания, метод анкетирования, а также мультимодального дискурса-анализа.

Актуальность статьи заключается в том, что впервые осуществляется исследование стратегий локализации веб-сайтов китайских компаний, а также сопоставительный анализ исходной версии веб-сайта с адаптированными версиями на английском и русском языках. Работа носит междисциплинарный характер и выполнена в рамках межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, маркетинговой лингвистики, социологии и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также затрагивает изучение технических, культурологических и лингвистических особенностей локализации веб-сайтов китайских компаний на китайском, американском и российском рынках.

В качестве материала для исследования были выбраны официальные веб-сайты представительства компании Huawei (华为) в Китае, Америке и России.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Перед началом анализа веб-сайта компании стоит изучить ее название, которое транслируется на русский и английский языки в соответствии с пиньинем – системой отражения китайских звуков: huáwéi – Huawei – Huawei. Чтение названия на трех языках одинаково, а это значит, что не совершался пересмотр названия бренда, поскольку оригинальные звуки оказались подходящими для речевого аппарата целевой аудитории.

Рис. 1. Содержимое веб-сайтов компании huawei (华为)

Начиная анализ веб-сайтов компании, стоит отметить то, что версии всех трех сайтов в целом схожи: имеется слайдер-изображений (Slider), новостные ссылки, представлено меню сайта, а также рекламные кампании новых продуктов. Название компании на всех трех версиях веб-сайтов представлено латиницей, логотип и названия расположены в левом верхнем углу топ-бара (top-bar):

Рис. 2. Сравнение топ-баров меню сайта компании Huawei (华为)

Однако следует отметить, что контент китайской и американской версий веб-сайтов имеют сходство между собой: представлены одни и те же фотографии, одни и те же новостные статьи, см. рис. 3, 4:

Рис. 3. Новости и события китайской и американской версий веб-сайта компании Huawei (华为)

Рис. 4. Новости и события российской версии веб-сайта компании Huawei (华为)

Также следует отметить отличия в рекламных баннерах, представленных на главных страницах веб-сайтов, см. рис. 5:

Рис. 5. Рекламные баннеры на главных страницах китайской, американской и российской версиях веб-сайта компании Huawei (华为)

Следует отметить, что баннеры китайской и американской версий имеют сходства: на фоне баннера изображен лес, на фоне которого белым шрифтом представлено транслируемое объявление. В китайской версии это: «*用科技点亮东北虎豹回家路*», на русский язык можно транслитировать как: «*используя научно-технические достижения, покажем амурскому тигру дорогу домой*», а также «*通信网络、红外相机、AI, 科技助力濒危物种保护, 东北虎豹国家公园重现勃勃生机*» – «коммуникационная сеть (Интернет), инфракрасная камера, ИИ (искусственный интеллект), научно-технические достижения помогут защитить виды, находящиеся под угрозой исчезновения; национальный парк амурских тигров восстанавливает свое функционирование». В американской версии сайта представлен призыв к защите тропических лесов на острове Палаван: «*Protecting the Palawan Rainforest in the Philippines*» – «*Защита тропических лесов Палаван в Филиппинах*», «*Palawan - the "last ecological frontier" in the Philippines – has become the 11th ecosystem protected by Rainforest Guardians*» – «Палаван – это «последняя экологическая граница» на Филиппинах, которая стала 11-ой экосистемой, охраняемой Rainforest Guardians», где «Rainforest Guardians» – это социальный проект, призванный объединить людей с целью спасения флоры и фауны тропических лесов, а также обратить внимание на имеющиеся проблемы жителей

малочисленных племен. Из этого можно сделать вывод о том, что компания Huawei старается придерживаться существующим на данный момент социальным веяниям, присущим американской культуре, а на данный момент в США и странах Европы крайне популярны идеологические течения, связанные с защитой и охраной окружающей среды, планеты и природных ресурсов, которое носит название «Eco-friendly», а также его производные, например: «Eco-tourism», идеей которого является разумный или экологический туризм. В русскоязычной версии отражены современные социальные веяния КНР: объединенные усилия, сплоченная работа, а также использования научно-технических достижений для последующего развития и создания «собственных экосистем» – стремление к достижению обоюдной выгоды.

При изучении сайтов не возникло проблем с поиском информации, во всех трех версиях она находится на главной странице, однако отлично её визуальное оформление. В русскоязычной версии представлен заголовок «Корпоративная информация», подзаголовок «О компании Huawei», а также схематическое изображение земного шара голубого цвета с изображением следов от летящих по всему миру самолетов. Англоязычная и китайская версии имеют сходства и отличаются от русскоязычной версии: наличие одинаковых картинок (городской пейзаж с закатом), а также заголовки «Corporate introduction» – «Корпоративное представление» и «公司简介» – «О компании», соответственно.

Говоря о визуальных особенностях оформления стоит отметить, что цветовое решение сайтов неоднородно: китайская версия представлена красными, желтыми, голубыми, белыми, розовыми и синими цветами; американская – синими, голубыми, черными, белыми, бирюзовыми и серыми; российская – черными, темно-синими, фиолетовыми, голубыми и белыми цветами. При наглядном сравнении всех трех вариантов можно заметить, что азиатская версия является самой яркой из представленных.

Также следует отметить представленные фрагменты конференции, посвященной новым моделям технологии, с главным спикером – Кэнь Ху – председателем управления компании, представленные во всех трех версиях сайтов. Не менее важным является и то, что в американской версии на фотографиях изображены люди европейской внешности, в китайской преобладают граждане азиатской наружности, а в русскоязычной практически каждое изображение содержит в себе представителей европейской и азиатской культур, которые заняты совместной деятельностью (проведение конференции, участие в дебатах, снимки из лаборатории, церемония награждения, пожимание руки в знак сотрудничества и т. п.).

Во футере (footer – сквозной структурный элемент, расположенный в нижней части страниц) указаны адаптированные для каждого региона форма времени и контакты для связи: для Китая это «4008308300» и «周一至周日» - «с понедельника по воскресенье» для Америки – «USA. Hotline 8885482934», возможность отправить сообщение: «EMAIL SUPPORT» и время работы, зависящее от языка клиента: «English / Spanish: Mon - Sun 7am – 9pm (CST); French / Mandarin: Mon - Fri 7am – 9pm (CST); English / Spanish / French / Mandarin». Для России – «+7 (495) 234 0686» и «Рабочие дни: с 9-30 до 18-00 по московскому времени» соответственно, также отмечен язык для связи: «Язык: Русский».

Также следует отметить использование социальных сетей, актуальных для каждой из стран: в Китае это WeChat, WeiBo, 今日头条, 知乎, а также сервисы Baidoo; для

Америки – Facebook, Twitter, YouTube, Instagram; для России – Habr, VK, YouTube, Twitter, Facebook.

Отдельно следует отметить наличие в русскоязычной версии слогана, посвященного двадцатилетнему сотрудничеству с РФ: «Постоянное стремление к инновациям освещает путь в лучшее завтра», а также появление отдельной вкладки, в которой подробно представлены все достижения компании на российском рынке (в китайской и американской версиях нет ничего похожего).

На ряде примеров рассмотрим то, как проявляется локализация компаний на языковом уровне.

Таблица 1. Текст слогана компании Huawei (华为)

中文	English	Русский
让创造更有价值	Making innovation meaningful	Инновации – шаг в будущее

В китайскоязычной версии: «让创造更有**价值**», употребление единицы «价值» – «ценность, цена» – напрямую связано с одной из основополагающих китайских религий – с даосизмом, и поэтому напрямую рассматривается через призму религиозных установок, как представление всего сущего в этом мире, взаимосвязь человека, коллектива и всего живого – невероятно важная связь, где ценность коллективизма и всей природы рассматривается в широком её понимании. В англоязычной версии слоган отражает одно из ключевых стремлений американского человека, касающееся стремления наполнить свою жизнь смыслом, не прожив ее просто так: «Making innovation **meaningful**», где «*meaningful*» – «существенный, важный, значимый», а суффикс «-ful» транслирует посыл «полон чего-то»; «согласно протестантскому учению, человек, который хочет прожить жизнь достойно и нравственно может быть отмечен милостью Божьей <...> приоритетность трудовой мотивации, основанная на высокой ценности значимости рациональной пользы и достижений, опирается на то, что упорным трудом человек способен достичь любой поставленной им цели» [1]. В русскоязычной версии отражено стремление к развитию, созданию уникальных продуктов: «Инновации – **шаг в будущее**». «Не случайно говорят, что русские больше всего не любят работать на конвейере: невозможно проявить инициативу. Проявить смекалку – тоже наша потребность: придумать что-то свое в работе, сделать ее не так, как привычно. <...> За рубежом русских специалистов как раз и ценят за нестандартность решений» [1].

Таблица 2. Корпоративная информация компании Huawei (华为)

中文	English	Русский
心价值观：开放、合作、共赢 数字世界、智能世界的构建与落地需要整个生态的共同努力。 华为坚持打开边界，与世界握手，与合作伙伴一起建立“互生、共生、再生”的产业环境和共赢繁荣的商业生态体系，共同促进数字世界、智能世界的加速发展，让所有人受益更多	Core Value: Openness, Collaboration, and Shared Success Building a digital, intelligent world takes joint effort. To this end, Huawei believes in the power of dissolving boundaries and working together to build an ecosystem that thrives on shared success. By advancing the development of the digital world – and by extension, an intelligent world – we can bring the benefits of digital life to everyone.	Открытость, сотрудничество и совместное достижение успеха Ценность сетей определяется их открытостью и взаимосвязанностью. Сегодня мы ближе к миру коммуникаций без границ, чем когда-либо. В условиях цифровой экономики компании не могут создавать инновации изолированно друг от друга. Напротив, все участники отрасли и экосистемы должны объединить свои усилия для достижения совместного процветания.

Следует отметить, что заголовки всех трех версий калькированы и транслируют современные политические тенденции КНР: «心价值观：开放、合作、共赢», «CoreValue: Openness, Collaboration, andSharedSuccess» и «Открытость, сотрудничество и совместное достижение успеха». Затем происходит локализация ценностей под каждую аудиторию: в Китае – «数字世界、智能世界的构建与落地需要整个生态的共同努力»: ключевую роль играет дефиниция «生态» – на русский язык транслируемая как «экологическая среда», поэтому фраза приобретает глубокий философский смысл, корни которого уходят в одну из основополагающих и формирующих религий китайского народа – даосизм, ключевой принцип которого заключается во взаимосвязи человека и всей природы в целом, своеобразный «природный коллективизм» (где «природа» употребляется не в узком своем значении), ведущий к всеобщей и обоюдной гармонии – перенос ключевых ценностей на предпринимательство. Также следует отметить, что в китайской версии отчетливо прослеживаются ключевые политические и социальные направления развития КНР: «华为坚持打开边界，与世界握手，与合作伙伴一起建立“互生、共生、再生”的产业环境和共赢繁荣的商业生态体系，共同促进数字世界，智能世界的加速发展，让所有人受益更多», где «坚持打开边界» – это открытость всему миру, а также упорность и продолжение постоянной усердной работы, фиксируемое словом «坚

持» – «твердо придерживаться», а также явные коллективистские тенденции общества: «合作伙伴一起» – совместное сотрудничество, «共赢繁荣的商业生态体系» – взаимовыгодные процветающие торговые экосистемы, «共同促进» – содействие общими силами, «让所有人受益更多» – позволить всем, получить ещё большую выгоду. При этом происходит трансляция китайских ценностей другим культурам: «Buildingadigital, intelligentworldtakesjointeffort» – отражение идей коллективизма; и в России – «Ценность сетей определяется их открытостью и взаимосвязанностью» – также трансляция китайских ценностей открытости и взаимодействия.

Таблица 3. Текст рекламной кампании нового смартфона

中文	English	Русский
未来影像	Rewrite the Rules of Photography	Фотографируй по своим правилам

В китайской версии она представлена как «未来影像», что имеет глубокий смысл: Китай имеет богатую многовековую историю, которая на протяжении долгого времени фиксировалась выдающимися историками и писателями своего времени, одним из таких важнейших и значимых трудов является летопись «Чюньцю», созданная Конфуцием, и включающая в себя наиболее значимые и важные события определенного периода, на которые опирались императоры в своем правлении. Если говорить о 21 веке, то, обладая базовыми фоновыми знаниями о китайской истории и культуре, текст рекламной кампании: «未来影像» приобретает необычайно глубокую семантику: обращая внимание на прошлые ошибки и успехи, делая определенные выводы, необходимо переложить и реализовать данный опыт в будущем времени. В американской версии: «**Rewrite the Rules of Photography**» наглядно отражено непринятие феномена судьбы, так как они не верят в ее власть, «фаталист» – в американском контексте одно из худших определений, которое человек может получить: для них фаталист – это «ленивый человек, который не способен взять инициативу в свои руки для улучшения собственной жизни» [1, с. 118], это и отражается применяемой конструкцией: «*RewritetheRules*» – взять инициативу в свои руки. В русской версии: «Фотографируй по своим правилам» отчетливо прослеживаются начинающиеся изменения российского общества, обуславливающиеся переходом государства от авторитарного к демократическому типу и политической идеологией либерализма. «В российском государстве произошли некоторые позитивные политические изменения: начались процессы его демократизации, появилась гласность, определенные свободы слова, печати, совести и т. д.» [10, с. 12], что и отражается в локализации.

Таблица 4. Текст новогоднего обращения Го Пина на 2020 год

中文	English	Русский
不经艰难困苦，何来玉汝于成	Fire is the Test of Gold	Мы добьемся тех целей, которые поставили себе: открыть цифровые технологии каждому человеку, дому и организации для создания

----- 轮值董事长郭平 2019 年新年致辞	—A New Year's Message for 2019, Guo Ping, Rotating Chairman	полностью интеллектуального мира. Новогоднее обращение Го Пина, председателя совета директоров компании Huawei
---------------------------------	--	--

Китайская версия выглядит следующим образом: «**不经艰难困苦，何来玉汝于成**» – «не преодолев трудности и лишения, нельзя достичь успеха и стать сильным», «трудности закаляют человека». Китайский народ на протяжении длительного периода времени вел войну не только с иностранными захватчиками и иноземными завоевателями, но и с другими трудностями. Это оставило отпечаток на ментальности и жизненных убеждениях людей, а также легло в основу современной партийной идеологии: невозможно достигнуть успеха и стать великим народом, не пройдя через трудности и лишения, старание всех необходимо для общего блага в будущем. Говоря об англоязычной версии, «**Fire is the test of gold**», стоит упомянуть идеи К. Сторти, согласно которым для личности «нет ничего невозможного», американцы «верят в себя, не боятся проблем, не уклоняются от брошенного вызова, не испытывают ужасных волнений по поводу того, что что-то может пойти не так» [1, с. 28], что объясняет употребление конкретно указанной цитаты Сенеки, полная версия которой выглядит следующим образом: «*Fire is the test of gold; adversity, of strong men*» – «Золото пробуют огнем; сильного человека – невзгодами». Русскоязычное обращение самое длинное: «Мы добьемся тех целей, которые поставили себе: открыть цифровые технологии каждому человеку, дому и организации для создания полностью интеллектуального мира»; в нем отражено одно из современных стремлений, заключающееся в уходе от дефицитного времени, которое было крайне знакомо русскому народу во времена СССР, «*открыть технологии каждому человеку, дому*» – декларирование доступности товаров, предназначенного для широкого спектра пользователей.

Тактики продвижения на каждом рынке

Таким образом, анализируя вышеизложенную информацию, можно выделить следующие тактики продвижения компании Huawei (华为) в рассматриваемых странах. В Китае это:

- продвижение идей даосизма: ценность природы (в широком ее понимании), гармоничное сосуществование человека и природы – фемининная особенность китайской культуры – стремление к достижению гармонии;
- трансляция современных китайских политических ценностей: стремление к сотрудничеству, кооперации, открытости миру, достижению взаимной выгоды;
- продвижение значимости анализа и понимания предшествующих ошибок, а также построение будущего на базе имеющегося опыта;
- продвижение идей важности анализа предшествующих ошибок, а также построение будущего на базе имеющегося опыта (согласно исследованиям, проведенным Э. Холлом, Китай в культурной ориентации больше направлен на прошлое);

• трансляция одной из основополагающих социальных идеологий: становление успешной нации, достижение успеха и процветания всего народа возможно лишь через прохождение трудностей и лишений, которые закаляют характер;

Среди тактик продвижения компании Xiaomi (小米) в Америке можно выделить следующие особенности:

• трансляция китайских политических ценностей: «Core Value: Openness, Collaboration, and Shared Success», «joint effort», «thrives on shared success»;

• акцентирование значимости и важности отдельно взятой личности, а не всего коллектива;

• отражение стойкости и мужественности характера американского человека, стремления преодолеть преграды и трудности: «the power of dissolving boundaries» – «сила размыwania границ», «Fire is the test of gold; adversity, of strong men» – «Золото пробуют огнем; сильного человека – невзгодами» (полная фраза Сенеки, часть которой локализована в американской версии) – трансляция соперничающего коммуникативного стиля;

• отражение неприятия феномена судьбы, надежда только на свои силы: «Rewrite the Rules» – косвенное отражение соперничающего и доминирующего коммуникативного стиля, присущего американской лингвокультуре;

Среди тактик продвижения компании Xiaomi (小米) в России можно выделить следующие особенности:

• отражение коллективистских тенденций, стремление к объединению в группы: «быть как все», «действовать вместе и сообща» – осуществление коллективной презентации;

• трансляция китайских ценностей: «Открытость, сотрудничество и совместное достижение успеха», «достижение совместного процветания»;

Стоит отметить, что крайне активно происходит трансляция китайских ценностей, убеждений и взглядов не только в американской, но и в российской версии. Это проявляется как в визуальной составляющей (изображения, презентации и видеоматериалы, касающиеся успехов китайской команды, размещение их фотографий и т. п.), так и в трансляции корпоративной информации.

Также стоит отметить, что была осуществлена именно локализация исходной версии веб-сайта компании, а не его перевод на целевые языки, что обуславливается следующими факторами: отличиями в визуальном оформлении веб-сайта (использованы различные цвета, символы, шрифты, расположение иконок, контактная и адресная информация); отличиями в технической составляющей веб-сайта (например, привязка к региону и автоматическое перенаправление – локализация веб-сайта на техническом уровне); наличием отличных тактик продвижения компании в Китае, Америке и России (отличные по содержанию рекламные баннеры и кампании); наличием ошибок в локализации, а также использование разного текстового наполнения сайта (наиболее иллюстративный пример, приведенный в работе – локализация новогоднего обращения председателя компании).

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышеизложенную информацию, можно сделать вывод о том, что компанией была совершена непосредственно локализация исходной версии веб-сайта с китайского языка на английский и русский. Это проявляется на следующих уровнях

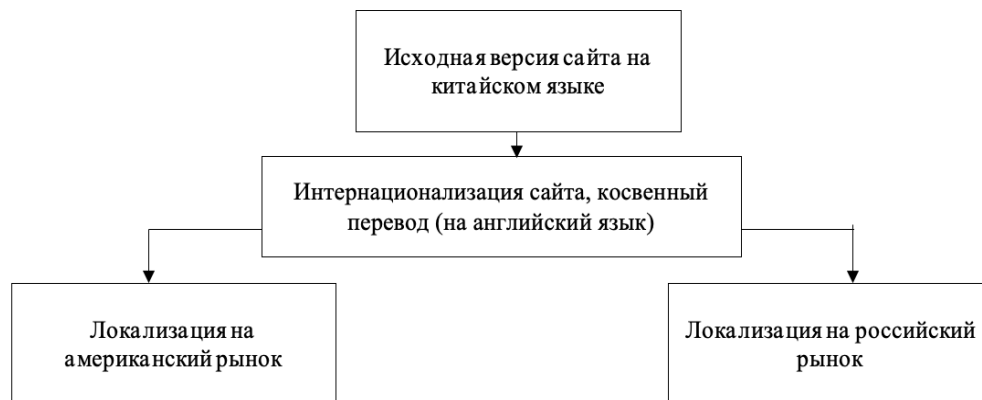
- на техническом уровне: шрифтов при оформлении веб-сайта, редирект (redirecting) – привязка веб-сайта к конкретному региону, которая автоматически считывается по IP адресу, различная локализация текста, логотипа, иконок, фото и видео материалов и т. д.;
- на культурологическом уровне: отличное цветовое решение веб-сайтов, разные рекламные кампании, использование явлений, понятных лишь целевой аудитории, формат даты и времени и т. д.;
- на лингвистическом уровне: соответствие лексическим и грамматическим нормам целевого языка (а также наличие ошибок в локализации на этом же уровне), адекватная транслитерация названия, аббревиатур и идеологий с исходного языка и т. д.

Также можно выделить ряд отличительных особенностей локализации веб-сайта компании Huawei (华为):

1. Соблюдении этапа интернационализации веб-сайта (избавление от всех региональных черт с целью последующей локализации), об этом свидетельствует факт того, что визуально и структурно все веб-сайты похожи.

2. Наличие ошибок локализации: использование англоязычной аббревиатуры AI (AugmentedIntelligence) в русскоязычной версии веб-сайта без сопроводительного или пояснительного контекста.

3. В ходе анализа также была сформулирована схема реализации локализации компании Huawei (华为):

4. Создание специальных рекламных кампаний и баннеров для американской версии веб-сайта компании, посвященных идеологическому течению «Eco-friendly» (его главной идеей является защита окружающей среды, природных ресурсов, а также многообразия флоры и фауны нашей планеты), которое на данный момент набрало большую популярность в англоговорящих странах. Данное явление можно объяснить

тем, что китайские компании стремятся завоевать большее уважение среди представителей американской лингвокультурной общности.

Таким образом, результаты исследования, с одной стороны, способствуют развитию локализации, как научного направления. С другой стороны, они носят прикладной характер, поскольку в исследовании представлены ключевые моменты локализации веб-сайта, которые позволят российским предпринимателям, локализаторам веб-сайтов и специалистам программного обеспечения взглянуть на официальный сайт компании, как на одну из форм осуществления кросс-культурного взаимодействия, что положительно скажется на принятии компании и её продукта целевой аудиторией.

Список литературы

1. Андреева И. В. Русские и американцы: отношение к работе, достижениям, успеху // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2009. Вып. 3. С. 1–17.
2. Гирняк Е. М. Лингвокогнитивный анализ рекламных текстов: сопоставительный аспект (на материале китайской и русской рекламы) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1. С. 33–34.
3. Каверзин С.А. Сущность международного маркетинга и его роль в развитии предпринимательства // Вестник Северо-Кавказского технического университета. №1. 2010. С. 135-138.
4. Келеман Л.А. К вопросу о соотношении понятий “интернационализация” и “глобализация” // KANT. 2013. Вып. 2. С. 82–83.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. Шк. 1990. 253 с.
6. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», 2006. 393 с.
7. Малёнова Е.Д. Креативные практики в переводе [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/71369> (дата обращения: 10.05.2020).
8. Медведева Е. В. Рекламный текст как переводческая проблема [Электронный ресурс]. 2003. URL: <https://kurs.znate.ru/docs/index-202263.html> (дата обращения: 05.06.2020)
9. Ромашов И. П. Лингвистический анализ бренд-коммуникации // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 80-93.
10. Сабирова Л. А. Роль политического фактора в формировании и развитии характера русского человека [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://clck.ru/P8zzL> (дата обращения: 03.15.2020).
11. Сухарева Е. Е., Шурлина О.В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://clck.ru/P92XN> (дата обращения: 13.02.2020).
12. Чистова Е. В. Когнитивные техники транскреации брендируемого контента: научное издание // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 963–967.
13. Collins R. W. Software Localization for Internet Software: Issues and Methods // IEEE Software. 2002. 19 (2). P. 74–80.
14. Cronin M. Translation and Globalization. London: Routledge, 2003. 298 p.
15. Esselink B. A practical guide to localization. John Benjamins Publishing, 2000. 498 p.

16. LISA. Localisation Industry Standards Association [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/P93Ng> (дата обращения: 20.12.2019).
17. Localization [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://clck.ru/P93QY> (дата обращения: 12.11.2019).
18. Thomas W. Comparing Tools Used in Software Localization [Электронный ресурс]. 2002. URL: <https://clck.ru/P93i6> (дата обращения: 08.11.2019).
19. Waters M. Globalization: Key Ideas. Routledge, 2013. 268 p.
20. 王薇薇, «语言与跨文化交际», 硕士论文, 北京市, 首都师范大学, 2003, 57 页. (Ван Вэйвэй, «Язык и межкультурная коммуникация»).

References

1. Andreeva I. V. *Russians and Americans: Attitude to Work, Achievements, Success* // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East, 2009, pp. 1–17.
2. Girnyak E. M. *Linguo-cognitive analysis of advertising texts: a comparative aspect (based on Chinese and Russian advertising)* // Bulletin of Perm University. 2011, pp. 33–34.
3. Kaverzin S. A. *The essence of international marketing and its role in the development of entrepreneurship* // Bulletin of the North Caucasus Technical University. 2010, pp. 135–138.
4. Keleman L. A. *On the question of the relationship between the concepts of "internationalization" and "globalization"* // KANT. 2013, pp. 82–83.
5. Komissarov V.N. *Translation theory (linguistic aspects)*. M.: Higher School of Economy 1990. 253 p.
6. Kulikova L. V. *Communicative style in the intercultural paradigm*. Krasnoyarsk: GOU VPO Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva ", 2006. 393 p.
7. Malenova E. D. *Creative practices in translation*. 2018. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/71369>.
8. Medvedeva E. V. *Advertising text as a translation problem*. 2003. URL: <https://kurs.znate.ru/docs/index-202263.html>.
9. Romashov I. P. *Linguistic analysis of brand communication* // Scientific dialogue. 2016, 6 (54), pp. 80–93.
10. Sabirova L. A. *The role of the political factor in the formation and development of the character of the Russian person*. 2011. URL: <https://clck.ru/P8zzL>.
11. Sukhareva E. E., Shurlina O.V. *Site localization as a form of intercultural communication*. 2013. URL: <https://clck.ru/P92XN>.
12. Chistova E. V. *Cognitive techniques of branded content transcreation: scientific publication* // Cognitive studies of language. 2019, pp. 963–967.
13. Collins R. W. *Software Localization for Internet Software: Issues and Methods* // IEEE Software. 2002, 19 (2), pp. 74–80.
14. Cronin M. *Translation and Globalization*. London: Routledge, 2003. 298 p.
15. Esselink B. *A practical guide to localization*. John Benjamins Publishing, 2000. 498 p.
16. LISA. Localisation Industry Standards Association. 2019. URL: <https://clck.ru/P93Ng>.
17. Localization. 2018. URL: <https://clck.ru/P93QY>.
18. Thomas W. *Comparing Tools Used in Software Localization*. 2002. URL: <https://clck.ru/P93i6>.
19. Waters M. *Globalization: Key Ideas*. Routledge, 2013. 268 p.

20. 王薇薇, «语言与跨文化交际», 硕士论文, 北京市, 首都师范大学, 2003, 57 页 (Wang Weiwei. 2000. "Language and Intercultural Communication". 57 p.).

EXPERIENCE IN LOCALIZING OFFICIAL WEBSITES OF CHINESE COMPANIES ON THE EXAMPLE OF THE BRAND HUAWEI (华为)

Iksarova M. V.

Summary. This article examines the definition of localization from the point of view of the intersection of various disciplines, and also draws a parallel with the concept of translation, highlights the distinctive features of these concepts. The object of the research is the linguocultural aspect of localization, and the subject is the tactics used by the brand in the process of localization. The research material is the official websites of Huawei (华为) in Russian, English and Chinese. On the basis of the comparative-descriptive method, strategies for brand promotion are identified and analyzed, and the features of the localization process are revealed. Based on the available research results, the key trends in brand promotion are highlighted, and the differences in the choice of localization strategies are explained. The research results will be useful for entrepreneurs whose activities are tied to work with the Chinese linguistic culture.

Keywords: localization, translation, adaptation, brand promotion, marketing translation, promotion strategies.

УДК 81'23

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УСЛОВИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭВФЕМИИ

Логвина С. А.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: svet.logvina@mail.ru*

При рассмотрении вопросов порождения и функционирования феномена эвфемии в сложном конгломерате взаимодействий психологического, социального и лингвистического аспектов до недавних пор редуцировалась (почти не освещалась) значимость психолингвистического (через призму эволюционной биологии) аспекта. Революционное открытие систем зеркальных нейронов позволило сместить исследовательскую перспективу соотношения «эвфемизм – социум» на отношение «эвфемизм – биология» и в рамках психобиологического поворота определить новый статус явления эвфемии. Система зеркальных нейронов является биологическим триггером, автоматически запускающим интенциональный механизм эвфемии, который позволяет спрогнозировать цепочку последующих действий (не только внешние стимулы, вызванные действиями других, но и собственные реакции действия) за счет многоходового планирования и выбрать удачный, с точки зрения Говорящего, языковой алгоритм. Данная статья рассматривает традиционные и новые, существенно изменившиеся, обстоятельства генезиса и эволюции эвфемии, с которыми невозможно не считаться при дальнейших исследованиях данного феномена. Автор полагает, что исследование эвфемии через призму зеркальных систем откроет перспективу понимания флуктуации смыслов и значений в досемиотическом «семантическом вакууме», а также семиотического осмысления эвфемии путем синкретического соединения индивидуального и коллективного, когнитивного и бессознательного, исторически заданного и эпистемологически предвиденного. Эвфемизм оказывается не только элементом социальной детерминации, но и прогностическим феноменом – результатом «предвидения», без которого невозможны ни эффективная социальная адаптация и интеграция, в том числе и в стремительно меняющихся социальных условиях, ни развитие социально-этических процессов, которые обеспечивают эволюцию культуры.

Ключевые слова: эвфемия, система зеркальных нейронов, карта сознания Другого, эвфемистическая номинация, социальное взаимодействие.

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве научных работ по исследованию феномена эвфемии, делая акцент на антропоцентричности этого явления, авторы преимущественно выделяют социальные факторы как основополагающие и обеспечивающие коммуникацию, а, следовательно, и инициирующие появление эвфемизма [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14 и др.]. Однако открытие нейробиолога Ричцоллатти позволяет говорить о биологической природе «социального» в человеке и подтверждает предположение о том, что такое явление, как эвфемия, обусловлено, в первую очередь, биологическими факторами (свойствами психики индивида), связанными с работой мозга, а лишь затем детерминируется социальными факторами, такими как, например, нормы поведения, принятые в обществе. До недавнего времени такие рассуждения могли носить лишь теоретический характер, поскольку их описательная база основывалась только на гипотетических предположениях, в то время как вся точная современная наука построена на количественно-статистическом методе.

Однако в 1992 году, исследуя премоторную кору головного мозга обезьян, известный итальянский нейрофизиолог Джакомо Риццолатти обнаружил «зеркальные нейроны». Это открытие М. Арбибом и Г. Риццолатти «зеркальных систем мозга» [18; 19; 22] послужило толчком для выявления зеркальной нейронной системы у людей и, по мнению мировых ученых, является одним из крупнейших открытий конца XX века. Несмотря на то, что некоторые положения гипотезы о зеркальных нейронах были восприняты весьма критично, сторонники этой теории предрекают ей большой научный потенциал. Весьма значимую роль, по нашему мнению, это открытие может сыграть при рассмотрении и детализации такого речевого феномена, как эвфемия, которая регулируется социальными рамками, но, как нам представляется, не инициируется ими.

Ученые, в рамках теории о зеркальных нейронах, определяют зависимость действия от образа действия, которое формируется у наблюдателя при прогнозировании цепи последующих действий (здесь действие рассматривается как структурная единица любой деятельности: слова, жесты, вздохи и т.д.), а именно, интенциональный горизонт действий Другого. Джакомо Риццолатти утверждает, что зеркальные нейроны реагируют только на преднамеренную активность, с предсказуемой последовательностью действий или определенной целью. Опираясь на прошлый опыт, зеркальные нейроны способны «вычислить» намерение собеседника еще до осуществления самого действия [12, с. 114–123]. Полагаем, такая «вычислительная способность» системы зеркальных нейронов, акцентирует внимание на предугадывании и распознавании чувств и намерений собеседника, что дает рациональное основание Говорящему преобразовывать (смягчать) последующие высказывания в случае выявления возможного угрожающего или нежелательного хода коммуникации. Используя вербальную эвфимию, определенным образом кодируя негативный денотат, Говорящий предупреждает нежелательный исход общения, тем самым «защищает» себя от неприятной реальности, чем повышает свои шансы на успешную адаптацию и коммуникацию.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя коммуникативные риски, индивид подвергает расшифровке и прогнозу как базовое, так и расширенное поведенческое намерение Другого, тем самым эмулирует карту Другого, используя сенсорную информацию как инструмент качественного анализа. В рамках эмуляции чужого сознания индивид формирует так называемую карту как субъективное представление об организации и функционировании субъекта (Другого). Мы используем здесь термин «эмуляция» для обозначения имитации ощущений и чувств Другого, средствами психики самого индивида. Эмуляция психического состояния Другого бенефициально дает возможность индивиду спрогнозировать ментальные состояния Другого, побуждающие его к действиям. Американский ученый Д. Сигел предполагает существование: я-карты, которая помогает индивиду анализировать свое собственное сознание, эмоции и переживания; ты-карты, которая позволяет эмулировать сознание другого индивида (без которой происходило бы лишь наблюдение за поведением Другого/Других, то есть активация физического аспекта реальности, лишенная субъективной эмоциональной подоплеки). Автор также

предполагает существование мы-карты как фиксированной проекции взаимоотношений¹ [23, с. 65].

Исходя из вышесказанного и продолжая мысль Т.В. Черниговской о том, что система зеркальных нейронов дает возможность «ментально встать на позицию другого человека (понять, что он о вас думает, и др.)» [16, с. 398], что, в свою очередь, и является «основой коммуникации и, соответственно, социума», считаем правомерным сделать предположение о том, что система зеркальных нейронов является биологическим триггером, автоматически запускающим внутренний интенциональный механизм эвфемии, направленный на селекцию, а затем и на речевую, и не только, экстериоризацию внутренних состояний. Составляя «ментальную карту» Другого/Других, индивид может предвидеть возможность возникновения опасности или дискомфорта и принять превентивные вербальные меры, нацеленные на сохранение комфортного общения. Продолжая данный тезис, можем предположить, что эвфемия – это биологически целесообразный механизм, средство, необходимое для выживания индивида, которое в процессе биологической эволюции закрепилось на уровне подсознания, в глубинных структурах мозга, и может считаться инстинктивной способностью индивида.

Полагаем, что уникальная способность ментально «проиграть» предполагаемый коммуникативный акт в нескольких лицах (сыграть свою партию и партию партнера, посмотрев на ситуацию с позиции Другого, меняя социальные роли в зависимости от ситуации, оценивая риски) побуждает индивида к поиску удовлетворяющих *ad hoc* условий лингвистических и экстралингвистических средств овнешнения эвфемистического кода. Создание виртуальной карты Другого позволяет смоделировать интенциональный горизонт действий оппонента, спрогнозировать цепочку последующих действий за счет многоходового планирования и выбрать соответствующий, с точки зрения Говорящего, вариант – эвфемизм (удачный языковой алгоритм), который будет способствовать поддержанию комфортной коммуникации, что лежит в основе прагматического аспекта эвфемии, а также является доминантой социального общения и результатом успешной адаптации индивида. Например, собираясь на собеседование по трудоустройству на работу, индивид заранее «проигрывает» предполагаемые вопросы и ответы собеседника, что помогает ему при составлении «виртуальной карты» оппонента; впоследствии, опираясь на эту карту, индивид совершенствует свою презентацию, «эвфемизируя» недостатки своей биографии или трудовой деятельности.

Ученые-неврологи уверены, что только способность эмулировать чужое сознание делает человека социально адаптируемым, а индивиды с нарушениями функционала зеркальных систем не могут резонировать с другими, эмулировать сознание Другого, что лишает их возможности прогнозировать действия Другого/Других. Соответственно, дисфункция зеркальных систем отражается на эмоциональной отзывчивости индивида на переживания Другого, что проявляется и на лингвистическом уровне деятельности индивида, а именно, отсутствием в его лексиконе «выражений с высоким индексом образности (в основе которых лежит метафорический перенос)» [1; 2; 4], которые, в свою

¹ Создание с помощью индивидуальных психических особенностей карт субъектов (а именно акцентов, попадающих в объектив внимания), находящихся с индивидом в социальных взаимодействиях, меняет физическое строение мозга, стимулируя мозг к появлению важных новых нейронных связей. Нейронаука поддерживает идею о том, что рефлексивные навыки активируют те самые цепи, которые создают впоследствии у индивида ощущение надежности и благополучия и участвуют в формировании сочувствия и сострадания.

очередь, являются структурными элементами таких социально важных явлений, как эмпатия, вежливость, тактичность и т.д. и обеспечивают социализацию индивида. В рамках данной темы важными считаем исследования М. Якобони с аутичными детьми, которые при разглядывании и имитации лиц, выражающих эмоции, продемонстрировали гораздо меньшую активность в зеркально-нейронных областях по сравнению с типично развивающимися детьми, показав отчетливую корреляцию между уровнем этой активности и серьезностью заболевания: чем хуже состояние ребенка, тем ниже активность. Эти исследования послужили основанием для последующих выводов о том, что дисфункция зеркальных нейронов является определяющим фактором для социальных нарушений при аутизме [17, с. 168]. Продолжая это суждение, можем предположить, что индивид, который имеет повреждения систем зеркальных нейронов (генетические или вследствие травм), лишен способности к абстрактному анализу более высокого порядка [4, с. 86] (когда смысл символа не поддается однозначной интерпретации за счет нарушения видимой логики и отсылания к иной логике трансцендентного и несказанного), и, соответственно, не использует эвфемистический код языка, в основе которого лежит абстрактное мышление и образность.

Дж. Риццоллатти и К. Синигальи убеждены, что мгновенное понимание эмоций Другого является результатом «разделения эмоционального состояния другого на уровне висцеромоторных реакций» [12, с. 114–163] и происходит автоматически, не требуя осознанности или какого-либо усилия со стороны индивида. Само название «зеркальные нейронные системы» предполагает отображение (повторение) действий Другого, тем не менее, функционирование этих систем заключается именно в «предсказании» дальнейших действий Другого. Такое «предсказание» и дает возможность индивиду предвидеть дискомфорт в предстоящем коммуникативном акте и, предвосхищая реакцию Другого, подобрать приемлемое для овнешнения альтернативное высказывание (эвфемизм), которое в меньшей степени осложнит коммуникацию. Примером такого «предсказания» и последующего «уравновешивания коммуникации» (за счет эвфемистической номинации) может выступать использование врачом-кардиологом при общении с пациентами, имеющими *«сердечную недостаточность»*, не прямых медицинских терминов, которые могут спровоцировать тревогу, депрессию, панику и, как следствие, ухудшение состояния больного, а эвфемистических замен прямого термина *«heart failure»*, к которым можно отнести следующие выражения: *Hear tstrain; «Your heart is not pumping properly; <...>Your hear tis a bit weaker than it used to be; <...>Your heart is not working efficiently; <...>Your heart, which is a pump, is not working as wel las it should, causing back pressure on the lungs; <...>You have fluid on your lungs, as your heart is not pumping hard enough; <...>Your heart is not strong enough; <...>Your heart is not as strong as it used to be* [24, с. 321]». Исходя из эмоционального состояния каждого индивидуального пациента (особого внимания заслуживают пациенты, склонные к отрицательному эмоциональному отклику) и, предвосхищая возможную реакцию, Говорящий (врач) прибегает к эвфемизмам, чем стабилизирует (улучшает) эмоциональный фон восприятия своей речи собеседником (пациентом).

Стоит оговориться, однако, что в последнее время все чаще и чаще звучат критические замечания относительно использования эвфемизмов именно в сфере здравоохранения [20, с. 1074; 21, с. 373]. Считая эвфемизмы лингвистическими компонентами коммуникативного поведения врача, Национальная медицинская

академия США¹, относит их к группе лексических приемов, провоцирующих некорректную вербальную форму взаимодействия между врачом и пациентом (двусмысленность, хеджирование) [20, с. 1074], по причине заниженной эпистемологической позиции по отношению к утверждению.

Эмпирически (при помощи и электрофизиологических, и томографических исследований) доказано, что понимание окружающей среды на уровне зеркальных нейронов происходит раньше, чем опосредование этого же явления концептуальными или вербальными средствами [12, с. 114–163].

В рамках нашей работы можем предположить, что в основе эвфемии лежит хорошо обработанная на входе, в значительной степени не осознаваемая информация, которая обеспечивает создание «модели внешнего мира» и «карты Другого», на которые «опирается» Говорящий при создании и овнешнении эвфемизма. При этом важно отметить пропорциональную зависимость качества эвфемистического субститута, т.е. его прагматического эффекта, от внимательности к деталям, которая аккомпанируется субъективным опытом Говорящего. Чем внимательнее и «опытнее» Говорящий, тем больше деталей будет учтено и тем точнее будет «проигран» предполагаемый коммуникативный акт, что, в свою очередь, отразится на успешности реализации эвфемистического потенциала. Любое вербальное сообщение является предметом множества интерпретаций, которые находятся за пределами мыслительных намерений автора и сопровождаются экстралингвистическими элементами, такими как: на просодическом уровне, на кинетическом уровне; на проксемическом уровне (организация пространства).

Важно добавить, что, прогнозируя деятельность Другого, индивид может испытывать озадаченность или даже ошибаться, поскольку структура информационного сюжета меняется одновременно с авторским подходом к факту и тогда ход коммуникативного акта становится непредсказуемым, что усложняет коммуникацию и «последующую референцию в вербальной интеракции продуцента и реципиента» [1, с. 142]. Вместе с тем заметим, что значительно большую роль, чем внимание и психофизиологическая спецификация, в процессе эмуляции карты Другого играет субъективный опыт, являясь базовым компонентом любой активности индивида.

Смоделированное индивидом предполагаемое внутреннее (эмоциональное) состояние Другого (карта) имеет субъективный характер, поскольку активность системы зеркальных нейронов опирается на присущий каждому индивиду отдельный и уникальный репертуар собственных действий и переживаний. Формирование в мозге

¹ При весьма положительном теоретическом «анамнезе» эвфемии в целом, поскольку эвфемизм косвенно (имплицитно) номинирует денотат с помощью позитивных ассоциаций (определенного мыслительного образа в сознании коммуникантов), использование эвфемистических субститутов в ходе клинических встреч носит противоречивый характер, так как не всегда способствуют достижению цели, а именно, пониманию пациентом реального состояния его здоровья и прогноза болезни. Например: «Andseewhereelse, youknow, whatelsetheycoulddotryto, youknow, improveyourchances». Такая формулировка может потенциально привести пациента в замешательство, говоря о «шансах» онколог дает «надежду», оставляя неясной перспективу избавления от рака. Эвфемия как частный случай философской концепции «забота о себе» в языковом поле реализовывает гуманистические базовые установки путем холистического стремления к «защите», руководствуясь принципом «не навреди», и представляет собой альтернативную нежелательной вербальную форму. Выбор соответствующего случаю эвфемизма должен основываться на профессиональном опыте врача и клиническом состоянии пациента.

наблюдателя репрезентации действия, производимого Другим, и описание этого действия в терминах собственного моторного акта наблюдателя (моторное знание о собственных действиях по мнению Дж. Ризцоллатти, является необходимым и в то же время достаточным условием незамедлительного понимания действий Другого.

Из этого можем сделать вывод, что овнешнение эвфемистического кода индивида происходит в терминах эмоциональных переживаний и состояний самого индивида, равно как и распознавание действий и намерений Другого опирается прежде всего на собственный поведенческий репертуар, а это значит, что эвфемизмы индивид создает сам для себя, используя метод прогнозирования «как если бы» он был на месте Другого, что позволяет мгновенно уловить эмоциональное состояние и спрогнозировать цепочку дальнейших событий и реакций, которые моментально регистрируются и распознаются. Понимание действий Другого в данном контексте не предполагает какой-либо осмысленной рефлексии, особенно в отношении коммуникативных действий, но существенно зависит от «стереотипности речевого поведения» индивида» [3, с. 46] и в значительной степени определяется индивидуальным жизненным и лингвистическим опытом.

Когнитивная способность индивида обрабатывать и моментально кодировать воспринимаемые мимику и жесты Другого/Других способствует формированию ментального субстрата, как основу для эвфемистических трансформаций, которые на различных уровнях и различными путями регулируют и направляют поведение индивида, его взаимоотношение с Другим/Другими, что, в свою очередь, облегчает ориентировку в социуме. Исходя из того, что функционирование зеркальных систем запускается автоматически и в значительной степени не осознается и не контролируется индивидом, полагаем, что эвфемия как интенция, возникшая в результате обработки информационного субстрата, запускается также автоматически, а сам индивид приступает к активному сознательному участию лишь в момент вербализации. В рамках каждого коммуникативного акта индивид приписывает Другому/Другим – более или менее осознанно – убеждения, желания, ожидания, намерения и т. д., виртуально симулируя реальность, адаптируя взгляды Другого, что в значительной мере определяет социализацию индивида и всецело зависит от его способности корректно прогнозировать горизонт действий собеседника, и руководствуясь результатами этих прогнозов, создавать климат коммуникации, подстраиваясь под собеседника, продуцировать эвфемистические выражения. Важно отметить, что, приписывая Другому убеждения и взгляды и при виртуальном «проигрывании» номинируя их, индивид проецирует, прежде всего, свое отношение к обсуждаемым явлениям, поскольку номинация «формирует определенным образом наше отношение к тому, что стоит за этим обозначением» [11, с. 25], что еще раз подчеркивает субъективный характер эвфемистической номинации как особого типа семантического варьирования. Так, общаясь с пациентом через призму своих профессиональных знаний в области диагностирования сердечной недостаточности, врач «приписывает» больному страх от осознания опасностей этого диагноза (которого пациент, скорее всего, не имеет, не обладая такими углубленными и обширными знаниями), использует эвфемистическую номинацию, компрометируя при этом «открытость» и «прямолинейность» врачебного поведения ради обеспечения более высокого уровня защиты эмоционального состояния пациента.

Принимая во внимание факт, что до конца все функции зеркальных нейронных систем еще не раскрыты, основной, по мнению Дж. Ризцоллатти, функцией зеркальных

систем является «понимание значения действий других» [12, с. 115]. Такое понимание, по нашему мнению, составляет биологическую основу адаптации и взаимодействия индивида с окружающей средой, а также дает поведенческое преимущество индивиду, который планирует свои действия с опорой на представление о сознании и состоянии Другого. Способность планировать, предвидеть, выделять конечные и промежуточные цели за счет реконструкции намерений других также дает возможность индивиду манипулировать окружающими, для чего может быть использован и эвфемистический код.

ВЫВОДЫ

В дальнейших исследованиях, проводимых в области психолингвистического подхода к рассмотрению условий возникновения и функционирования феномена эвфемии, следует учитывать такую особенность организации психики индивида, как планирование действий. Полагаем, что такая деятельность может обеспечиваться системами зеркальных нейронов, которые автоматически активируют представление о не проявившемся еще в поле зрения «объекте», и сигналы представления плана реализации действия, за счет синхронизации эмоциональных переживаний индивида и Другого/Других (участника/участников эвфемистического дискурса). С этой точки зрения эвфемизацию можно представить как внутринейронный когнитивный механизм, обеспечивающий поведенческое преимущество индивида, вербальные формы которого селективны в отношении комбинаций, нравственно-этических процессов, обеспечивающих широкий круг повседневных действий индивида, а также формирующих его социальные и межличностные связи. Эвфемизм, являясь культурным знаком, отражает морально-этические ценности индивида и способствует его эффективной адаптации и социализации, что обуславливает употребление в социальной коммуникации эвфемистических «единиц разнокодовой принадлежности» (термин Зубкова О.С.). Выживание индивида зависит не только и не столько от его умственных способностей (IQ), сколько от социальной интеграции, умений сопереживать, понимать, слышать и взаимодействовать с другими – качества, которые определяются свойствами зеркальных нейронов и овнешняются лингвистическим кодом.

Список литературы

1. Зубкова, О. С. Медицинская метафора и медицинская метафора-термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) [Текст] / О. С. Зубкова // Знание. Понимание. Умение. – 2010b. – № 1. – С. 140–145.
2. Зубкова, О. С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация [Текст] / О. С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. – 2010a. – № 3. – С. 41–48.
3. Зубкова, О. С. Профессиональная метафора в медицинском дискурсе [Текст] / О. С. Зубкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия: Лингвистика и педагогика. – 2013. – № 3. – С. 44–51.

4. Зубкова, О. С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса)[Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. С. Зубкова. – Курск., 2006. – 22 с.
5. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу [Текст] / А. М. Кацев. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в роли эвфемизма [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1998. – № 2. – С. 71–74.
7. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – С. 262–286.
8. Крысин, Л. П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1994. – № 5. – С. 76–82.
9. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание: учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов[Текст] / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
10. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования [Текст] / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
11. Порохницкая, Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Порохницкая. – М., 2014. – 420 с.
12. Риццолатти, Д., Синигалья, К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания [Текст] / Д. Риццолатти, К. Синигалья / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
13. Саакян, Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения [Текст]: дисс.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. Н. Саакян. – М., 2010. – 195 с.
14. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка[Текст] / Е. П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
15. Сергиенко Е. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека [Текст] / Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 415 с.
16. Черниговская, Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) [Текст] / Т. В. Черниговская // Разумное поведение и язык / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 395–412.
17. Якобони, М. Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга [Текст] / М. Якобони. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 366 с.
18. Arbib M. A. *Interweaving Protosign and Protospeech: Further Developments beyond the Mirror, Interaction Studies: Social Behaviour and Communication in Biological and Artificial Systems. Interaction Studies*, 2005, No. 6(2), pp. 145–171.
19. Arbib M. A., Rizzolatti G. *Neural expectations: A Possible Evolutionary Path from Manual Skills to Language. Communication and Cognition*, 1997, pp. 393–424.
20. Chou W. S., Hamel L. M., Thai C. L., Debono D., Chapman R. A., Albrecht T. L., Penner L. A., Eggly S. *Discussing Prognosis and Treatment Goals with Patients with Advanced Cancer: A Qualitative Analysis of Oncologists' Language. Health Expect.*, 2017, Oct; 20(5), pp. 1073–1080.

21. Cox C. L., Fritz Z. *Should Non-Disclosures Be Considered as Morally Equivalent to Lies within the Doctor-Patient Relationship?* *Journal of Medical Ethics*, 2016, No. 42 (10), pp. 632–635.
22. Rizzolatti G., Craighero L. *The Mirror-Neuron System*. *Annual Review of Neuroscience*, 2004, No. 27, pp. 169–192.
23. Siegel D. J. *Mindsight: The new science of personal transformation*. New York: Bantam, 2010.
24. Tayler M., Ogden J. *Doctors' Use of Euphemisms and Their Impact on Patients' Beliefs about Health: an Experimental Study of Heart Failure // Patient Education and Counseling*, 2005, Vol. 57, pp. 321–326.

References

1. Zubkova O.S. *Meditinskaya Metafora i Meditsinskaya Metafora-Termin v Individual'nom Leksikone (Eksperimental'noe Issledovanie)* [Medical Metaphor and Medical Metaphor-Term in an Individual Lexicon (an Experimental Study)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 1, 2010b, pp.140–145. (In Russian).
2. Zubkova O.S. *Meditinskaya Metafora-Termin kak Mental'naya Reprezentatsiya* [Medical Metaphor-Term as Mental Representation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2010a, no 3, pp. 41–48. (In Russian).
3. Zubkova O.S. *Professional'naya Metafora v Meditsinskom Diskurse* [Professional Metaphor in the Medical Discourse]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2013, no 3, pp. 44–51. (In Russian).
4. Zubkova O.S., Ushkalova M.V. *Lingvosemioticheskaya Realizatsiya Kalambura v Publichnoy Rechi* [Linguosemiotical Implementation of a Pun in a Public Speech]. Kursk, 2017. (In Russian).
5. Katsev, A.M. *Yazykovoe Tabu i Evfemiya* [Language Taboo and Euphemism]: Manual for a special course. L.: A.I. Herzen LGPI, 1988. (In Russian).
6. Krysin L.P. *Inoyazychnoe Slovo v Roli Evfemizma* [Foreign Word as a Euphemism]. *Russian Language at School*, 1998, No 2, pp. 71–74. (In Russian).
7. Krysin, L.P. (2004). *Evfemizmy v Sovremennoy Russkoy Rechi* [Euphemisms in Modern Russian Language]. In.: *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. M.: LRC Publishing House, pp. 262–286. (In Russian).
8. Krysin L.P. *Evfemisticheskie Sposoby Vyrazheniya v Sovremennom Russkom Yazyke* [Euphemistic Ways of Expression in Modern Russian]. *Russian Language at School*, 1994, No 5, pp. 76–82. (In Russian).
9. Larin B.A. *Ob Evfemizмах* [On Euphemisms] In: *Istoriya Russkogo Yazyka i Obshchee Yazykoznanie*. M.: Prosveshcheniye, 1977, pp. 101–114. (In Russian).
10. *Model' Psihicheskogo kak Osnova Stanovleniya Ponimaniya Sebia i Drugogo v Ontogeneze Cheloveka* [The Theory of Mind as the Basis for the Development of the Understanding of Oneself and Another in the Ontogeny of Man]. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. (In Russian).
11. Moskvina V.P. *Evfemizmy: Sistemnye Svyazi, Funktsii i Sposoby Obrazovaniya* [Euphemisms: System Communications, Functions and Methods of Education]. *Voprosy Yazykoznanija*. M.: Nauka, 2001, no 3, pp. 58–70. (In Russian).

12. Porokhnitskaya L.V. *Kontseptual'nye Osnovaniya Evfemii v Yazyke: Dis. ... Dokt.. Filol. Nauk* [Conceptual Basis of Euphemism in the Language]. M., 2014. (In Russian).
13. Rizzolatti, G., Craighero, L. (2004). *The Mirror-Neuron System. Annual Review of Neuroscience*, no 27, 169–192.
14. Saakyan L.N. *Evfemiya kak Pragmalingvisticheskaya Kategoriya v Diskursivnoy Praktike Nepryamogo Rechevogo Ubezhdeniya: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Euphemism as a Pragmalinguistic Category in the Discursive Practice of Indirect Verbal Persuasion]. M., 2010. (In Russian).
15. Senichkina E.P. *Evfemizmy Russkogo Yazyka* [Euphemisms of the Russian Language]. M.: Vysshaya shkola, 2006. (In Russian).
16. Chernigovskaya, T.V. (2008). *Chto Delaet Nas Lyud'mi: Pochemu Nepremenno Rekursivnye Pravila? Vzglyad Biologa i Lingvista* [What Makes Us Human: Why By All Means Recursive Rules? View of a Biologist and Linguist]. In: *Razumnoe Povedenie i Yazyk. Iss. 1. Kommunikativnye Sistemy Zhivotnykh i Yazyk Cheloveka. Problema Proiskhozhdeniya Yazyka*. Ed. by A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. M.: LRC Publishing House, 289–306. Available at: <http://philology.ru/linguistics1/chernigovskaya-08.htm> (accessed 16 October 2020). (In Russian).
17. Iacoboni M. *Mirroring People: The New Science of How We Connect with Others*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2008. (Russ. ed.: Motylev L. Yu. Otrazhayas' v lyudyakh. Pochemu my ponimaem drug druga. Moscow, 2011. (In Russian).
18. Arbib M. A. *Interweaving Protosign and Protospeech: Further Developments beyond the Mirror, Interaction Studies: Social Behaviour and Communication in Biological and Artificial Systems. Interaction Studies*, 2005, no 6(2), pp. 145–171.
19. Arbib M. A., Rizzolatti G. *Neural expectations: A Possible Evolutionary Path from Manual Skills to Language. Communication and Cognition*, 1997, pp. 393–424.
20. Chou W. S., Hamel L. M., Thai C. L., Debono D., Chapman R. A., Albrecht T. L., Penner L. A., Eggly S. *Discussing Prognosis and Treatment Goals with Patients with Advanced Cancer: A Qualitative Analysis of Oncologists' Language. Health Expect.*, 2017, Oct; 20(5), pp. 1073–1080.
21. Cox C. L., Fritz Z. *Should Non-Disclosures Be Considered as Morally Equivalent to Lies within the Doctor-Patient Relationship? Journal of Medical Ethics*, 2016, no 42(10), pp. 632–635.
22. Rizzolatti G., Craighero L. *The Mirror-Neuron System. Annual Review of Neuroscience*, 2004, no 27, pp. 169–192.
23. Siegel D. J. *Mindsight: The New Science of Personal Transformation*. New York: Bantam, 2010.
24. Tayler M., Ogden J. *Doctors' Use of Euphemisms and Their Impact on Patients' Beliefs about Health: An Experimental Study of Heart Failure // Patient Education and Counseling*, 2005, Vol. 57, pp. 321–326.

SOME PSYCHO-LINGUISTIC BASES FOR THE CONDITIONS OF EUPHEMIA ORIGIN

Logvina S. A.

Summary. Considering the issues of generation and functioning of the phenomenon of euphemia in a complex conglomerate of psychological, social and linguistic aspects, the importance of the psycholinguistic (biological) aspect was reduced (not highlighted). The revolutionary discovery of mirror neuron systems has made it possible to shift the research perspective from the "euphemism-society" correlation to the "euphemism-biology" correlation and to define the new status of the euphemia phenomenon within the psychobiological objectives. The system of mirror neurons is a biological trigger, automatically initiating the intentional mechanism of the euphemism; it allows predicting the chain of subsequent actions through multi-path planning and choosing a successful language algorithm.

The author believes that the study of euphemia by means of mirror systems will give the possibility of understanding of the fluctuations of meanings and senses in the pre-semiotic "semantic vacuum", as well as the semiotic interpretation of euphemisms, through the syncretic combination of individual and collective, cognitive and unconscious, historically given and epistemologically predicted. From this angle, the euphemism does not appear as an element of social determination, but as a prognostic phenomenon, the result of "foresight", which makes social adaptation and integration possible under the conditions of rapidly changing society.

Keywords: euphemism, mirror neuron system, a map of consciousness, successful language algorithm.

УДК 81. 139

ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ В РУСЛЕ ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ

Ломакина О. В.

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов, Москва
E-mail: rusoturisto07@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

Лингвоаксиология является одним из новых разделов лингвистики, поэтому остаются вопросы, требующие решения. Статья посвящена рассмотрению пословиц в лингвоаксиологическом аспекте. Названы подходы к изучению теории ценностей по Е. Бартминьскому. Перечислены основные аспекты анализа языковых единиц в ценностной парадигме, приведен перечень направлений исследования. Предложен термин аксиопаремиология для обозначения области лингвоаксиологии, изучающей лингвоаксиологический потенциал пословиц, под которым понимаем отражение одной или нескольких ценностей, благодаря которым пословица входит в систему ценностных координат – структуру иерархически организованных ценностей. Показаны методологические основы определения критериев номинаций ценностей: тематический и экспериментальный принципы. Тематический принцип предполагает анализ паремиографических сборников, организованных тематически (например «Словарь пословиц и поговорок» В.И. Даля). Цель эксперимента – выявить систему ценностных координат народа, вербализованную в пословицах, по результатам опроса. Выявлены способы репрезентации оценочных смыслов в составе пословиц: суффиксы субъективной оценки, культурно и национально маркированные лексемы, грамматические показатели. На примере отрывка из рассказа Б.В. Шергина показано, как в художественном тексте происходит номинирование ценностей при использовании пословицы обозначенного тематического поля.

Ключевые слова: ценности, лингвоаксиология, аксиопаремиология, пословица.

ВВЕДЕНИЕ

Инвентаризация языка и речи с позиций лингвоаксиологии (resp. аксиолингвистики) позволяет получить данные о базовых ценностях человечества и конкретной нации, выявить ценностные константы (resp. доминанты) и переменные. Таким образом, с одной стороны, происходит рассмотрение языковых единиц в аксиологическом аспекте, с другой – определяется ценностная составляющая текстов.

Несмотря на многолетние исследования в области теории ценностей (временем зарождения современной аксиологии считается 1965 г., когда официально была разрешена марксистская теория ценностей [3, с. 4]), методология лингвоаксиологии требует дальнейшей разработки.

Е. Бартминьский выделяет два противоположных подхода – резидуальный (дополнительный) и холистический (системный), которые опираются на структурную и когнитивную лингвистические теории. Исследователи, руководствующиеся первым

подходом, считают, что ценности входят в язык как отдельный набор языковых фактов, сторонники второго подхода относят ценности ко всему языку [1, с. 51].

Польская исследовательница Я. Пузынина перечислила вопросы, ответы на которые являются предметом изучения лингвоаксиолога: «1) что означает оценка, 2) кто оценивает, 3) что оценивает, 4) для кого нечто является ценностью, 5) является ли выражение чисто оценочным (первично оценочным) или описательно оценочным (вторично оценочным), 6) к какой ценностной категории относится, 7) является ли эмоционально маркированным, 8) является ли маркированным по отношению к интенсивности, 9) если выражение описательно оценочно, то является ли оценочный компонент дефинитивным или коннотативным» [29, с. 61].

Со временем в отечественной лингвистике были определены проблемные вопросы: 1) проблема разработки общей теории аксиосферы; 2) вопросы описания фундаментальных категорий ценности и оценочности с последовательным разграничением ценностного и оценочного компонентов значения; 3) проблема амбивалентности оценки и поливалентности ценностных репрезентаций; (4) задача по определению семантического и семиологического статуса ценности и т. д. [23, с. 65].

Система ценностных координат любой нации заложена в различных языковых единицах, но более выразительно она представлена в паремиологическом фонде языка, который участвует в формировании ценностных установок личности. Высокая степень паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных или идеальных объектов выступает критерием доминантности соответствующих ценностей в паремиологических картинах мира [22, с. 7], что дает основание говорить об аксиопаремиологии как области лингвоаксиологии.

Несмотря на значительные достижения аксиопаремиологии, необходимо определить критерии номинаций ценностей, критически осмыслив номинации тематических рубрик в паремиографических сборниках, отнесения пословиц к той или иной ценности; выявить способы репрезентации оценочных смыслов как в самой пословице, так и при ее употреблении.

Цель данной статьи – определить методологические принципы отнесения пословицы к ценностной группе, обозначить основные принципы выделения оценочности в составе пословиц и при употреблении их в тексте.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Пословица как наиболее распространенный класс паремиологического состава языка и важное слагаемое паремиологической картины мира обладает следующими признаками: диалогичность, общеупотребительность, наличие в структуре этнолингвомаркеров, традиционность, анонимность, обобщающий характер, краткость, афористичность, образность, дидактичность, замкнутость синтаксической структуры, ситуативность [23, с. 64].

Оценочность как дифференциальный признак пословиц позволяет говорить о наличии у них аксиологического характера (Е.И. Селиверстова) или лингвоаксиологического потенциала, под которым понимаем отражение одной или нескольких ценностей, обеспечивающих «встроенность данной единицы в систему ценностных координат, под которой мы понимаем структуру иерархически организованных ценностей» [10, с. 82].

ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ В РУСЛЕ ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ....

Поскольку аксиопаремиялогия является молодым научным направлением, то необходимо обозначить проблематику исследований в этой области для проведения новых исследований.

Не существует однозначного подхода к стратификации ценностей, репрезентированных паремиями: «для характеристики ценностной составляющей паремической семантики важно учитывать сложные интегративные процессы, протекающие в том числе в аксиосфере конкретной паремии и национального паремического пространства в целом» [23, с. 98].

1. Пословица в системе ценностных координат: методология анализа

Отнесение пословицы к одной или нескольким ценностям может проводиться на различных основаниях.

Тематически организованные паремииографические сборники дают информацию о принадлежности пословицы к той или ценности. При этом номинации ценностей, как правило, соответствуют времени, а языковое наполнение отражает языковые тенденции последних пятидесяти лет. «Количественное превосходство паремий, представленных в той или иной рубрике, говорит о месте определенной ценности в системе ценностных констант нации» [7, с. 80].

В русской словарной традиции классическим примером такого типа паремииографического сборника является словарь «Пословицы русского народа», созданный В.И. Далем. Фрагменты паремииологической картины мира представлены В.И. Далем в виде 179 разделов, названных одним словом или несколькими, иногда повторяющимися («Правда – Кривда», «Правда – Неправда – Ложь», «Хорошо – Худо», «Добро – Милость – Зло» и др.). «Тематический принцип описания паремий, выбранный лексикографом, не исключает отнесения одной и той же единицы к разным тематическим группам» [7, с. 80]. Вместе с тем экстраполирование понятий и их номинация не всегда соответствует т.н. «языку текущего момента» (В.Г. Костомаров), однако словарные материалы прошлых столетий можно использовать в сравнительном аспекте как фон для исследования языка в целом, а также для определения изменений системы ценностей народа в частности.

Методика описания лингвоаксиологического потенциала пословичного фонда одного или нескольких языков по тематически организованным паремииографическим сборникам включает следующие этапы: «выбор аутентичных словарей <...> пословиц по принципу наличия в них тематической классификации или тематического указателя; изучение тематики основных рубрик выбранных словарей, которые прямо или косвенно отражают основные этнокультурные ценности; подсчет количества пословиц в рамках каждой темы, отражающий степень важности каждой выделенной темы (потенциально связанной с определенной ценностью или антиценностью); расположение тем в порядке убывания количества пословиц, что позволяет выстроить общую картину иерархии тем, а следовательно, и ценностей; выявление на основе полученной картины основных ценностных ориентиров представителей каждой из трех сопоставляемых лингвокультур; сопоставительная характеристика ценностных приоритетов носителей <...>, выявленных на основе анализа тематики пословиц [23, с. 107]. Подобная методика была апробирована в ряде работ [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20], в т.ч. сравнительно-сопоставительного характера и позволила сделать выводы об этнокультурных ценностях различных народов. Работы подобного рода важны для сравнительно-сопоставительной лингвоаксиологии, которая

«ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в “кресте реальности (В.Н. Телия)”» [12, с. 18].

Другим способом распределения пословичного фонда в системе ценностных координат может быть социолингвистический эксперимент среди носителей языка. Здесь можно предложить следующие этапы для опроса: 1. Назвать ценностные константы народа (Попросить респондентов перечислить, какие ценности составляют основу данной нации в порядке убывания). 2. Определить, какие пословицы будут составлять ценностное ядро (Согласно полученным в ходе первого этапа данным, респондентам предлагается перечень ценностных доминант для подбора соответствующих пословиц). Опрос может проводиться в разных возрастных группах для выявления динамики.

2. Критерии выделения оценочности

Отнесение пословицы к той или иной ценности, оценка сопредельных ценностей является не единственной задачей аксиопаремиологии. Важным при характеристике пословицы в ценностной парадигме является определение критериев выделения оценочного компонента в пословице.

Экспрессия пословичного знака увеличивается за счет словообразовательных формантов с субъективно-оценочным значением. Оценочность аффикса -к- можно продемонстрировать следующими примерами: *У богатого сын Иван Петрович, у бедного – Ванька* [13, с. 895], *У Фомушки денежки – Фомушка Фома, у Фомушки ни денежки – Фомка Фома* [13, с. 945], которые составляют ценностную диаду «богатство-бедность». В народном сознании закреплено положительное отношение к богатому, образ бедного человека выражается при помощи суффикса субъективной оценки. Деньги являются «главным символом богатства» в паремиологических фондах ряда языков, в т.ч. в русском [2, с. 186], что отражается в выборе словообразовательного форманта: *Были денежки и у Сенюшки – был Семен, а как денег не стало – поди вон; Были денежки у Сенюшки – любили Сеню девушки, а не стало денежек – забыли Сеню девушки* [13, с. 254].

Методика ценностного шкалирования, апробированная нами при анализе языка Л.Н. Толстого [11], может быть использована при описании лингвоаксиологического потенциала паремий. Шкала «хорошо – плохо» в русской картине мира соотносится с крайними точками «добро» – «зло». Область положительных / отрицательных значений может формироваться за счет коннотативно окрашенных слов, культурно и национально маркированных слов. Так, смысловая интенсивность пословиц с одинаковым значением *Полюбится (покажется) сова лучше ясного сокола* и *Полюбится сатана пуще (лучше) ясного сокола* [4, с. 355–356] будет различна: для русского (и шире – славянского) языкового сознания лексемы демонологического круга (*черт, дьявол, сатана* и под.) табуизированы, а их употребление приводит к десакрализации высказывания, т.е., по словам О.В. Шкуран, утрате «мелиоративно-коммуникативной функции, получению «квазидуховно-инфернального статуса», «ведущего к деструкции личности», усилению экспрессивности [27, с. 197].

Экспликация оценочных смыслов может происходить в пословичном фонде и за счет лексем, характеризующих морально-этические категории как отдельного народа, так и человечества в целом, а иногда и служащих номинацией для целого пословичного поля (resр. концептосферы). Например, перспективным может стать изучение *совести* в

русской паремииологии или *гостеприимства* – в пословицах среднеазиатских народов. Исследование фразеологического фонда с компонентом *грех* русского, украинского и польского языков позволило Л.Ф. Щербачук говорить о маркировании морально-этических норм, «которые выступают как соответствующие эталоны и лежат в сфере мотивированного поведения христианина» [28, с. 153–154]. Пословицы славянских языков с этим компонентом доказывают высказанное положение: рус. *В чем грех, в том и покаяние; Грех воровать, да нельзя миловать; Грех наружу выйдет; Грех осуждать. да нельзя миловать* и др. [13, с. 220], русин. *І свячена вода той гріх з нього не змиє, Без смерти не вмерти, а без гріха не жити* [24].

Е.В. Ничипорчик называет общеоценочные слова, которые выступают в качестве аксиологических координат: *хороший, добрый, плохой, хорошо, плохо* и под. которые позволяют «не косвенным, а прямым образом выражать одобрительное либо неодобрительное отношение к объектам оценивания» [22, с. 238].

В аспекте теории градуальности «состав лексики, способной вступать в градационные отношения и выражать градуированные значения, в русском языке довольно обширен. В <...> исследованиях установлена шкала, состоящая из элементов, представляющих собой градационный ряд: *очень хорошо – хорошо – довольно хорошо – средние – довольно плохо – плохо – очень плохо; плохой – далекий от совершенства, еще менее совершенный, менее чем совершенный – совершенный – лучшие – лучшие (из) – хороший*» [7, с. 70]. «Крайние (внешние) члены и представляют предел (“новый” качественный признак) противопоставления того или качества» [7, с. 160].

В зависимости от генетической характеристики языка грамматические признаки слова также могут содержать информацию об оценке. В пословицах русского языка как языка предикативного таким смысловым центром являются формы 2 и 3 л. настоящего времени изъявительного наклонения глагола, а также формы повелительного наклонения. Л.Б. Кацюба приводит в качестве примера пословицы, в которых отрицательную коннотацию имеют формы повелительного наклонения, выражающие наказ мужу в отношении жены: *На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди! Учи жену без детей, а детей без людей!* и др. [5, с. 98], которые представляют семью в системе ценностных координат русских.

Другим способом репрезентации оценочных смыслов пословиц является информация, включенная в словарные статьи. Т.Г. Никитина считает, что «система эмотивно-оценочных помет (например. ирон. – ироническое, неодобр. – неодобрительное, шутл. – шутливое и т.п.) позволяет передать аксиологические характеристики материала» [21, с. 107]. Пометы помогают говорящим / пишущим (особенно иностранцам) правильно употреблять пословицы в тексте.

3. Лингвоаксиологическая информация о пословице в художественном тексте: анализ функционирования

Категория оценочности связана с категорией модальности, которые составляют «универсальные понятийные категории, участвующие в установлении взаимоотношений языка с внеязыковой действительностью» [26, с. 30]. Авторские интенции также позволяют, во-первых, определить отнесение паремии к определенной ценности, а, во-вторых, выявить ее оценочный смысл. Типы экспликации коммуникативного намерения при употреблении паремий: формальный способ – промежуточный (с оценкой

говорящим/пишущим по шкале «хорошо – плохо») – концептуальный (с использованием авторской семантизации) [подробнее: 9].

Рассмотрим в качестве примера отрывок из рассказа Б.В. Шергина «Собирай по ягодке – наберешь кузовок»: *Митя сначала не верил, что при такой малой норме успеет кончить работу в срок. Пригоняет пластинки одну к другой тщательно – комар носа не подточит. Но окинет глазами, сколько еще пустого места остается, и испугается. Однако глаза страшатся, а руки делают* [26, с. 19].

Фразеологически насыщенный контекст (*в срок, комар носа не подточит, окинуть глазом, Глаза страшатся, а руки делают*) позволяет охарактеризовать отношение персонажа к работе – желание «кончить работу в срок», при этом писатель, как и в других своих произведениях, не просто формирует положительное отношение к любой работе, но и номинирует труд как ценность, что характерно для русского языкового сознания. Пословица *Глаза страшатся, а руки делают* служит микровыводом, т.к. венчает абзац. В данном случае можно говорить о полифункциональном употреблении пословицы: писатель, используя ключевое для рассказа слова *работа*, определяет встроенность единицы в ценностную систему координат, а употребление других фразеоресурсов языка позволяет показать положительное отношение к труду (Ср.: *комар носу не подточит* – «Сделано так, что не к чему придраться» [25, с. 310]).

ВЫВОДЫ

Анализ современных исследований пословиц позволяет выделить аксиопаремиологию как раздел лингвоаксиологии. Отнесение пословицы к определенной ценности может проходить на основании тематических рубрик в сборниках пословиц, а также путем опроса носителей языка. Использование одновременно двух способов позволяет исследователям преодолеть субъективный фактор как со стороны лексикографов, так и со стороны носителей языка. Критерии выделения оценочного компонента в пословице различны. Можно опираться на значение морфем (суффиксы субъективной оценки), а также выявлять культурно и национально маркированные лексемы. Грамматические показатели, служащие репрезентации оценочных смыслов в составе пословицы: шкала, включающая элементов градационного ряда (от *очень хорошо* до *очень плохо*), а также глагольные формы (2 и 3 л. настоящего времени изъявительного наклонения и повелительное наклонение). Важное значение при номинировании ценностей и их оценке имеют авторские интенции, отраженные в тексте художественной литературы, что является одной из перспектив аксиопаремиологии.

Список литературы

1. Бартминьский Е. Место ценностей в языковой картине мира / Е. Бартминьский // Эволюция ценностей в языках и культурах. – М.: Пробел-2000, 2011. – С. 51–80.
2. Бредис М.А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. / М.А. Бредис. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. – 296 с.
3. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 152 с.
4. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 535 с.

5. Кацюба, Л.Б. Структурные лингвокультурологические аспекты категории лица глагола в паремиях: монография / Л.Б. Кацюба / под ред. А.М. Чепасовой. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 133 с.
6. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография / С.С. Ваулина, И.Ю. Кукса, Н.А. Пробст [и др.]; под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.
7. Колесникова, С.М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. / С.М. Колесникова. – Изд. 2-е исправленное. – М.: Флинта, 2016. – 230 с.
8. Комова, Д.Д. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) / Д.Д. Комова, О.В. Ломакина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2019. – № 3 (103). – Ч. 1. – С. 78–86.
9. Ломакина, О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 177–180.
10. Ломакина, О.В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) / О.В. Ломакина // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Москва, 10–12 ноября 2020 г. – М.: РУДН, 2020. – С. 81–86.
11. Ломакина, О.В. Фразеология народных драм Л.Н.Толстого: состав и особенности употребления: Автореф. дис. на ... канд. филол. н.: 10.02.01 / О.В. Ломакина – Белгород, 2006. – 30 с.
12. Ломакина, О. В. Очерки русинской фразеологии: монография / О.В. Ломакина, В. М. Мокиенко. – М.: РУДН, 2021. – 97 с.
13. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с
14. Нелюбова, Н.Ю. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков / Н.Ю. Нелюбова, В.И. Хильтбруннер, В.И. Ершов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 223–243.
15. Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран / Н.Ю. Нелюбова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. –2019. – Т. 10. – № 2. – С.323–335.
16. Нелюбова Н.Ю. Представление ценностей в пословицах франкоязычных стран (на материале пословиц Мартиники) / Н.Ю. Нелюбова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2019. – № 1 (65). – С. 198–208.
17. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира / Н.Ю. Нелюбова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. –2019. – № 6. – С. 50–59.
18. Нелюбова Н.Ю. Репрезентация концепта ТРУД в русских и французских пословицах: ценностный аспект / Н.Ю. Нелюбова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 165–171.

19. Нелюбова Н.Ю. Особенности ценностных ориентиров носителей французского и русского языков и их представление в пословицах (на материале словарей) / Н.Ю. Нелюбова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 5. – С. 79–88.
20. Нелюбова Н.Ю. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок). / Н.Ю. Нелюбова, П.С. Семина, В. Казлаускене // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24. – No 4. – С. 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990
21. Никитина, Т.Г. Лингвоаксиологический потенциал словаря пословиц / Т.Г. Никитина // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики. – Чебоксары: Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Экспертно-методический центр», 2020. – С. 106–110.
22. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках. / Е.В. Ничипорчик – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
23. Паремология без границ: монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова, Л. Н. Гишкаева, Е. Е. Иванов, Е. И. Зиновьева, Д. Д. Комова, О. В. Ломакина, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, Н. Ю. Нелюбова, Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова, Н. Н. Семенов, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина, Ц. Цао; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. – 244 с.
24. Поп, Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари / Д. Поп. – Ужгород, 2011. – 241 с.
25. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1 – 391 с.
26. Шергин, Б.В. Одно дело делаешь, другого не порть. Пословицы в рассказах / Б.В. Шергин – М.: Дет. лит., 1977. – 32 с.
27. Шкуран, О.В. Параметризация когнитивно-мыслительных кодов лингвокультуры "профанный язык" - "десакральный язык" / О.В. Шкуран // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 194–198.
28. Щербачук, Л.Ф. Фразеологическая репрезентация морально-этических маркеров в русском, украинском и польском языках / Л.Ф. Щербачук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Том 1 (67). – № 1. – С. 149–155.
29. Puzynina, J. Problematika aksjologiczna w jezykoznawstwie / J. Puzynina // Problematyka aksjologiczna w naukach o literaturze. – Lublin, 1992. – S. 59–72.

References

1. Bartmin'skij, E. *Mesto cennostej v jazykovej kartine mira* [Place of Values in the Linguistic Picture of the World] / E. Bartmin'skij // *Jevolucija cennostej v jazykah i kul'turah*. М.: Probel-2000, 2011. S. 51-80.
2. Bredis, M.A. *Chelovek i den'gi: Oчерki o poslovicah russkih i ne tol'ko* [Man and Money in Proverbs: Essays on Russian and Other Proverbs] / M.A. Bredis. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019. 296 s.
3. Vyzhlecov, G.P. *Aksjologija kul'tury* [Axiology of culture] / G.P. Vyzhlecov. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. 152 s.

4. Zhukov, V.P. *Slovar' russkih poslovic i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings] / V.P. Zhukov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1967. 535 s.
5. Kacjuba, L.B. *Strukturnye lingvokul'turologicheskie aspekty kategorii lica glagola v paremijah*: monografija [Structural Linguoculturological Aspects of the Verb Face Category in Paremiology] / L.B. Kacjuba / pod red. A.M. Chepasovoj. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU, 2007. 133 s.
6. *Kommunikativnyj potencial modal'nosti v diahronii i sinhronii russkogo jazyka*: monografija [The Communicative Potential of Modality in the Diachrony and Synchrony of the Russian Language] / S.S. Vaulina, I.Ju. Kuksa, N.A. Probst [i dr.]; pod red. S.S. Vaulinoj. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2018. – 206 s.
7. Kolesnikova, S.M. *Gradual'nost': sistemnye svjazi i otnoshenija v russkom jazyke*. [Gradality: Systemic Connections and Relationships in Russian] / S.M. Kolesnikova Izd. 2-e ispravlennoe. M.: Flinta, 2016. 230 s.
8. Komova, D.D. *Slovarnoe i diskursivnoe napravlenija rekonstrukcii paremiologicheskoy kartiny mira: opyt interpretacii (na materiale russkogo jazyka)* [Vocabulary and Discursive Directions of Reconstruction of the Parameological Picture of the World: Interpretation (on the Material of the Russian Language)] / D.D. Komova, O.V. Lomakina // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva. 2019. № 3 (103). Ch. 1. S. 78–86.
9. Lomakina, O.V. *Paremii v kontekste: sposoby jeksplikacii kommunikativnogo namerenija (na materiale tekstologii L.N. Tolstogo)* [Proverbs within a Context: the Means of Communicative Intention Explication (as Exemplified L.N.Tolstoy's Textology)] / O.V. Lomakina // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 77. S. 177–180.
10. Lomakina, O.V. *Ponjatie very v sisteme cennostnyh koordinat naroda (na paremiologicheskom materiale russkogo, tureckogo, rusinskogo i altajskogo jazykov)* [The Concept of Faith in the System of Value Coordinates of the People (on the Paremiological Material of the Russian, Turkish, Ruthenian and Altai languages)] / O.V. Lomakina // Voprosy sovremennoj lingvistiki i izuchenija inostrannyh jazykov v jepohu iskusstvennogo intellekta: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvjashhennogo Vsemirnomu dnju nauki za mir i razvitie. Moskva, 10–12 nojabrja 2020 g. M.: RUDN, 2020. S. 81-86.
11. Lomakina, O. V. *Frazeologija narodnyh dram L.N.Tolstogo: sostav i osobennosti upotreblenija* [Phraseology of Folk Dramas by Leo Tolstoy: Composition and Features of Use]: Avtoref. dis. na ... kand. filol. n.: 10.02.01 / O.V. Lomakina – Belgorod, 2006. – 30 s.
12. Lomakina, O. V. *Ocherki rusinskoj frazeologii* [Essays on Rusin Paremiology]: Monografija. / O.V. Lomakina, V. M. Mokienko. M.: RUDN, 2021. 97 s.
13. Mokienko, V.M. *Bol'shoj slovar' russkih poslovic* [The Great Dictionary of Russian proverbs]. Okolo 70 000 poslovic / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva / Pod obshh. red. prof. V.M. Mokienko. M.: OLMA Media Grupp, 2010. 1024 s.
14. Neljubova, N. Ju. *Otazhenie ierarhii cennostej v poslovichnom fonde russkogo i francuzskogo jazykov* [The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages] / N.Ju. Neljubova, V.I. Hil'tbrunner, V.I. Ershov // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2019. T. 23. № 1. S. 223–243.

15. Neljubova, N.Ju. *Otrazhenie jetnokul'turnyh cennostej v poslovicah frankojazychnyh stran* [Representation of Ethno-cultural Values in the Proverbs of French-speaking countries] / N.Ju. Neljubova // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2019. T. 10. № 2. S.323-335.
16. Neljubova, N.Ju. *Predstavlenie cennostej v poslovicah frankojazychnyh stran (na materiale poslovic Martiniki)* [Presentation of Values in the Proverbs of French-speaking countries (based on proverbs of Martinique)] / N.Ju. Neljubova // Vestnik universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Slavjanskij) universitet). 2019. № 1 (65). S. 198–208.
17. Neljubova, N.Ju. *Sem'ja kak obshhechelovecheskaja cennost' vo francuzskoj i ruskoj poslovichnoj kartine mira* [The Family as a Universal Value in the French and Russian Proverbial Picture of the World] / N.Ju. Neljubova // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2019. № 6. S. 50-59.
18. Neljubova, N.Ju. *Reprezentacija koncepta TRUD v russkih i francuzskih poslovicah: cennostnyj aspekt* [Representation of Labour Concept in Russian and French proverbs: the Value Aspect] / N.Ju. Neljubova // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2020. № 3 (42). S. 165–171.
19. Neljubova, N.Ju. *Osobennosti cennostnyh orientirov nositelej francuzskogo i russkogo jazykov i ih predstavlenie v poslovicah (na materiale slovaroj)* [Specificity of Value Orientations of Native Speakers of French and Russian and their Representation in Proverbs (Based on Dictionaries)] / N.Ju. Neljubova // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 5. S. 79–88.
20. Neljubova N.Ju. *Gurmanstvo v ierarhii cennostej francuzov i bel'gijcev (na materiale poslovic i pogovorok)* [Gourmandise in the Hierarchy of Values: a Case Study of French and Belgian Proverbs and Sayings] / N.Ju. Neljubova, P.S. Sjomina, V. Kazlauskene // Russian Journal of Linguistics. 2020. T. 24. No 4. S. 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990
21. Nikitina, T.G. *Lingvoaksiologicheskij potencial slovarja poslovic* [Linguoaxiological Potential of the Proverbial Dictionary] / T.G. Nikitina // Nauchnoe prostranstvo: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. – Cheboksary: Negosudarstvennoe obrazovatel'noe chastnoe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija «Jekspertno-metodicheskij centr», 2020. – S. 106–110.
22. Nichiporchik, E.V. *Otrazhenie cennostnyh orientacij v paremijah*. [The Reflection of Value Orientations in Proverbs] / E.V. Nichiporchik – Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2015. 358 s.
23. *Paremiologija bez granic* [Paroemiology without Borders]: Monografija / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova, L. N. Gishkaeva, E. E. Ivanov, E. I. Zinov'eva, D. D. Komova, O. V. Lomakina, A. S. Makarova, V. M. Mokienko, N. Ju. Neljubova, E. K. Nikolaeva, E. I. Seliverstova, N. N. Semenenko, F. G. Fatkullina, R. H. Hajrullina, C. Cao; pod red. M. A. Bredisa, O. V. Lomakinoj. M.: RUDN, 2020. 244 s.
24. Pop, D. *Rusinsko-ukrainsko-russkij i rusko-rusinsko-ukrainskij frazeologicheskie slovari*. [The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary] / D. Pop. Uzhgorod, 2011. 241 s.
25. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]: V 2 t. / Sost. A.I. Fjodorov. M.: Citadel', 1997. T. 1. 391 s.
26. Shergin, B.V. *Oдно дело delaesh', другого не порт'*. *Poslovicy v rasskazah* [You Do one Thing, Don't Spoil the Other.] / B.V. Shergin. M.: Det. lit., 1977. 32 s.

27. Shkuran, O.V. *Parametrizacija kognitivno-myslitel'nyh kodov lingvokul'tury "profannyjazyk" - "desakral'nyj jazyk"* [Parametrization of Cognitive-thinking Codes of Linguoculture "Profan language" - "Desacral language"] / O.V. Shkuran // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2020. № 3 (42). S. 194–198.
28. Shherbachuk, L.F. *Frazeologicheskaja reprezentacija moral'no-jeticheskikh markerov v ruskom, ukrainskom i pol'skom jazykah* [Phraseological Representation of Moral and Ethic Markers in Russian, Ukrainian and Polish languages] / L.F. Shherbachuk // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2015. Tom 1 (67). № 1. S. 149–155.
29. Puzynina, J. *Problematika aksiologiczna w jezykoznawstwie* [Axiological Problems in Linguistics] / J. Puzynina // Problematyka aksiologiczna w naukce o literaturze. Lublin, 1992. S. 59–72.

**THE STUDYING OF THE PROVERBS IN THE VALUE PARADIGM:
THE METHODOLOGY OF RESEARCH AND THE CRITERIA FOR ESTIMATING
VALUE**

Lomakina O. V.

Summary. Linguoaxiology is one of the new branches of linguistics, therefore there are still questions to be solved. The article is devoted to the consideration of proverbs in the linguoaxiological aspect. The approaches to the study of the theory of values according to E. Bartminski are named. The main aspects of the analysis of linguistic units in the value paradigm are listed, a list of research areas is given. The term axioparemiology has been proposed to denote the field of linguoaxiology, which studies the linguoaxiological potential of proverbs, by which we mean the reflection of one or more values, thanks to which the proverb enters the system of value coordinates - the structure of hierarchically organized values. The methodological foundations for determining the criteria for nominating values are shown: thematic and experimental principles. The thematic principle involves the analysis of paremiographic collections, organized thematically (for example, "Dictionary of Proverbs and Sayings" by V.I. Dal). The purpose of the experiment is to identify the system of value coordinates of the people, verbalized in proverbs, according to the survey results. The ways of representation of evaluative meanings in the composition of proverbs are revealed: suffixes of subjective evaluation, culturally and nationally marked lexemes, grammatical indicators. On the example of an excerpt from the story of B.V. Shergin it is shown how values are nominated in a literary text when using the proverb of the designated thematic field.

Keywords: values, linguoaxiology, axioparemiology, proverb.

УДК 81'33

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ПРАВОСЛАВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Макарова А. С.

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: aleste_63@mail.ru*

В статье анализируется роль визуального компонента в православном медиадискурсе, который рассматривается нами как совокупность текстов, представляющих взгляд на события через Евангелие и функционирующих в сфере массовой коммуникации. При исследовании православного медиаконтента нами определена задача православной журналистики, которая состоит в соединении диахронического аспекта с синхроническим, то есть современного с вечным. Дискурсивный анализ материала показал определяющую роль тематики публикаций при выборе визуальной составляющей обложек православного журнала «Фома», позволил определить корреляцию вербальной и визуальной частей медиатекста и доказать, что применение комплексных методов анализа медиаконтента помогает выявить глубинные процессы, происходящие внутри медиадискурса, а успешное декодирование и усвоение информации или идеи в медиатексте во многом зависит от умения автора включить в структуру медиапродукта соответствующий визуальный код.

Ключевые слова: православный медиадискурс, дискурсология, визуальный компонент, медиатекст, массмедиа, прагмалингвистика.

ВВЕДЕНИЕ

Современная дискурсология расширяет исследовательские границы, привлекая в сферу своих интересов новые научные векторы. Данный процесс объясняется как лингвистическими (активное распространение концепции дискурса и дискурсивного анализа), так и экстралингвистическими факторами. Появление медиалингвистики как новой отрасли языкознания, которая занимается изучением медиадискурса, его разновидностей и особенностей, жанровых систем и ценностей и т.д., объясняется быстрым развитием новых технологий в сфере массмедиа и вхождением Интернета в жизнь человека. И если, согласно комплексному подходу в определении дискурса под ним понимается сложный коммуникативный феномен, включающий все экстралингвистические факторы, которыми сопровождается общение (адресант и адресат, канал распространения и получения информации, лингвокультурологический и социальный фон и т.д.), то медиадискурс представляет собой «речедеятельность в сфере массмедиа, поскольку охватывает не только вербальное сообщение плюс медиаканал, но и все экстралингвистические факторы, связанные с особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, культурообусловленных способов кодирования и декодирования, социально-исторического и политико-идеологического контекста» [3, с. 182].

Возможность писать о религии и православной Церкви дала толчок для появления такого направления отечественной журналистики, как *православная журналистика* (термин протоиерея В. Вигилянского) [9], а процесс медиатизации всех сфер жизни современного общества также отразился на развитии религиозного дискурса. Распространение православного контента через СМИ и Интернет способствовало созданию полноценных православных массмедиа [7], а сам православный медиадискурс рассматривается нами как совокупность текстов, представляющих взгляд на события через Евангелие и функционирующих в сфере массовой коммуникации.

Основной категориальной единицей медиадискурса является медиатекст. Структура данных текстов «амбивалентна: они, как правило, состоят из двух неомогенных частей, которые относятся к разным семиотическим системам – вербальной и невербальной» [8, с. 275]. Общая тенденция к созданию креолизованного текста привела к возникновению в лингвистике понятия визуализации. Визуализация медиаконтента является одним из самых сильных и действенных способов привлечения и удержания внимания современного человека, находящегося в мощном потоке постоянно поступающей и обновляющейся информации. Таким образом, успешное декодирование и усвоение информации или идеи в медиатексте во многом зависит от умения автора включить в структуру медиапродукта соответствующий визуальный код.

Использование визуального компонента, варианты которого многообразны (от особого цвета и шрифта до видеоряда), предлагает широкий спектр возможностей воздействия на читателя/пользователя в соединении с вербальной частью медиатекста. С учетом специфики рассматриваемого материала, нами использовались описательно-аналитический метод, предусматривающий анализ медийного компонента в конкретных речевых условиях, и методы анализа медиаконтента:

- дискурсивный, основанный на концепции дискурса и позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста;
- метод контент-анализа, или анализа содержания;
- медиалингвистический, направленный на анализ текста с точки зрения системы параметров описания медиатекста, то есть способ его создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическая доминанта и пр. [4, с. 15].

Визуальная часть медиатекста может его иллюстрировать, дополнять, актуализировать дополнительные смыслы, вызывать в памяти читателя ассоциативные фоновые знания, контрастировать, то есть специально противопоставлять, сталкивать вербальный и визуальный ряд. Степень его связанности с вербальной составляющей медиатекста зависит от функции, которую он выполняет.

Рассмотрим медиатексты, представленные на обложках православного журнала «Фома» [10], где при разрыве взаимосвязи обеих частей произойдет разрушение заложенных смыслов, призванных вызвать культурно-религиозные ассоциации, обусловленные знанием Библии. Священные тексты полны скрытых символических смыслов, образы которых частично перешли в общечеловеческую коммуникацию, сохраняя, как правило, первоначальную коннотацию. Часто библейские символы актуализируются через фразеологические средства языка, так как «библейская фразеология является объединяющим началом для разных языковых систем, что объясняется заимствованием из общего источника – библейского текста» [1, с. 8].

«Фома» – православный журнал для сомневающих (так он себя позиционирует) издаётся с 1996 года. «Издание прошло путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания, основная миссия – это рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества <...>» [6, с. 231].

Рисунок 1

На первой обложке (рис. 1) визуальный компонент – это надкусанное яблоко с биркой «Вещдок №1», которое отсылает читателя к библейской истории о первородном грехе первых людей Адама и Евы в раю. Яблоко ассоциируется с библейским фразеологизмом *запретный плод*, а обличительный вердикт *Винновны!*, набранный красным цветом, подтверждает эту аллюзию. Такой визуальный компонент-символ интригует читателя, заставляет разгадать скрытое в нём послание редакции журнала.

Рисунок 2

На следующей обложке (рис. 2) изображены две руки, скрепленные цепью, связанной из пряжи. Визуальный компонент сопровождается слоганом-подписью *Свекровь связала*, которая благодаря такой визуализации утрачивает буквальное значение, приобретая метафорическое, и разъясняет таким образом тематическую доминанту данного номера. У человека, знакомого с христианством, его таинствами, традициями и обрядами, данный визуальный компонент в сочетании с тщательно подобранной вербальной частью, скорее всего вызовет в памяти слова Иисуса Христа: «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» [5]. Лингвопрагматика обложки многократно усиливается благодаря удачно подобранному визуальному компоненту: тёща способна укреплять брак, а не разрушать.

Рисунок 3

На рисунке № 3 мы видим фрагмент знаменитой фрески Микеланджело «Сотворение Адама» (Сикстинская капелла, Ватикан, Рим, 1508–1512). Визуальный компонент, сопровождаемый слоганом красного цвета *Соединение устанавливается*, представляет собой нечто вроде ребуса/загадки для современного человека, плохо знающего Ветхий Завет и историю творения мира Богом. Выбранный фрагмент фрески изображает руку Адама в тот момент, когда Бог-Творец, который воплощает энергию жизни, намерен передать её первому человеку. Устойчивая фраза *Соединение устанавливается* относится к сфере мобильной коммуникации, таким образом в данном примере соединяется диахроническое с синхроническим, что было бы невозможно без визуального компонента, отличающегося интертекстуальностью, свойственной христианскому дискурсу. Однако православный христиан обнаружит в рассматриваемом визуальном компоненте больше смыслов. Так, например, слегка согнутый палец Адама говорит о свободе человеческой воли, подаренной Творцом, а вытянутый палец Бога напоминает нам, что Он всегда готов воссоединиться («установить соединение») со Своим творением.

В рисунке (рис. 4), представленном ниже, вновь наблюдается созданная визуальным компонентом связь диахронии с синхронией. Неразрывность связи вербального и визуального в данной обложке объясняется тем, что в 2018 году Праздник Воскресения Христова выпал на 8 апреля, а символ бесконечности изображается в виде лежащей на боку цифре 8. Кроме того Пасха всегда отмечается в воскресенье, о чем свидетельствует слоган-подпись *бесконечность начинается В ВОСКРЕСЕНИЕ*, набранная красным цветом, цветом-символом праздника Пасхи.

апреля

бесконечность начинается
в воскресенье

Рисунок 4

Задача православной журналистики состоит в соединении диахронического аспекта с синхроническим, то есть современного с вечным. Проанализированная обложка является убедительным примером такой связи, где Божественный замысел о человеке и мире, выраженный визуальным компонентом, соединяется с вербальной составляющей, которая характеризуется многоплановостью – это и конкретная дата календаря – воскресенье 8 апреля 2018 года, и праздник Воскресения Иисуса Христа, символизирующий победу над смертью и торжество вечной жизни. Употребление математического знака бесконечности ∞ переносится в духовную сферу жизни человека, но уже с библейской коннотацией ‘вечность’.

Ср.: *ВЕЧНОСТЬ*, -и; ж. 1. Бесконечное по времени существование материального мира. 2. Книжн. Течение времени, не имеющее ни начала ни конца. 3. Разг. О времени, тянущемся очень долго [2].

В последнем визуальном компоненте (рис. 5) отражается амбивалентность христианской жизни: живя в миру, христианин стремится жить с Богом. Представленное в визуальном компоненте календарное наложение поста на светские праздники символизирует разъединение людей, даже близких и родных. Цветовая гамма также подчеркивает этот антагонизм: черный цвет для постного дня, красный для праздника (Нового года). Таким образом здесь вновь обнаруживается соединение диахронии с синхронией, которое передается цветовой символикой. Черный цвет используется для поста и покаяния, например, облачение священников во время Великого Поста обычно черного цвета или темных оттенков синего и фиолетового. Красный цвет связан с

празднованием Пасхи и Вознесения. Однако в данном визуальном компоненте красный цвет символизирует светский праздник, как известно, традиционно праздники в календарях выделяются красным цветом.

С грехом пополам

Жена верует, а муж нет:
как не стать чужими?

Рисунок 5

При создании визуального компонента особое значение и смысл приобретает цветовая гамма. В христианской церковной традиции лишь несколько цветов – жёлтый, белый, голубой или синий, зеленый, красный, фиолетовый, чёрный и бордовый приобрели символизм, то есть определённый цвет обладает конкретной символикой. «Selection of colour, the iconic component, sometimes font, etc. are also explained by Christian symbolism, in other words, thereby Christian ideas are reflected in the Orthodox media content. The colour blue symbolises purity, this is the colour of heaven. <...> White is traditionally considered to be the colour of purity and innocence and is customarily featured in white robes and white flowers» (Символикой христианства объясняется выбор цвета, иконолического компонента, иногда шрифта и пр., то есть таким образом идеи христианского вероучения находят своё отражение в православном медиаконтенте. Голубой цвет символизирует чистоту, это цвет неба. <...> Белый традиционно считается цветом чистоты и невинности и представлен обычно белыми одеждами и белыми цветами) (перевод мой. – А. М.) [11, с. 509].

ВЫВОДЫ

«В рамках медиалингвистического подхода методика анализа медиатекстов как объёмного многоуровневого явления дополняется устойчивой системой параметров, которая позволяет дать предельно точное описание того или иного медиатекста с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков» [3, с. 186]. Дискурсивный анализ материала показал определяющую роль тематики публикаций при выборе визуальной составляющей обложек православного журнала «Фома», позволил доказать, что применение комплексных методов анализа медиаконтента помогает выявить глубинные процессы, происходящие внутри медиадискурса, и определить корреляцию вербальной и визуальной частей медиатекста.

В данном исследовании речь не шла о других параметрах православного медиадискурса, однако связь между адресацией религиозных медиатекстов и темой публикаций очевидна, так как симбиоз вербальной и визуальной частей составляет тематическую доминанту медиатекста. Заметим, что вербальный и визуальный компоненты медиаконтента, сочетаясь на основе имплицитных или эксплицитных цитирований, создают определенные лингвопрагматические эффекты и тем усиливают воздействие на читательскую аудиторию.

За рамками данного анализа остался особый символизм православного медиатекста, который реализуется и в вербальной части (фразеоресурсы языка, возвышенная лексика и пр.), и в визуальном компоненте (библейские образы, особый шрифт, фон, символика цвета, видеоряд и т.д.), что является перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

1. Безкорвайная Г. Т. Лингвокультурологический потенциал фразеосимвола: общее и национально-специфическое (на материале фразеологизмов с компонентом-символом меч / sword / le glaive в русском, английском и французском языках) [Текст] / Г. Т. Безкорвайная, О. В. Ломакина, А. С. Макарова // Филология и культура. Philology and Culture. Филологические науки. Лингвистика. – Казань: КФУ. – 2017. – №4 (50). – С. 6–10.
2. Грамота.py // <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&all=x>
3. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания [Текст] / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184). – Выпуск 22. – С. 181–187.
4. Добросклонская Т. Г. Методы анализа видео-вербальных текстов [Текст] / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2016. – № 2 (12). – С. 13–25.
5. Евангелие. azbyka.ru. // <https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt/Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/19>(дата обращения 09.11.2020).
6. Ломакина О. В., Макарова А. С. Библейские выражения в роли заголовков православных медиатекстов: источники, структура, тематическая доминанта [Текст] / О. В. Ломакина, А. С. Макарова // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума (9-11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. Симферополь: Издательский дом КФУ. – 2020. – С. 231–237.

7. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс: общая характеристика и основные направления развития [Текст] / А. С. Макарова // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы III Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2018 г., г. Орёл, ОГУ имени И.С. Тургенева). Орёл, ОГУ имени И.С. Тургенева. – 2018. – С. 366–370.
8. Макарова А. С. Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатки в медиадискурсе [Текст] / А. С. Макарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Т. 10. – № 2. – С. 273–287. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287.
9. Православие.ру // <https://pravoslavie.ru/98295.html>
10. Православный журнал «Фома» // <https://foma.ru/arhiv> (дата обращения 23.05.2019).
11. Kunyina Olga, Lomakina Olga, Makarova Alexandra Orthodoxy and the World Website as an Example of Modern Religious Discourse // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS, ISSN: 2357-1330). No: 59. Pages: 507–514. [https://doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2019.8.2](https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2019.8.2)

References

1. Bezkorovaynaya G. T. S. *Lingvokul'turologicheskiy potentsial frazeosimvola: obshcheye i natsional'no-spetsificheskoye (na materiale frazeologizmov s komponentom-simvolom mech / sword / le glaive v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh)* [Linguistic and Cultural Potential of Phraseology: Common and Nationally Specific Features (Based on the Phraseologisms with the Symbolic Component Меч / Sword / le Glaive in Russian, English and French)] // *Filologiya i kul'tura*, 2017, № 4, pp. 4–10.
2. Gramota.ru. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&all=x> (accessed 20 November 2020)
3. Dobroslonskaya T. G. *Massmediyny diskurs kak ob'yekt nauchnogo opisaniya* [Mass Media Discourse as an Object of Scientific Description] // *Nauchnyye vedomosti. Seriya Gumanitarnyye nauk*. 2014, No. 13 (184), Release 22, pp. 181–187.
4. Dobroslonskaya T. G. *Metody analiza video-verbal'nykh tekstov* [Methods for Analyzing Video-Verbal Texts] // *Medialingvistika*, 2016, № 2 (12), pp. 13–25.
5. Yevangeliye [Gospel]. azbyka.ru. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie_ot-matfeja/19 (accessed 09 November 2020).
6. Lomakina O. V., Makarova A. S. *Bibleyskiye vyrazheniya v roli zagolovkov pravoslavnykh mediatekstov: istochniki, struktura, tematicheskaya dominanta* [Biblical Expressions in the Role of Titles of Orthodox Media Texts: Sources, Structure, Thematic Dominant] // *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauchnykh statey IV Mezhdunarodnogo simpoziuma (9-11 iyunya 2020 g.)* / ed. G. Yu. Bogdanovich, E. Ya. Titarenko. In 2 volumes. Volume 1. Simferopol: KFU Publishing House, 2020, pp. 231–237.
7. Makarova A. S. *Pravoslavnyy publitsisticheskii diskurs: obshchaya kharakteristika i osnovnyye napravleniya razvitiya* [Orthodox Journalistic Discourse: General Characteristics and Main Directions of Development] // *Kommunikatsiya: izucheniye i obucheniye. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18-19 oktyabrya*

- 2018 g., g. Orol, OGU imeni I.S. Turgeneva)], Oryol. OSU named after I.S. Turgenev, 2018, pp. 366–370.
8. Makarova A. S. *Realizatsiya transformatsionnogo i kreativnogo potentsiala krylatiki v mediadiskurse* [Realization of Transformation and Creative Potential of the Krylatika in Media Discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 10(2), pp. 273–287. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-795-811
 9. *Pravoslaviye.ru* [Orthodoxy.ru]. Available at: <https://pravoslavie.ru/98295.html>
 10. *Pravoslavnyy zhurnal «Foma»* [Orthodox magazine “Thomas”]. Available at: <https://foma.ru/arhiv> (accessed 23 May 2019).
 11. Kunygina Olga, Lomakina Olga, Makarova Alexandra *Orthodoxy and the World Website as an Example of Modern Religious Discourse* // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS, ISSN: 2357-1330), No: 59. pp. 507–514. [https://doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2019.8.2](https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2019.8.2)

THE ROLE OF THE VISUAL COMPONENT IN ORTHODOX MEDIA DISCOURSE

Makarova A. S.

Summary. The article analyzes the role of the visual component in the Orthodox media discourse, which we consider as a set of texts representing a view of events through the Gospel and functioning in the field of mass communication. In the study of Orthodox media content, we have identified the task of Orthodox journalism, which consists in combining the diachronic aspect with the synchronic, that is, the modern with the eternal. Discourse analysis of the material showed the decisive role of the subject matter of publications in choosing the visual component of the covers of the Orthodox magazine “Foma”, allowed to determine the correlation of the verbal and visual parts of the media text and prove that the use of complex methods for analyzing media content helps to reveal the deep processes occurring within the media discourse, and the successful decoding and assimilation of information or ideas in the media text largely depends on the author's ability to include the corresponding visual code in the structure of the media product.

Keywords: orthodox media discourse, discourse, visual component, media text, mass media, pragmalinguistics.

УДК 81'373.2

КОНЦЕПТНОЕ ПОЛЕ «ЕДА» В ЛУГАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Машикович И. А.

*ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР
E-mail: inn5104@yandex.ru*

В статье рассмотрено концептное поле «еда» в луганской региональной картине мира. Еда является универсальной составляющей культуры повседневности любого народа; обладает наибольшей, по сравнению с иными видами материальной культуры, этнической и культурно-бытовой устойчивостью; ей присуща национальная, в том числе и региональная, специфика. В связи с этим концептополе «еда» предоставляет значимую информацию о менталитете, правилах и нормах поведения, восприятии окружающего мира носителями языка, проживающими на определенной территории. Данное концептополе рассмотрено с позиции региональной лингвокультурной маркированности. В исследовании выявлены базовые категории концептного поля «еда», которые представлены в виде центра (ядра), центральной зоны, ближней и дальней периферии. Описано концептное субполе «еда, которую берут с собой» (содержит микрополя: «еда, которую берут с собой преимущественно мужчины», «еда, которую берут с собой преимущественно женщины», «еда, которую берут с собой студенты», «еда, которую берут преимущественно в праздничные дни»), наполнение которого связано с региональными особенностями менталитета жителей. Определено, что региональные наименования блюд служат средством отражения особенностей национального менталитета.

Ключевые слова: концепт, концептополе, концептное субполе, региональная маркированность, менталитет.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в том, что в нем впервые делается попытка охарактеризовать концептополе «еда» в луганской региональной картине мира. Важно отметить, что в системе национальных ценностей концептополе «еда» занимает одну из ключевых позиций. В лингвистике исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Многие исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет язык в качестве системы полей, которые переходят друг в друга, а также взаимодействуют в своих периферийных зонах и имеют многоуровневый характер. Как отмечает В. П. Абрамов, семантическое поле – это упорядоченное множество единиц с общим значением, группирующееся вокруг ядерной семемы [1, с. 25]. Семантическое поле имеет определенную структуру: в нем выделяются ядро, центральная часть и периферия; его единицы в пределах «сфер» семантического поля закономерно связаны различными повторяющимися, регулярными отношениями; также данные единицы часто отличаются и стилистически [1, с. 26–27]. Ученый подчеркивает, что характерные элементы семантического поля – это измерения поля, семантические отношения его единиц, центр и периферия, взаимоотношения данного поля с другими, смежными полями [1, с. 30].

По мнению З. Д. Поповой, И. А. Стернина, полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение [14, с. 7]. Семантическим полем называют иерархическую структуру множества языковых единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу, лексическую категорию высшего порядка, синтезирующую в себе частные категории (синонимия, антонимия и т. п.). С позиции ономастического описания языка, то есть в направлении от определенного смысла к средствам его выражения, есть возможность представить лексику в виде системы взаимосвязанных и взаимодействующих полей, что образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира», определяющуюся его внутренней формой [11, с. 2]. Единицы поля обычно группируются вокруг лексемы, что выражает его общее значение. Несущая общее значение поля единица, а также ее ближайшее окружение образуют ядро семантического поля. Если поле представить в виде сферы, то его единицы будут располагаться слоями на разном удалении от ядра по степени их смысловой близости к общему значению поля, которое наиболее ярко представлено в ядре и центре семантического поля и постепенно угасает при удалении к его периферии [11, с. 15]. Так, Л.А. Новиков представляет структуру семантического поля следующим образом. Поле состоит из ядра (имя поля, общее значение), центра (специализированные классы с более сложным значением) и периферии (вторичные наименования) [11, с. 6].

Е. А. Половинко отмечает, что при конструировании любого семантического поля одинаково важную роль играют и собственно языковые факторы, и внеязыковые. По его мнению, семантическое поле – категория в равной степени лингвистическая и экстралингвистическая. Ученый указывает следующие лингвистические параметры, которые регламентируют выделение и описание конкретного семантического поля: формирование семантического поля производится вокруг избранного интегрального значения, с учетом объективных внешних факторов и реальных возможностей исследователя; в состав семантического поля включаются те лексемы, в семантической структуре которых присутствует сема, которая получила статус интегральной для исследуемой словесной группировки; семантическая структура конститuentов поля квалифицируется с опорой на словарную дефиницию; в соответствии с позицией интегрального семантического компонента в содержании лексической единицы определяется ее место в структуре семантического поля (в ядерной, центральной или периферийной части) [13].

По определению И. М. Кобозевой, поле – это совокупность языковых единиц, которые объединены содержанием, отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [7, с. 99]. Концептополем же называют ментально и семиотически разработанную сферу этнокультурного пространства, которая объединяет концепты как факты культуры [8, с. 54]. Концептуальное поле выступает как своеобразный симбиоз семантических и понятийных полей, поскольку является интегрированным целым, существенные признаки которого формируются через взаимосвязи частей [15, с. 167].

М. В. Пименова отмечает, что концептуальное поле – содержательная категория, которая зафиксирована в языковых единицах. Его структура сформирована благодаря нескольким важным свойствам: «мотивирующим признакам слова, которые непосредственно связаны с историей слова и жизнью его в языке; образным признакам,

которые актуализируются через ту или иную сочетаемость; понятийным признакам, которые так или иначе создают семантическое поле; ценностным признакам, которые, безусловно, скрыто или явно отражают ментальные характеристики этноса» [цит. по: 5, с. 21].

Л. В. Лаенко отмечает, что следует учитывать тот факт, что концептуальное поле является фрагментом концептуальной системы говорящего социума, который отражает этническую шкалу ценностей, в том числе и действующие культурные коды [10, с. 34].

Наименования еды имеют особое культурно-специфичное значение и отражают образ жизни, который присущ определенному языковому коллективу. Восприятие концепта «еда» предполагает наличие культурной и лингвокультурологической компетенции, что обобщает знания, содействует глубокому пониманию природы закрепленного за определенным языковым знаком культурного смысла, в том числе культурных установок и традиций жителей региона [17].

Принимая во внимание тот факт, что пища является важным компонентом культуры каждого народа, проблема изучения концепта «еда» вызывает интерес как лингвистов, так лингвокультурологов, психолингвистов, философов и психологов. Среди ученых, занимающихся изучением структуры и содержания данного концепта, можно выделить М. А. Абакарову, Е. Э. Бариллову, А. Вежбицкую, Ю. В. Вельдину, З. А. Гулова, Ю. Л. Злобина, О. В. Кучкильдтну, Н. С. Марушкину, И. К. Миронову, О. Г. Савельеву и др.

А. Вежбицкая пишет о том, что еда представляет собой межъязыковое лексическое понятие, универсально лексикализованное, а также присутствующее во всех этнокультурных общностях [3, с. 381].

По мнению О. В. Кучкильдиной, еда – основополагающая ценность в жизни человека. Поэтому многие категории концепта «еда» отражены в сознании человека, его менталитете именно в лексических единицах, представляющих продукты питания, с которыми человек часто сталкивается в своей повседневной жизни. Автор отмечает, что концепт «еда» может характеризоваться по-разному: наносить определенный вред здоровью человека (*полуфабрикаты, фаст-фуд, консервы*); отражать культуру поведения за столом, принятия пищи; являться средством поддержания контакта между людьми, улучшения как деловых, так и личных взаимоотношений; еда ассоциируется с приятными ощущениями, побуждающими человека к действию; сопряжена с идеей красоты; представляет собой материальную форму выражения человеческого счастья; связана с музыкой, артистичностью, добродетельностью, как проявлениями жизни; сопоставима с выносливостью, гостеприимством, гигиеной и бизнесом и др. [9, с. 195–196].

Лексема «еда» – высокочастотное слово, которое занимает центральное место в семантическом поле еда: оно обладает довольно большой словосочетательной и деривационной активностью, выражает существенные элементы национальной культуры. Еда – стилистически нейтральное слово, слово с обобщенной семантикой, имеющее обширные ассоциативные связи, а также представляющее страноведческую ценность, так как отражает основную, бесспорно, важную страноведческую информацию [2, с. 91]. Данное слово является, несомненно, знаком базовой категории.

Исследователи сходятся во мнении, что задача описания национальной самобытности непосредственно связана с проблемой взаимопонимания, которая особенно остро ощущается в наше время, когда, с одной стороны, по словам Г. Гачева,

КОНЦЕПТНОЕ ПОЛЕ «ЕДА» В ЛУГАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ...

«народы мира максимально сближаются по образу жизни, быту, производству, культуре, а с другой – обостряется национальная чувствительность» [4, с. 59]. Еда соотносится с различными типами знаний, в ее наименованиях отражаются и ценностные аспекты сознания жителей определенного региона.

Картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила, которая формирует у его носителей представление об окружающем мире через язык как «лингвальный мир» [19, с. 98]. Концептуальная система языка сохраняет все познанное народом. В нем фиксируется картина мира, свойственная определенному народу. Картина мира подвижна, изменчива, она развивается и дополняется новыми сведениями, обусловленными движением человеческой мысли, устремленной к познанию [12, с. 131].

Цель статьи – охарактеризовать концептное поле «еда» в луганской региональной картине мира, выявить его базовые характеристики, описать концептное субполе «еда, которую берут с собой».

Материалом исследования послужили данные, которые были получены путем анкетирования, проведенного среди жителей города Луганска; наблюдения за речью жителей города. В эксперименте приняли участие 450 жителей города (264 женщины и 186 мужчин), возраст которых – от 19 до 57 лет, образовательный статус – среднее, специальное, неоконченное высшее, высшее образование. Реципиентам было предложено дать словесные реакции на предложенные слова-стимулы. Основным методом исследования был метод построения радиальной модели, которая базируется на основе прототипа, структурируется по схеме «центр – периферия» и предполагает существование в категории компонентов, которые входят в центральную зону, ближнюю и дальнюю периферии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, концептополе – «сегмент концептосферы, отвечающий за организацию определенного когнитивно-семантического пространства» [16, с. 174]; концептополя являются объединениями типологически и семантически однотипных концептов [19, с. 88]. Например, в концептополе «еда» в луганской региональной картине мира входят концептные субполя «еда повседневного употребления» (различается по месту употребления блюд в пищу), «еда, которую берут с собой» (на работу, учебу, пикник, в поездки), «еда, привязанная к событиям» (содержит субполя «праздничная еда», «постная еда», «ритуальная еда»), «еда с аксеологической точки зрения» (включает в себя бинарные оппозиции «вкусная еда»/«невкусная еда», «полезная еда»/«вредная еда») и др.

Базовые категории концептополя «еда» в региональной языковой картине мира представлены в виде центра (ядра) – еда, пища; центральной зоны – названия блюд, напитков, продуктов питания, периферии (метафорической и метонимической). Периферийная зона концептополя «еда» в региональной картине мира выражена следующим образом: еда как жизненная необходимость («Без ума проколотишься, а без хлеба не проживешь», «Без еды и воды ни туды, ни сюды», «Без соли, как и без воли, жизнь не проживешь» и др.); еда как праздник (салат оливье, мандарины, холодец (Новый год), салат Мимоза «8 Марта», гусь с яблоками «Рождество», конфеты-николайчики «День Святого Николая», куличи, паски, крашенки (Пасха) и др.); еда как соблюдение традиций («Хлеб всему голова», «Ешь кутью, поминай Кузьму», «В пост редьки хвост» и др.); еда как психологический аспект («Ведет себя, как деловая колбаса», «Они меня

скоро съедят», «Тоска ест сердце», «Целыми днями ест домашних», «Ведет себя, как овощ» и др.); еда как характеристика внешности человека (пальцы как сардельки; голова, как кочан капусты; кожа, как персик; выглядишь, как огурчик; лицо, как кровавая отбивная и др.) и др. Отметим, что в региональной языковой картине довольно обширным является субполе «еда, которую берут с собой», наполнение которого связано с региональными особенностями менталитета жителей.

На содержание концептополя «еда» влияют принятые в каждом определенном обществе представления об образе жизни, менталитете, нормах и правилах поведения, поэтому считаем уместным рассматривать концептополя в аспекте региональной маркированности. Региональная маркированность характеризуется определенной смысловой и функциональной нагрузкой, например, выполняет функцию номинации уникальных региональных явлений. Е. Д. Селифонова отмечает, что чаще всего маркированность национальной специфики создается специфическими для данного народа словами: «Это либо обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры или религии, характерные для какой-то одной страны» [18, с. 65]. По мнению В. И. Теркулова, национальная спецификация обеспечивается именно языком [19, с. 65].

Рассмотрим концептополе «еда, которую берут с собой» в луганской региональной картине мира. В Луганске и области еду, которую берут с собой, называют *тормозок*. Первоначально, так называли обед шахтеров, который они брали с собой, спускаясь в шахту; обычно он состоял из сала или колбасы и хлеба; заворачивались такие продукты в газету (редко в бумагу). Выбор продуктов не случаен, ведь труд шахтеров очень тяжел, из-за чего их организм требует сытной пищи; такая пища не пропадает из-за высокой температуры в шахте.

Данное название, вероятно, закрепилось по следующим причинам. Изначально горячую еду в шахты брали в специальных сосудах – шахтерских термосах (или, как их еще называли, «термосках»). Уместным было использование шахтерами фразы наподобие: «давай достанем термосок и поедим». Со временем горячую пищу в шахты перестали привозить, так как в связи с увеличивающимися темпами добычи угля на это уже не было времени. Однако при этом пищу, которую они брали с собой на работу, продолжали называть термосок, перенеся на нее старое, привычное, наименование. В результате сосуд для горячей пищи термос (термосок) трансформировался в народноэтимологическое наименование *тормозок*, под которым понимали уже любую еду, которую шахтеры брали с собой на работу.

В наше время жители города и области наименование *тормозок* используют не для названия какого-то определенного продукта или продуктов, а для номинации различного рода емкостей, в которые, собственно, они кладут еду на работу, в школу, для пикника или в дорогу, комплексно называя сам сосуд и продукты в нем. В качестве наименования емкостей используют следующие лексемы: *судочек*, *лоточек*, *контейнер* (этот вариант более распространен среди молодежи), *фольга* (используют, если нужно, чтобы пища сохранила свою температуру), иногда *бумага* или *пакет*. Среди жителей Луганска и области очень распространены такие обороты, как *собрать тормозок*, *взять тормозок*, под которыми подразумевают приготовить, собрать и упаковать еду. Особенность *тормозка* заключается в том, что он должен быть компактным, а продукты, входящие в его состав, – питательными, небыстропортящимися и удобными в употреблении. При

КОНЦЕПТНОЕ ПОЛЕ «ЕДА» В ЛУГАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ...

этом сам тормозок должен быть экономным, дешевле, чем поход на обед в кафе или столовую. Достаточно распространено в данном регионе и название *перекус*.

Рассмотрим концептное субполе «еда, которую берут с собой» в луганской региональной картине мира.

1. Концептное субполе «еда, которую берут с собой» включает в себя такие наиболее частотные категории:

1.1. *Еда, которую берут с собой преимущественно мужчины:*

1.1.1. горячая еда:

– *горяченькое* (борщ или суп различных видов в термосе, которые в основном берут люди, работающие посуточно);

– *бомжики* – то есть еда быстрого приготовления (их называют так из-за низкой стоимости; они же *бич-пакеты*: лапша, картофель и т.д.; их употребляют преимущественно холостые мужчины; когда возникла необходимость срочно выйти на работу и не было времени собрать полноценный тормозок; когда есть финансовые трудности);

1.1.2. мясные блюда:

– *отварное мясо, запеченное мясо* (так как оно питательное, но при этом не жирное и не требует разогрева);

– *сардельки, сардели*;

– *котлеты мясные* (преимущественно из куриного мяса, так как оно более доступно для большинства жителей);

– *фаршированный мясной рулет* (его также называют мясной рулет «Луганский»);

– *перец, фаршированный мясом*;

– *ленивые отбивные*;

– *блинчики с мясными начинками* (преимущественно из курицы, говядины, свинины, печени с пережаренным луком);

– *ежики* (котлеты из рубленого мяса);

– *биточки мясные, отбивные* (чаще всего из куриного мяса);

– *пельмени, пельмеши, пельменки* (преимущественно покупные);

– *яйца вареные куриные* и т. д.

1.1.3. блюда из животного жира:

– *соленое сало с прожилками, сало и др.*

1.1.4. блюда, приготовленные из яиц:

– *яйца вареные куриные* и т. д.

1.1.5. блюда, приготовленные из круп:

– *каша гречневая, греча, гречка*;

– *каша рисовая*;

– *каша перловая, перловка, перловочка* и т. д.

1.1.6. блюда, приготовленные из овощей:

– *картофель, картошка, картофан*;

– *картошка в мундире*;

– *картошка вареная*;

– *мятка, толченка* (картофельное пюре);

– *запеканки* (как мясные, так и сборные, выбор зависит от достатка в семье, а также времени года);

– *овощные запеканки* и т.д.

1.1.7. макаронные изделия: *макароны, макароники, спиральки, ракушки и т.д.*

1.1.8. хлебобулочные изделия:

– *хлеб серый или черный* (так как меньше крошится, чем белый, и поэтому более удобен в употреблении, а также является более сытным);

– *батон «Луганский» нарезанный;*

– *таковая булка* (она же *булка с таким*, то есть булка без начинки, которая является универсальной в употреблении, ее можно совмещать как с солеными, так и сладкими продуктами);

– *пирог* (пирожки с начинками);

1.1.9. блюда к чаю:

– *бутерброды;*

– *бутеры с колбасой и сыром;*

– *чайная колбаса* (вареная колбаса без сала, из которой делают бутерброды к чаю, стоимость ее невысокая) и др.

1.2. *Еда, которую берут с собой преимущественно женщины:*

1.2.1. горячие блюда:

– *горячая чашка, горячая кружка* (супы из пакетов быстрого приготовления);

1.2.2. хлебобулочные изделия:

– *сухие хлебцы злаковые с различными добавками* (являются либо низкокалорийными, либо не содержат калорий);

– *хлеб «Добродиевский»* (по наименованию торговой марки «Добродия»);

– *хлеб «Спаровский»* (по наименованию производителя «Спар») и т.д.

1.2.3 мясные блюда:

– *мясо отварное* (преимущественно куриное, т.к. является диетическим и доступным);

– *домашний лаваш с курицей и овощами* и т.д.

1.2.4. рыбные блюда:

– *запеченная рыба;*

– *обжорики* (котлеты рыбные) и т.д.

1.2.5. салаты:

– *салаты овощные;*

– *салаты с курицей;*

– *салаты с буряком*, то есть *свеклой* (чаще употребляется в осенне-зимний период) и т. д.

1.2.6. молочные блюда:

– *йогурт;*

– *творожок, творожная масса;*

– *сладкие сырки/сырочки;*

– *плавленные сырки/сырочки* и т. д.

1.2.7. блюда к чаю:

– *вкусняшки к чаю* (разнообразные сладости к чаю);

– *бутерброды, бутеры* (с колбасой, сыром);

– *булочки «Добродиевские»* (по наименованию торговой марки «Добродия»);

– *булочки «Спаровские»* (по наименованию производителя «Спар»);

– *сладкие колбаски* (смесь из печенья, сгущенного молока и орехов) и т. д.

1.2.8. блюда, приготовленные из круп и злаков:

- мюсли;
- хлопья;
- каши быстрого приготовления;
- каша гречневая, гречка, гречечка;
- каша рисовая и т. д.

1.2.9. блюда из овощей:

- тушеные овощи;
- тушеная капуста;
- винегрет и т. д.

1.2.10. фрукты:

- сезонные фрукты;
- тропические фрукты и др.

1.3. Еда, которую берут с собой студенты:

- бутики, бутеры (бутерброды с колбасой или сыром);
- бомжики, бич-пакеты (особенность заключается в том, что их молодежь употребляет в качестве перекуса в сухом виде);

- снеки, хрустики;
- сосиска в тесте;
- горячий кот (беляши) и др.

1.4. Еда, которую берут преимущественно в праздничные дни:

1.4.1. хлебобулочные изделия (для бутербродов):

- бутербродный хлеб (нарезанный);
- хлеб «Бородинский»;
- батон «Луганский» нарезной/нарезанный;
- хлеб янтарный с изюмом;

1.4.2. мясные изделия:

- луганские деликатесы (колбасные изделия местного производителя);
- колбасы ЛД (колбасы торговой марки «Луганские деликатесы»);
- буженина, буженинка;
- мясные пальчики;
- мясные отбивные;
- ленивые отбивные и т. д.

1.4.3. молочные изделия:

- твердые сыры (сыры твердых сортов);
- сырные нарезки;
- сырные намазки;
- сырные закуски и т. д.

1.4.4. десерты:

- мынтусы, ментосы (то есть вкусоности/сладости не на каждый день);
- лучиановские десерты (десерты производителя «Лучиано»);
- Шахтерский торт (популярен в любое, даже жаркое, время года, благодаря особой рецептуре; состоит из куса черного, как уголь, горького шоколада и в оригинальном исполнении имеет сверху оформление в виде терриконов (конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте);
- пасхи, паски, куличи, куличики (в период празднования Пасхи) и т. д.

1.4.5. блюда из овощей:

- *овощные нарезки*;
- *соленья* (консервированные огурцы, помидоры, грибы, оливки, квашеная капуста)

и т. д.

1.4.6. фруктовые блюда:

- *фруктовые нарезки*;
- *сезонные ягоды* и др.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования выявлены базовые категории концептного поля «еда», которые представлены в виде центра (ядра), центральной зоны и периферии (метафорической и метонимической). Определено, что в луганской региональной картине мира одной из базовых категорий концептополя «еда» выступает концептное субполе «еда, которую берут с собой», которое включает в себя следующие микрополя: «еда, которую берут с собой преимущественно мужчины» (включает 37 наиболее частотных лексем), «еда, которую берут с собой преимущественно женщины» (включает 30 наиболее частотных лексем), «еда, которую берут с собой студенты» (включает 8 наиболее частотных лексем), «еда, которую берут преимущественно в праздничные дни» (22). Рассматриваемое субполе является довольно обширным, включает в себя наименования высококалорийной (обилие мясных и мучных блюд, каш и др.), доступной и удобной в употреблении пищи. Этот факт можно объяснить тем, что в Луганске и области сосредоточено много промышленных предприятий, требующих от рабочих высокой затраты энергии. Наблюдается также обилие в рационе овощных и зерновых культур, так как плодородные черноземы региона являются оптимальными для их выращивания. Найдены отличия в рационе питания жителей разных полов и возрастов, что связано преимущественно с видом их деятельности (у мужчин чаще всего тяжелая работа на производстве, у женщин – офисная, менее физически активная; для мужчин важна питательность блюд, для женщин – легкость и низкокалорийность, для студентов характерен легкий и быстрый перекус между парами и т.д.). Определено, что в Луганске и области для названия «еды, которую берут с собой» существует региональное наименование «тормозок», которое связано со спецификой местной речи. Выявлено, что региональные названия блюд могут служить средством отражения особенностей национального менталитета жителей.

Список литературы

1. Абрамов, В. П. Семантические поля русского языка: монография / В. П. Абрамов. – М., Краснодар, 2003. – 338 с.
2. Багана, Ж. Понятие «Еда» как отражение национально-культурной специфики (на материале группы «Домашняя птица» в немецком и русском языках) / Ж. Багана, Я. Ю. Кравец // Вестник ИГЛУ. – 2013. – №1. – С. 90–93.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура // А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – комос кочевника, земледельца и горца / Г. Д. Грачев. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
5. Зубарева, Е. О. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме / Е. О. Зубарева, С. В. Шустова, Е. В. Исаева // Евразийский гуманитарный журнал. –

2019. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-pole-v-sovremennoy-lingvisticheskoy-paradigme>.
6. Клименко, Н. Ф. Роль антонімії у формуванні семантичних полів / Н. Ф. Клименко // Лексична семантика в системі «людина – машина». – К.: Наукова думка, 1986. – С. 25–51.
7. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
8. Кошарная, С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород: БелГУ, 2002. – 288 с.
9. Кучкильдина, О. В. Обозначение концепта «Еда» в устойчивых выражениях, цитатах и афоризмах русского, английского и немецкого языков // Вестник ЧГПУ. – 2013. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/oboznachenie-kontsepta-eda-v-ustoychivyh-vyrazheniyah-tsitatah-i-aforizmah-russkogo-angliyskogo-i-nemetskogo-yazykov>.
10. Лаенко, Л. В. Концептуальное поле как способ организации лексикона носителя английского языка / Л. В. Лаенко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-pole-kak-sposob-organizatsii-leksikona-nositelya-angliyskogo-yazyka>.
11. Новиков, Л. А. Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Избр. труды. Том II. Эстетические аспекты языка. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 554-570.
12. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ, 2013. – №2(54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya>.
13. Половинко, О. О. Лінгвістичні та екстралінгвістичні фактори наповнення семантичних полів у сучасній російській літературній мові (семантичнеполевік): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня кандидат афілологічних наук за спеціальністю 10.02.02 «Російська мова» / О. О. Половинко. – Дніпропетровськ, 2006. – 21 с.
14. Попова, З. Д. Полевые структуры в системе языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. – 196 с.
15. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.
16. Приходько, А. Н. Система и структура концептокорпуса / А. Н. Приходько // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2015. – №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-i-struktura-kontseptokorpusa>.
17. Савельева, О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: На материале русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. Г. Савельева. – Краснодар, 2006. – 24 с.
18. Селифонова, Е. Д. Этнокультурный аспект отражения картины мира (на примере русских и английских фразеологизмов с моносемными компонентами) / Е. Д. Селифонова // Фразеология и межкультурная коммуникация. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2002. – Ч. 2. – С. 65–68.

19. Теркулов, В. И. Основы когнитивной лингвистики: учебное пособие / В. И. Теркулов. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 110 с.

References

1. Abramov V. P. *Semanticheskie Polja Russkogo Jazyka*: Monografija. Moscow, Krasnodar, 2003. 338 p.
2. Bagana Zh. *Ponjatie «Eda» kak Otrazhenie Nacional'no-Kul'turnoj Specifiki (na Materiale Gruppy «Domashnjaja Ptica» v Nemeckom i Russkom Jazykah)*. Vestnik Iglu., 2013. №1. p. 90-93.
3. Vezhbickaja A. *Jazyk. Kul'tura*. Moscow: Pusskie Slovori, 1996. 416 p.
4. Gachev G. D. *Nacional'nye Obrazy Mira. Evrazija – Komos Kochevnika, Zemledel'ca i Gorca*. Moscow: Institut DIDIK, 1999. 368 p.
5. Zubareva E. O. *Kontseptual'noe Pole v Sovremennoj Lingvisticheskoj Paradigme*. Evrazijskij Gumanitarnyj Zhurnal, 2019. №3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-pole-v-sovremennoj-lingvisticheskoy-paradigme>.
6. Klimenko N. F. *Rol Antonimii u Formuvanni Semantichnih Poliv*. Leksichna Semantika v Sistemi «Ljudina-Mashina». K.: Naukova dumka, 1986. p. 25-51.
7. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaja semantika*. Moskva: Jeditorial URSS, 2000. 352 p.
8. Kosharnaja S. A. *Mif i jazyk: Opyt Lingvokul'turologicheskoy Rekonstrukcii Russkoj Mifologicheskoy Kartiny Mira*. Belgorod: BelGU, 2002. 288 p.
9. Kuchkil'dina O. V. *Oboznachenie Koncepta «Eda» v Ustojchivyh Vyrazhenijah, Citatah i Aforizmah Russkogo, Anglijskogo i Nemeckogo Jazykov*. Vestnik Chgpu. 2013. №2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/oboznachenie-kontsepta-eda-v-ustoychivyh-vyrazhenijah-tsitatah-i-aforizmah-russkogo-anglijskogo-i-nemetskogo-yazykov>.
10. Laenko L. V. *Kontseptual'noe Pole kak Sposob Organizacii Leksikona Nositelja Anglijskogo Jazyka*. Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2012. №1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-pole-kak-sposob-organizatsii-leksikona-nositelya-anglijskogo-yazyka>.
11. Novikov L. A. *Jeskiz Semanticheskogo Polja*. Izbr. Trudy. Tom II. Jesteticheskie Aspekty Jazyka. M.: Izd-vo RUDN, 2001. p. 554-570.
12. Pimenova M. V. *Tipy Konceptov i Jetapy Kontseptual'nogo Issledovanija*. Vestnik Kemgu. 2013. №2 (54). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya>.
13. Polovinko O. O. *Lingvistichni ta Ekstralingvistichni Faktori Napovnennja Semantichnih Poliv u Suchasnij Rosijs'kij Literaturnij Movi (Semantichne Pole Vik)*: Avtoref. Dis. na Zdobuttja Naukovogo Stupenja Kandidata Filologichnih Nauk za Special'nistju 10. 02. 02 «Rosijs'ka mova». Dnipropetrovs'k, 2006. 21 p.
14. Popova Z. D. *Polevyje Struktury v Sisteme Jazyka: Monografija*. Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. Un-ta, 1989. 196 p.
15. Prihod'ko A. N. *Sistema i Struktura Konceptokorpusa. Mnogojazychie v Obrazovatel'nom Prostranstve*. 2015. №7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-i-struktura-kontseptokorpusa>.
16. Prihod'ko A. N. *Koncepty i Konceptosistemy*. Dnepropetrovsk: Belaja E. A., 2013. 307 p.

17. Savel'eva O. G. *Koncept «Eda» kak Fragment Jazykovoj Kartiny Mira: Leksiko-Semanticheskij i Kognitivno-Pragmaticheskij Aspekty: na Materiale Russkogo i Anglijskogo Jazykov: Avtoreferat Dis. Kandidata Filologicheskikh Nauk: 10.02.19. Krasnodar. 2006. 24 p.*
18. Selifonova E. D. *Jetnokul'turnyj Aspekt Otrazhenija Kartiny Mira (na Primere Russkih i Anglijskih Frazologizmov s Monosemnymi Komponentami)*. Tula: Izd-Vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2002. Ch. 2. pp. 65–68.
19. Terkulov V. I. *Osnovy Kognitivnoj Lingvistiki: Uchebnoe Posobie*. Doneck: Donnu, 2019. 110 p.

CONCEPT FIELD «FOOD» IN THE LUGANSK REGIONAL PICTURE OF THE WORLD

Mashkovich I. A.

Summary. In the article the conceptual field «food» in the Luhansk regional picture of the world is examined. Food is a universal component of the culture of everyday life of any people; has the greatest, in comparison with other types of material culture, ethnic and cultural and household stability; it has national, including regional, specificity. In this regard, the concept field «food» provides meaningful information about the mentality, rules and norms of behavior, the perception of the world around by native speakers living in a certain territory. This concept field is considered from the point of view of regional linguocultural marking. The study identified the basic categories of the concept field «food», which are presented in the form of a center (core), a central zone, near and far periphery. The conceptual subfield «food that you take with you» is described (contains microfields: «food that mainly men take with them», «food that mainly women take with them», «food that students take with them», «food, which is taken mainly on holidays»), the content of which is associated with the regional peculiarities of the mentality of the inhabitants. It is determined that regional names of dishes serve as a means of reflecting the peculiarities of the national mentality.

Keywords: concept, concept field, concept subfield, regional marking, mentality.

УДК 81'373.211Сельвинский

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АСТИОНИМА «БАЛАКЛАВА»
(НА МАТЕРИАЛЕ «КРЫМСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» И. СЕЛЬВИНСКОГО)**

Петров А. В.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: liza_nada@mail.ru*

В статье проанализированы изобразительно-выразительные средства, используемые И. Сельвинским в «Крымской коллекции», для описания поэтонима Балаклава. Прокомментирован выбор языковых средств, которые в совокупности создают целостный образ крымского города. История Крыма и частично биография автора положены в основу формирования всего поэтического цикла. В «Крымскую коллекцию» входят, в частности, один дубликат (для Балаклавы) и одна лакуна, которые стали определённым структурным элементом цикла, элементом недосказанности и загадочности, что, в свою очередь, повышает уровень метафоричности стихотворения. В исследовании проанализировано содержание поэтонима Балаклава и его дубликата, то есть второй версии стихотворения, имеющей некоторые отличия от подлинника. Функция дубликата заключается в том, чтобы дать возможность читателю стать соучастником творческого процесса. Важно воспринимать включение дубликата в «Крымскую коллекцию» через призму мировоззрения И. Л. Сельвинского и через его понимание «читателя стиха».

Ключевые слова: «Крымская коллекция» И. Сельвинского, поэтоним, поэтоним Балаклава, дубликат, астионимы Крыма, изобразительно-выразительные средства.

ВВЕДЕНИЕ

И. Л. Сельвинский – один из величайших поэтов XX века, который внес значительный вклад в развитие лирики и прозы о Крыме. Большую роль в сельвинсковедении играют сборники, издающиеся с 2002 года по материалам Крымских чтений И. Л. Сельвинского, в которых участвуют лингвисты, литературоведы, искусствоведы, краеведы, историки, а также сотрудники Дома-музея поэта в Симферополе. Итогом многолетнего содружества ученых и краеведов стала фундаментальная монография «“За горизонт зовущий”: Художественный мир И. Сельвинского (К 120-летию со дня рождения поэта)» [5]. Ярким примером авторской лирики И. Сельвинского является «Крымская коллекция», состоящая из 11 стихотворений, каждое из которых названо именем крымского города, одного дубликата и одной лакуны [9]. Произведение было создано в период с 1918 по 1929 годы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что «Крымская коллекция» стихотворений И. Сельвинского представляет собой концентрированное собрание важной информации о Крыме первой половины XX века. Посредством раскрытия основных идей, связи между биографией писателя и историей полуострова выявляем смысл поэтонима Балаклава, включенного в «Крымскую коллекцию», и стремимся возродить интерес к творчеству поэта.

Цель статьи – раскрыть содержание поэтонима Балаклава из цикла И. Сельвинского «Крымская коллекция».

Термин «поэтоним» ввел в научный оборот профессор В. М. Калинин. Поэтоним – «имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой» [6]. Авторское слово приобретает новые оттенки значения в контексте, будучи осмыслено сквозь призму сознания писателя.

Анализ проблемы. В 2011 году в журнале «Культура народов Причерноморья» была опубликована статья крымских исследователей «Портрет Крыма “кисти” И. Сельвинского» [3]. Работа посвящена анализу вклада поэта в русское стихотворное кримведение, а также описанию индивидуально-авторских особенностей «Крымской коллекции». Авторы выделяют основные закономерности в раскрытии астионимов стихотворного цикла. Главное достижение исследователей, на наш взгляд, заключается в том, что они определили ключевую особенность всех произведений коллекции – включение в описание крымских городов трех аспектов восприятия: звукового, зрительного и одористического.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Балаклава в период создания цикла имела статус города. Путешествуя по Крыму, поэт настолько был впечатлен этим городом, что написал не одно стихотворение, а два. Второе, по сути, является дубликатом первого, как было отмечено самим поэтом. На первый взгляд может показаться, что стихотворения идентичны. Однако они отличаются отбором лексики, а также тонкостями в передаче окружающей действительности. Каждое слово в них несет определенный посыл, поэтому изменение одной лексической единицы может нарушить образ города, созданный автором. Для того чтобы передать «двойственность ощущений», И. Сельвинский изменил некоторые лексемы, которые привели к созданию нового образа Балаклавы. Результатом творческого переосмысления образа города является стихотворение «Балаклава (дубликат)». Термин «дубликат» определяется как «второй экземпляр документа, копия, заменяющая самый подлинник» [8, 1, с. 808]. Однако в «Крымской коллекции» он употребляется в значении «вторая версия стихотворения, которая имеет некоторые отличия от подлинника». Термин «подлинник» используем для удобства сравнения стихотворений, анализируя оппозицию «подлинник – дубликат».

Оба стихотворения начинаются с упоминания солнца, но в его описании есть отличия. Под солнцем, колокольно-гулким... [9, с. 38] – такое начало первого стихотворения рисует сакральную картину города. Поэт дает читателю возможность услышать тот самый гул улиц Балаклавы, который он сам когда-то слышал. В Балаклаве множество монастырей и храмов, которые издают колокольный звон, который в совокупности с шумом толпы, другими посторонними звуками создает гул. Поэт передал читателю и картину, и звучание происходящего.

Под солнцем, белым и гулким... [9, с. 39] – начальная словоформа первой строки дубликата повторяет подлинник. В дубликате автор не использует сложное слово. Это аргументируется двумя причинами: невозможностью образовать сочетания «бело-гулкий» или «гулко-белый» и объединить в одно эти два признака: белый цвет

символизирует картину чистоты, свежести, воздушности города и контрастирует с гулом толпы. Подчеркнем, белый цвет является в «Крымской коллекции» самым активным. Он упоминается и в других стихотворениях цикла, например, в «Евпатории», «Форосе», «Симеизе», «Ялте».

Лежит она, каналья, / Венецианским переулком... В дубликате поэт лишь изменил порядок слов. Лексема «каналья» в функции обращения передает шутливый, мнимо бранный оттенок. В следующих строках город сравнивается с «венецианским переулком». Причем в прилагательном графически выделена гласная первого слога. Венеция – это итальянский город, который известен своими водными каналами и протоками. Особенность переулков Венеции заключается в том, что они одновременно являются берегами каналов и соединяются мостами [11]. Сочетание «венецианский переулком» используется в форме творительного метафорического. Поэт сравнил узкие, переплетенные улицы и переулки прекрасного итальянского города, который еще называют «городом любви», и Балаклаву. Так автор плавно переходит к главным характеристикам города, к сути стихотворения.

Четверостишие завершается строкой По сторонам канала – в подлиннике, и По берегам – канала – в дубликате. «Канал» – это отсылка к Венеции, как и в предыдущей строке. Отметим различие в лексемах «сторона» и «берег». «Сторона» – это «направление; пространство или местность, расположенные в каком-н. направлении от чего-н.» [8, IV, с. 536], «берег» – это «край земли у водной поверхности» [8, I, с. 128]. Отличие заключается в том, что «сторона» – более широкое понятие, чем «берег». Характеризуя части Балаклавы таким образом, поэт по-разному представляет ее деление. Стороны являются частями целого, а берега передают четкие границы, которые не едины. В дубликате поэт поставил пунктуационный знак – тире, которого нет в подлиннике. В этой же строке курсивом выделена гласная в предложении по.

Стеклянной лупой щирит щебень, / Усы и гнезда рачьи / Аквамаринная прозрачность... [9, с. 38] – И деформирует щебень, / Усы и хвост рачий. / Аквамаринная прозрачность... [9, с. 39]. Так начинается второе четверостишие стихотворения. Глагол «щирить» является авторским новообразованием, соотносится с поэтическим субъектом «аквамаринная прозрачность». И. Сельвинский использовал прием аллитерации в первом варианте стихотворения, повторяя звук [ш'] (щирит щебень). Отметим, что поэт, описывая особенности моря у Балаклав, за основу берет один образ, но в каждом стихотворении раскрывает его по-разному. В первом – представлена картина, когда аквамаринная прозрачность, то есть морские волны, подобно стеклянной лупе, исследуют щебень. Автор направляет внимание читателя на мельчайшие природные особенности, такие, как галька, цвет воды, который имеет прозрачно-аквамаринный оттенок, а также фауна Балаклав (раки). В подлиннике изображена картина поиска морскими волнами мест обитания раков, а также показано то, как под влиянием морских вибраций развеваются рачьи усы.

В дубликате также описывается процесс воздействия морских волн на щебень, но уже с иной стороны. Здесь морские волны деформируют щебень. Под воздействием моря изменяется структура мелких камней, сглаживается их форма. В дубликате используется знак препинания точка, которая отсутствует в подлиннике. Чтобы заинтриговать читателя, автор строит это предложение без субъекта действия, который обозначен уже в следующей строке.

«Аквамаринная прозрачность» изображена нестандартно как в подлиннике, так и в дубликате. «Аквамарин» – это ‘драгоценный камень зеленовато-голубого цвета’ [8, I, с. 20]. Поэт описал морские волны, которые обладают сочетанием множества признаков – прозрачности, белого цвета и голубовато-зеленого, как у изумруда. И. Сельвинский использует разные предикаты: в подлиннике «аквамаринная прозрачность» Играющая небом, а в дубликате – Выложенная небом. Адъектив «играющая» характеризует волну как динамичное явление, которое мелькает, переливается. Вследствие зеркального свойства поверхности воды в ней отражается небо, поэтому «играющая небом» значит то, что отраженная картинка неба в воде все время меняется, «играет». Лексема «выложенная» передает то, как изображение неба легло на морскую гладь, отразилось в ней, напомнило мозаику.

А пляж, эротикой зажженный, / Катают, точно дыни... [9, с. 38] – в подлиннике и А пляж, эротизмом зажженный, / Катают, как дыни... [9, с. 39] – в дубликате. Поэт вводит новый образ, который косвенно упоминался и в предыдущих стихотворениях, – это образ пляжа. Балаклава – курортный город, люди приезжают сюда отдыхать и купаться. На пляже все надевают открытую купальную одежду: «пляж, эротикой зажженный». «Эротика» – это ‘чувственность, чувственный в ком-чем-н.’ [8, IV, с. 1431]. Лексическая единица в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова имеет помету книжное, что указывает на ее стилистическую закрепленность. Поэт отбирал ту лексику, которая не сведет описание изображаемого к пошлости. В дубликате это слово заменено однокоренным – «эротизм», которое отличается от эротики степенью чувственности: «эротизм» – ‘чрезмерная чувственность’ [8, IV, с. 1431]. Описание пляжа у И. Л. Сельвинского особое, так как ему удалось, не снижая стиль, представить все тонкости пляжной картины, которую он увидел.

В стихотворении «Балаклава» автор сравнивает способность дынь катиться с разных поверхностей и ситуацию на пляжах города, когда людей так много, словно дынь летом, и они как будто катятся по пляжу. Сравнительная конструкция в подлиннике и дубликате оформляется при помощи разных союзов.

Порнографический Джорджоне, / Боккаччио бесстыдный – в подлиннике и Порнографический (эс) / Джорджионе, / (Эс) Бокаччо бесстыдный... – в дубликате. «Порнография» – это ‘непристойность, крайняя циничность в изображении половых отношений’ [8, III, с. 604]. При сравнении двух стихотворений необходимо провести градацию терминов «эротика», «эротизм», «порнография», которые отличаются степенью натуралистичности. Автор постепенно переходит от общего понятия «эротики» к более низкому – «эротизму», а потом и к «порнографии».

Порнографическим поэт называет Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, более известного, как Джорджоне. И. Сельвинский отметил различия в переводе прозвища художника и в дубликате использовал вторую версию – Джоржионе, подобную итальянскому Giorgione. Джорджоне – это итальянский художник, представитель венецианской школы живописи периода Высокого Возрождения [11]. Главная особенность его творчества – поэтическое представление о богатстве таящихся в мире и человеке жизненных сил, присутствие которых раскрывается в состоянии всеобщей молчаливой одухотворенности [11]. Художник большое внимание уделял пейзажу, в котором человек и природа находятся в единстве. Нередко он изображал обнаженных женщин. Исходя из перечисленных особенностей творчества Джорджоне, можно говорить о сходстве картин художника и картины на балаклавском пляже, нарисованной

И. Сельвинским. Поэт упоминает фамилию и другого известного творца – Джованни Боккаччо. Итальянское написание фамилии употребляется в дубликате, а в подлиннике выделена форма Боккаччио, что, в свою очередь, уравнивает употребление вариантов итальянских фамилий в двух стихотворениях. Джованни Боккаччо – это итальянский писатель и поэт, представитель литературы эпохи Раннего Возрождения [11]. Его творчество проникнуто идеями гуманизма, духом свободомыслия, а также жизнерадостным юмором. Различаются строки и оформлением сравнения: конструкция «точно дыни» отделяется запятыми – в подлиннике и «как дыни» с запятой и тире – в дубликате.

Здесь пеня пьют, как вина... [9, с. 38] – подлинник, Здесь пеня пьют, как вина... [9, с. 39] – дубликат. Единственное отличие в этих строках в слове «пеня», употребленном во мн. числе в несвойственном ему значении 'то, что исполняют под гитару' [8, III, с. 82], которое в дубликате подано в виде фонетического варианта «пенья». Отметим прием аллитерации, который применяется с целью привлечь внимание читателя именно к этому элементу описания: пеня пьют.

Здесь дышат под гитары – / Балаклавские гетеры / И боги Наркомфина... – подлинник, Здесь в воду летят, как в термы¹, / С балаклавскими гетерами / Фавны из Наркомфина... – дубликат. Строки объединяют образы балаклавских гетер и богов / фавнов из Наркомфина. В подлиннике окружение слова «гитары» необычно, так как под мелодии этого инструмента обычно либо поют, либо переживают какие-либо чувства, но И. Сельвинский в «Крымской коллекции» выступает новатором, творцом, преобразователем, поэтому типичные окружения и сравнения обеднили бы образ города. Здесь поэт, возможно, подразумевает спокойствие и особое состояние, в которое все погружаются при звуках гитары: исчезает стремление к активности, хочется вдыхать ароматы, мелодии, получать удовольствие. «Гетера» – 'в Древней Греции – незамужняя женщина, ведущая свободный образ жизни, привлекавшая мужчин своими артистическими способностями и образованием' [8, I, с. 555]. Наркомфин (Народный комиссариат финансов СССР) – это центральный государственный орган управления финансами в СССР в 1923–1946 годах. Географическая отдаленность изображаемого, а также отсылки к разным городам усиливают образ Балаклавы. Венеция, Древняя Греция, Москва – таков круг ассоциаций поэта. В одном ряду названы порочные гетеры и влиятельные личности из Наркомфина – такое возможно было только у И. Сельвинского, так как о правительственных органах говорить так осмеливался отнюдь не каждый. Гетеры в стихотворениях не балаклавские, а балаклавские; в имени прилагательном на морфемном шве появляется отрезок *ян*, что косвенно соотносено с заимствованием «гетера». Боги из Наркомфина – это влиятельные люди, ответственные за финансовое состояние государства. В этом контексте поэту необходим был парный образ, поэтому за основу были взяты греческие образы богов и гетер, а наполнением образов послужили представители Наркомфина.

В дубликате продолжается действие, которое описано в подлиннике. Сначала балаклавские гетеры и боги Наркомфина появляются как персонажи, которые статичны, они дышат и получают удовольствие от звучащих мелодий, но в дубликате они летят, как в термы. Это значит, что статика в подлиннике сменяется динамикой в дубликате. Поэт дает сноску-толкование для слова «термы» – 'античные бани' [9, с. 39]. Это поддерживает греческую основу образов. Власть имущих И. Сельвинский называет «богами», а в дубликате – «фавнами». Выбор субстантива «боги» достаточно прозрачен,

он образно высвечивает главенствующую роль отдельных лиц государства, лексема «фавны» (фавн ‘в римской мифологии – лесной полубог’ [8, IV, с. 1048]), употребляясь с иронической коннотацией, бесспорно обладает ярким образно-ассоциативным потенциалом. К тому же заключительные строки стихотворений имеют различное синтаксическое построение. В подлиннике употребляются однородные члены предложения: однородные подлежащие «гетеры» и «боги» представлены как равноправные действующие лица, в дубликат же вносятся коррективы: лексема «фавны» выдвигается в позицию подлежащего (главного члена предложения), а субстантив «гетеры» является дополнением с предлогом с. Таким образом, расставлены акценты в ролевой функции персонажей и с помощью синтаксических средств языка.

ВЫВОДЫ

«Балаклава» и «Балаклава (дубликат)» – два стихотворения, посвященные одному городу. Другие стихотворения «Крымской коллекции» не имеют дубликата. Анализируемые стихотворения отличаются подбором лексики, образным употреблением лексических единиц и тонкостями в передаче действительности. Этой же задаче подчинены и фонетические, и графические, и пунктуационные средства языка. Поэт описывает город через особенности солнца, которое обладает не только цветом, свойством излучать тепло, но которое и звучит. Дубликат выполняет функцию дополнения подлинника. Эпоха отражена в описании города через образы античных персонажей, которые представлены в сочетании с реалиями советского времени.

Список литературы

1. Гаврилюк, В. Л. Об интегративности художественного мышления Ильи Сельвинского [Текст] / В. Л. Гаврилюк // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Вып. 3 : И. Сельвинский: Проблема творческой индивидуальности. – Симферополь : Крымский Архив, 2004. – С. 15–24.
2. Гаврилюк, В. Л. Концептуальное содержание и истоки образа-понятия «читатель стиха» в творческом сознании Ильи Сельвинского [Текст] / В. Л. Гаврилюк // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Вып. 7 : Поэт и читатель стиха. – Симферополь : Крымский Архив, 2010. – С. 14–19.
3. Дайнеко, Л. И. Портрет Крыма «кисти» И. Сельвинского [Текст] / Л. И. Дайнеко, Е. И. Пашеня // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2011. – № 210. – С. 26–31.
4. Дайнеко, Л. И. Материалы к научной биографии И. Л. Сельвинского [Текст] / Л. И. Дайнеко // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Вып. 11 : Автобиографические жанры и автобиографизм в русской художественной литературе. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. – С. 30–43.
5. «За горизонт зовущий»: Художественный мир И. Сельвинского (К 120-летию со дня рождения поэта): коллект. монография [Текст] / Отв. ред. д. филол.н. А. П. Люсый ; Ред.-сост. д. филол. н. А. В. Петров и Л. И. Дайнеко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 356 с.
6. Калинин, В. М. Знакомьтесь: поэтонимология [Текст] / В. М. Калинин // Вестник Тамбовского университета. – Вып. 4 (8) – Тамбов, 2016. – С. 18–27.

7. Макарова, С. А. Художественные смыслы музыкальной терминологической лексики в лирике И. Л. Сельвинского [Текст] / С. А. Макарова // Русская речь. – Вып. 2. – М., 2020. – С. 105–114.

Словари

8. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. [Текст] / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.

Источник

9. Сельвинский, И. Л. Избранное [Текст] / И. Л. Сельвинский. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2007. – 72 с.

Интернет-источники

10. Балаклава. Режим доступа – <https://ru.wikipedia.org/wiki/Балаклава>
11. Джорджоне. Режим доступа – <https://ru.wikipedia.org/wiki/Джорджоне>

References

1. Gavriljuk, V. L. *Ob integrativnosti hudozhestvennogo myshlenija Il'i Sel'vinskogo* / V. L. Gavriljuk // Vestnik Krymskikh chtenij I. L. Sel'vinskogo. – Vyp. 3 : I. Sel'vinskij: Problema tvorcheskoy individual'nosti. – Simferopol' : Krymskij Arhiv, 2004. – S. 15–24.
2. Gavriljuk, V. L. *Konceptual'noe sodержanie i istoki obraza-ponjatija «chitatel' stiha» v tvorchestvom soznanii Il'i Sel'vinskogo* / V. L. Gavriljuk // Vestnik Krymskikh chtenij I. L. Sel'vinskogo. – Vyp. 7 : Pojet i chitatel' stiha. – Simferopol' : Krymskij Arhiv, 2010. – S. 14–19.
3. Dajneko, L. I. *Portret Kryma «kisti» I. Sel'vinskogo* / L. I. Dajneko, E. I. Pashhenja // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – Simferopol', 2011. – № 210. – S. 26–31.
4. Dajneko, L. I. *Materialy k nauchnoj biografii I. L. Sel'vinskogo* / L. I. Dajneko // Vestnik Krymskikh chtenij I. L. Sel'vinskogo. – Vyp. 11 : Avtobiograficheskie zhanry i avtobiografizm v russkoj hudozhestvennoj literature. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2014. – S. 30–43.
5. «Za gorizont zovushhij»: Hudozhestvennyj mir I. Sel'vinskogo (K 120-letiju so dnja rozhdenija pojeta): kollekt. monografija / Otv. red. d. filol.n. A. P. Ljusy ; Red.-sost. d. filol. n. A. V. Petrov i L. I. Dajneko. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2020. – 356 s.
6. Kalinkin, V. M. *Znakom'tes': pojetonimologija* / V. M. Kalinkin // Vestnik Tambovskogo universiteta. – Vyp. 4 (8). – Tambov, 2016. – S. 18–27.
7. Makarova, S. A. *Hudozhestvennye smysly muzykal'noj terminologicheskoy leksiki v lirike I. L. Sel'vinskogo* // Russkaja rech'. – Vyp. 2. – М., 2020. – S. 105–114.

Dictionaries

8. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*: v 4-h t. / Pod red. D. N. Ushakova. – М., 1935–1940.

Sources

9. Sel'vinskij, I. L. *Izbrannoe* / I. L. Sel'vinskij. – Simferopol' : ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2007. – 72 с.
10. Balaklava. *Rezhim dostupa* – <https://ru.wikipedia.org/wiki/Balaklava>
11. Dzhordzhone. *Rezhim dostupa* – <https://ru.wikipedia.org/wiki/Dzhordzhone>

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING THE ASTIONYM «BALAKLAVA»

(BASED ON THE MATERIAL FROM THE «CRIMEAN COLLECTION»

BY I. SELVINSKY)

Petrov A. V.

Summary. The article analyzes the expressive means used by I. Selvinsky in the «Crimean collection» to describe the poetry Balaklava. The was commented the choice of language means, which together create a holistic image of the Crimean city. The history of Crimea and partly the author's biography are the basis for the formation of the entire poetic cycle. The «Crimean Collection» includes, in particular, one duplicate (for Balaklava) and one lacuna, which have become a certain structural element of the cycle, an element of understatement and mystery, which, in turn, increases the level of metaphoricity of the poem. The study analyzes the content of the poetic name Balaklava and its duplicate, that is the second version of the poem, which has some differences from the original. The function of the duplicate is to enable the reader to become an accomplice in the creative process. It is important to perceive the inclusion of a duplicate in the «Crimean Collection» through the prism of I. L. Selvinsky's worldview and through his understanding of the «reader of the verse».

Keywords: «Crimean collection» by I. Selvinsky, poetonym, poetonym Balaklava, duplicate, astionyms of Crimea, pictorial and expressive means.

ОЦЕНОЧНЫЕ ФРАГМЕНТЫ СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЗООНИМНЫХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Щербачук Л. Ф.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: lidiya_shch1@mail.ru*

Статья посвящена характеристике зоонимных компаративных фразеологических единиц русского и польского языков в качестве репрезентантов отдельных фрагментов славянской языковой картины мира в аксиологическом аспекте. В результате анализа охарактеризована структура фразеологических компаративов, выявлены семантические и аксиологические особенности зоонимного компонентного состава исследуемых фразеологизмов, латентные особенности воплощения в них культурных доминант. Зоонимные компаративные фразеологизмы в работе рассматриваются как средство реализации категории анималистического сравнения с точки зрения аксиологии и как этнокультурный текст, который истолковывается при помощи культурных смыслов, заложенных в семантике фразеологизмов, их внутренней форме, компонентном составе. В исследовании определяются мотивы сравнения в семантической структуре русской и польской зоонимной компаративной фразеологии. Среди эталонов сравнения выделены соотносимые с ними компоненты-зоонимы, номинирующие домашних и диких животных. Материал исследования подтверждает, что компонентный состав зоонимных компаративных фразеологизмов отличается высокой степенью выявления оценного признака. Аксиологическая составляющая семантической структуры зоонимных компонентов фразеологических единиц обусловлена как национально-культурными, психологическими, физиологическими факторами, так и идеологическими причинами и может приобретать положительные или отрицательные коннотации в процессе своего функционирования в национальных языковых картинах мира.

Ключевые слова: славянская языковая картина мира, аксиологический аспект, зоонимный компаративный фразеологизм, анималистическое сравнение, оценка, образ-эталон.

ВВЕДЕНИЕ

Разноаспектное исследование языковых средств оценки объектов номинации – одна из актуальных проблем современной лингвистики. Особенно важным исследователи определяют описание природы и статуса оценки в семантической структуре знаков вторичной номинации, которыми являются фразеологические единицы как в узком, так и в широком понимании данного термина. Изучение компонентного состава фразеологизмов в национальных языковых картинах мира приобретает всё большую актуальность по той причине, что он является носителем информативности и наделён определённым образом культурно-национальным потенциалом, который пребывает во фразеологической единице в основном в латентном состоянии. Несомненно информативными, по мнению многих учёных, в составе фразеологических единиц есть имена собственные, названия растений и животных и т.д.

Одним из видов познания человеком действительности, его интеллектуальной деятельности и средством языковой номинации окружающего мира издавна является сравнение. Безусловно, зоонимные компаративные фразеологические единицы (далее –

ЗКФЕ) являются обширным пластом любого языка, потому что через сравнение *homo sapiens* постигал окружающий его мир и самого себя. Номинируя неизвестные или малоизвестные субъекты, объекты, явления, *homo lingualis* неизменно соотносил их в своём сознании со схожим объектом, окружавшим его животным миром, природным явлением и воплощал в номинативный знак – известную модель-компаратив. ЗКФЕ, таким образом, представляют большой интерес для исследователей – лингвистов, культурологов, психологов и т. д., так как они наиболее ярко отражают национальную самобытность языка сквозь призму оценочных образов-эталонов животных, характерных для определённой лингвокультурной общности. Семантика и оценка, закодированная в структуре ЗКФЕ, отражает особенности мировосприятия народа, систему его ценностей. По мнению В. А. Масловой, «в этой связи культурные ценности играют координирующую, регулирующую роль. Благодаря им, человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей» [5, с. 47–53].

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется социокультурной маркированностью, стандартизованностью, аксиологичностью, эмоциональной окрашенностью и высокой устойчивостью ЗКФЕ, что обуславливает их способность выступать в роли символов, социальных стереотипов и феноменов определённой культуры.

Целью предлагаемого исследования является анализ фрагментов русской и польской языковой картины мира сквозь призму зоонимных компаративных фразеологизмов в аксиологическом аспекте.

Материалом исследования стала картотека ЗКФЕ русского и польского языков (общим количеством свыше 1000 языковых единиц), отобрана путём сплошной выборки из русских и польских фразеологических словарей [2, 4, 18, 22, 23, 27, 31, 34, 35].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее время активно появляются работы, посвященные исследованию компаративной фразеологии в разных языках. В сравнительном и сопоставительном аспектах фразеологические компаративы исследовались такими учёными, как, например: З. Г. Абдуразаковой, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, Х. Вальтером, В. А. Вальчук, К. М. Гюлумянц, Н. Б. Демьяненко, Е. Г. Карапетовой, Н. М. Кабановой, Л. Краевским, И. В. Кузнецовой, Л. А. Лебедевой, Э. А. Мальцевой, К. И. Мизиным, В. М. Мокиенко, В. М. Огольцевым, Е. Ю. Поповой, А. В. Терентьевым, Т. Н. Федуленковой, В. Хлебдой, И. В. Холманских, Д. Худык, Й. Шершунович и др. Но, являясь открытой динамической системой, данные языковые единицы требуют дальнейших изысканий.

Учёными доказано, что «фразеологизм как знак вторичной семиотизации выполняет особую функцию в символизации (эталонизации, стереотипизации) мира. Созданный в культуре, фразеологизм способен воплощать в себе устойчивые символические (эталонные, стереотипные) смыслы, которые были «заложены» в языковую семантику фразеологизма при его создании, служат культурной основой данной семантики и извлекаются из нее в речи. В этой особой, культурной, функции, фразеологизм является оязыковленным символом (эталоном, стереотипом)» [6, с. 7]. Согласно У. Липпману, стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой социальную реальность [17, с. 125–141].

Выявление особенностей структуры ЗКФЕ предполагает определение их компонентного состава и исследования их грамматического и семантического строения. Под компонентным составом ЗКФЕ следует понимать совокупность лексических элементов, необходимую для реализации закреплённого языковой традицией содержания. Основой ЗКФЕ является анималистическое сравнение. В плане выражения сравнение – это сопоставление двух предметов мысли на основе общего признака [11, с. 68]. М. Л. Ковшова подчёркивает: «Культурная интерпретация фразеологизма осуществляется путём референции вербальных культурных знаков (слов-компонентов фразеологизма) к разным по субстанции культурным знакам в рамках тематических кодов культуры с целью обнаружения их корреляции по культурным смыслам. Ключевым звеном культурной интерпретации является соотнесение фразеологизма через его слова-компоненты с тематическими кодами культуры, где культурные смыслы компонентов получают свое подтверждение» [7, с. 176].

Учёные различают образные сравнения с разной степенью спаянности компонентов [30 с. 156] и выделяют следующие элементы компаративной конструкции полного сравнения: 1) сравниваемый элемент **А** (субъект сравнения – то, что подвергается сравнению), 2) элемент **С** (основание сравнения) – общий признак сравниваемых предметов, 3) сравнительный союз **как**, 4) сравнивающий элемент **В** (объект сравнения – то, с чем осуществляется сравнение) [16, с. 42].

Следовательно, в основе ЗКФЕ, как и любого компаратива, лежит определённый образ животного, закреплённый в сознании носителей языка, отображающий общенациональные представления и традиции народа. Анализ фразеологического материала подтверждает, что компаративные фразеологизмы активно репрезентированы в сфере зоонимной фразеологии русского и польского языков. И, безусловно, ЗКФЕ представляют большой интерес для исследователей, т. к. возникая на основе образного восприятия, они отражают национальную самобытность языка через систему оценочных образов-эталонов, характерных для определенной лингвокультурной общности.

По мнению В. Н. Телии, компаративные фразеологизмы выступают как «своего рода шаблоны национально-культурного миропонимания, как достояние группового сознания» [20, с. 239]. Исследователи утверждают, что языковые выражения подобного типа служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – её оценивания в образах-эталонах. К. И. Мизин также считает, что познавательная информация аккумулируется в образах-эталонах КФЕ [14, с. 40] и данная «познавательная функция имманентна образам-эталонам априори, потому что главным методом разных уровней сознания чаще всего является метод сравнения, поиск эталона» [5, с. 24]. «Эталон есть “мера”, “мерило”, в соответствии с которой / которым оцениваются те или иные феномены, – пишет В. В. Красных. – Для культуры важно различать “содержательный смысл” эталона – содержательную “нишу” эталона, с одной стороны, и её “заполнение”, овнешнение в знаке – с другой стороны» [8, с. 344].

Эталонность, ориентация субъекта на определенные образцы, стереотипы – это объединительное начало, тот общий структурный принцип, который синтезирует процессы восприятия, познания и языковую картину мира [1, с. 9]. В роли эталона в компаративных конструкциях часто выступают анимализмы. В ходе исследования выявлен определённый круг образов-эталонов в составе компаративных фразеологизмов, репрезентирующих животный мир. Следует отметить, что важно не то, каков эталон, а то, как он культурно освоен представителями языкового социума, как он связан с

жизнедеятельностью человека, с его жизненным опытом. Компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом составляют достаточно большой процент от общего количества зафиксированных фразеографическими источниками языковых единиц. Данная группа является одной из наиболее распространенных в славянской фразеологии, потому что человек именно через сравнение с окружающими его животными (одомашненными, дикими) постигал действительность, познавал самого себя в структуре этой действительности. Польский лингвист А. Чапига, обосновывая животную метафору, пишет, что палитра связей, выражая образно-переносное перемещение значений в названия животных, является необычно богатой и не до конца исследованной. Это могут быть как реальные черты, которые выделяют данное животное из ряда других, так и черты абсолютно субъективные, приписываемые данному животному [29, с. 44].

Итак, среди эталонов выделяем соотносимые с ними компоненты-зоонимы, номинирующие **домашних** и **диких животных**.

Группа компаративных фразеологизмов с компонентами-зоонимами, обозначающими домашних животных, является достаточно численной и разнообразной в исследуемых языках. Посредством семантики указанных фразеологизмов отражаются различные фрагменты концептуальной картины мира. Так, в основе некоторых русских и польских ЗКФЕ лежит эталонизация умственной (интеллектуальной) характеристики человека, например: *как баран на новые ворота* – недоуменно, тупо, не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (уставился, смотрит и т. п.) [23, с. 33]; *как баран на воду* – не понимающе и растерянно (смотреть на кого-либо или что-либо) [22, с. 17] и *głupi jak baran* – глупый, как баран [4, т. 1, с. 191]. В основе образования данных фразеологизмов лежит эталонизация глупости. Такое свойство человека, как неумение разобраться в неожиданно возникшей ситуации, уподоблено тупости и ограниченности, «приписанных» *барану*. Таким образом, фразеологизм является эталоном интеллектуальной неразвитости человека [2, с. 290].

Близким по семантике к вышеуказанным ЗКФЕ являются фразеологизмы *как стадо баранов* – беспорядочной толпой, бессмысленно (идти, бежать, двигаться и т.п.) [22, с. 654] и *iść, dać się prowadzić itp. jak stado baranów* – іść bez oporu, zachowując się biernie [35, с. 10], *iść / pojsć (dać się prowadzić) jak baran na rzeź (zagładę)* – идти / пойти как баран на бойню; идти / пойти как <овца, баран> на заклание *książk*. [4, т. 1, с. 191]. Как известно, стадо баранов всегда следует за своим предводителем. Когда он меняет направление своего движения, всё стадо следует за ним. То есть, в современном понимании слово *баран* часто служит синонимом тупости, иными словами, соотносится с отрицанием умственных способностей индивида. Подобное отрицание «нередко ассоциируют с пейоративной оценкой. В первую очередь, это обусловлено характером самого логико-психологического акта отрицания, который отражает отвержение предположений. Безусловно, субъект отвергает то, что ему не нравится или кажется неправильным в его лингвокультуре, что не соотносится с общепринятыми морально-этическими, эстетическими и социальными нормами» [25, с. 212].

С незапамятных времён с человеком сжились домашние животные, которых он держал около себя, доставляя им кров и пищу, и которые при этом легко плодились, передавая своим потомкам как природные, так и приобретённые ими, под влиянием человека, свойства [27]. *Баран* в древности был культовым животным, которого приносили в жертву. Заклания иногда происходило на руках у хозяина, поэтому животное не оказывало сопротивление. Во фразеологии такой образ символизирует послушание,

кротость. Так, например, в польской фразеологической картине мира образ-эталон *baranek* ассоциируется с исключительно спокойным человеком: *ktoś łagodny, potulny itp. jak baranek, jak jagnię* – ktoś bardzo wyjątkowo łagodny, spokojny, potulny itp. [36, с. 12].

Фразеологические способы репрезентации представления о действительности свидетельствуют и о различиях в национальных картинах мира. Так, жестокость, беспощадность находит своё отражение в семантике русского фразеологизма с образом-эталонном *козы Сидора: как сидоровой козе* [22, с. 301]. Образность сравнения строится на переносных значениях слов *Сидор* (это имя в народе часто связывалось с представлением о злом или сварливом человеке) и *коза* (по народным представлениям, животное с вредным характером). Ранее имя *Сидор* характеризовало богатого, но скупого и мелочного человека. В сравнении отражено стремление мести *Сидору*: если он сам недосыгаем для наказаний, пусть хоть его козе достанется основательно. Русские фразеологизмы с компонентами, номинирующими данный вид животных, могут объективировать отсутствие какой-либо пользы: *как (что) от козла молока; как (что) от козла, ни шерсти, ни молока* [22, с. 301–302]. Образное представление основано на следующем: большая польза от овцы – молоко и шерсть. Есть польза и от барана – шерсть и мясо. И от козы тоже есть – молоко. А вот козёл ни молока, ни шерсти не даёт, да и мясо козлиное не всем нравится.

Отрицательная коннотация польской ЗКФЕ *jak z koziej dupy trąba* – porównanie podkreślające fakt, że ktoś nie nadaje się do niczego [31, с. 78] усиливается не только за счёт обценной польской лексики *dupa*, но и «уточняющего» прилагательного *koziej*, образованного от имени существительного *koza*.

Русская ЗКФЕ *как корова языком слизала* обозначает что-то быстро и бесследно исчезнувшее [23, с. 208]. Образное содержание фразеологизма основано на наблюдении за поведением домашнего животного – *коровы* и отражает стереотипное представление о нём, как о жвачном всеядном животном, способном слизать языком, быстро проглотить любую пищу [2, с. 295–296].

Нескладность и несуразность в чём-либо отражает фразеологизм *как на корове седло* [23, с. 419]. Семантику данной КФЕ можно мотивировать следующим: седло – это снаряжение для верховой езды на коне, сиденье для всадника. Трудно представить себе корову, всё время мирно пасущуюся на лугу и жующую жвачку, вскачь несущейся со всадником на спине. В этом и состоит злая ирония выражения, репрезентирующая отрицательную коннотацию и подчёркивающая всю несуразность действий и явлений, независимо от того, касается ли это одежды, должности или поведения человека в обществе.

Подобное выражение *jak krowie siodło* активно бытует и в польской языковой картине мира, однако его происхождение связывают с высказыванием И. В. Сталина относительно коммунизации Польши и собственно тем – пренебрежительного отношения к полякам. «Autorem powyższego porównania był Józef Wisiarionowicz Dżugaszwili znany jako Stalin, dyktator i zbrodniarz komunistyczny.... Podczas spotkania Stalina ze Stanisławem Mikołajczykiem, premierem polskiego rządu na uchodźstwie,... Mikołajczyk zapytał Stalina, czy planuje wprowadzić w Polsce komunizm. Ten odpowiedział dowcipnie, że komunizm pasuje Polakom jak krowie siodło.

Mimo, że odpowiedź ta merytorycznie była uspokajająca, formę miała obraźliwą. Porównanie kraju do bydła nie było komplementem. Sugerowało też wyższość sowietów. Siodła się bowiem konie, a te od czasów średniowiecznych były symbolem szlachectwa i rycerskości.

Porównanie Stalina zdobyło jednak uznanie wielu publicystów, którzy chętnie go używają w różnych sytuacjach, nie zważając na kontrowersyjność frazy» [32].

Латентная отрицательная коннотация присуща таким польским ЗКФЕ, как: *coś stoi, leży, jest napisane jak byk, jak wół* – coś jest wyraźnie napisane, dobrze widoczne, rzuca się w oczy [35, с. 30] и *chodzić, lazić, dreptać itp. za kimś jak cielę za krową* – nie odstępować kogoś, chodzić krok в krok за kimś [35, с. 39]. Мотивированность данных выражений очевидна. Семантика первой ЗКФЕ базируется на внешних признаках (величина) зоонима *byk / wół*, а второй – на поведении маленького представителя фауны, так как в первое время после рождения не только телёнок, но и несмышлённые детёныши многих других животных находятся возле матери, не отходят от неё ни на шаг.

В. А. Маслова обращает внимание на тот факт, что «язык отражает культурные реалии своего народа и тем самым обслуживает его культуру. С одной стороны, он составляющая культуры (хотя и не соотносится с ней как часть и целое), с другой – он не просто отражает культуру, но интерпретирует её и мир, создавая ещё одну реальность, в которой живёт человек» [13, с. 237]. Так, образ *кошки* в славянской языковой картине мира очень противоречив. Одни кошку причисляют к вещим животным, способным предугадывать будущее и приносить счастье, поэтому в России повсеместно считается, что убить кошку – большой грех. Кошка может предвещать приход гостей, рождение ребёнка в семье. Кошка в русских поверьях и народном сознании традиционно ассоциируется с женским началом. Другие убеждены, что чёрная кошка связана с нечистой силой [15, с. 10-11]. В русском и польском языкознании существует ряд исследований, посвящённых анализу фразеологизмов с компонентом, репрезентирующим образ *кошки / kota* [3, 19, 28, с. 95–138, 34, с. 21–31]. Учитывая постоянное пребывание *kota* в жизни славян (как россиян, так и поляков), оказывается возможным объяснять мотивированность значительного количества зоофразеологизмов с этим образом-эталоном. Основанием для многих ЗКФЕ стали наблюдения за поведением данного животного в природе: *играть, как кошка с мышкой (мышью)* – забавляться кем-либо, пользуясь своим превосходством, преимуществом положения и т.п. [22, с. 265] и *bawić się, igrać z kimś jak kot z myszką, z myszą* – znęcać się, wykorzystywać swoją intelektualną lub fizyczną przewagę nad kimś, upokarzać kogoś [36, с. 184]; *как угорелая кошка* – в иступлении, бессмысленно (бегать, метаться и т. п.) [23, с. 210] и *biegać, latać jak kot z pęcherzem* – biegać szybko, nerwowo, w różnych kierunkach, bez określonego celu, mieć dużo spraw do załatwienia i nie nadążać ze zrobieniem wszystkiego [36, с. 184]. Происхождение последнего компаративного зоофразеологизма Ю. Крижановский объясняет наблюдением за поведением *kota* во время давних уличных развлечений, когда к хвосту животного привязывали высушенный рыбий пузырь, наполненный горохом, и отпускали. Звуки бьющегося о землю пузыря с горохом пугали животное, оно паниковало и металось в разные стороны [33].

Некоторые ЗКФЕ с компонентом *kot* мотивированы, например, биологическими характеристиками животного. Как известно, в начале весны у *kotów* происходит гормональный выброс и начинается брачный период. В это время животные преследуют две главные цели – стараются покорить кошку и завладеть частью определённой территории, которую, в случае победы, они метят: *kochliwy jak kot w marcu* – o kimś bardzo kochliwym [35, с. 167]. ЗКФЕ *tylę co kot napłakał* – bardzo mało, odrobinę, prawie nic [36, с. 184] отражает некую физиологическую характеристику *kotów* – слезоточивость глаз как особенность их природы. Но эти слёзные выделения очень незначительны. Скорее

всего, животное может «плакать» исключительно по физическим причинам (промыть глаза), в отличие от человека, который может обильно плакать также из-за психологических факторов.

Собака – животное, так же, как и кошка, наделяемое в славянских народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями, часто выступает в паре с кошкой. Собака и кошка объединяются или противопоставляются друг другу в представлениях об их «чистоте» или «нечистоте» [15, с. 10]. Вечная нелюбовь собак к кошкам отразилась в выражениях обеих лингвокультур: *жить как кошка с собакой* – в постоянной ссоре, вражде [23, с. 210] и *żyć z sobą ja pies z kotem* – być we wrogich stosunkach, kłócić się i nienawidzić [31, с. 94], *kochać się jak pies z kotem* – żyć ze sobą w niezgodzie, w nienawiści, nie znosić się, nie cierpieć się wzajemnie [36, с. 356].

Предположительно, слово *собака* иранского происхождения. В русском языке в качестве названия самца собаки бытует также слово *нёс*. Лексемы *нёс* по-русски и *pies* по-польски – общие для этих славянских языков. Их существование можно уже найти в праславянском языке. У славян сложилось в основном положительное отношение к собаке как к другу человека. В русской и польской лингвокультурах присутствуют выражения, указывающие на важные способности и черты этих животных: *собачий нюх* и *собачья верность* – по-польски *psi węch* и *wierny jak pies* [21]. Но существует и довольно много выражений, в которых *собака* выступает носителем отрицательных качеств – прежде всего, злости и грубости. Об очень злом, недоброжелательном человеке говорят, что он *злой как собака*, то есть очень злой. Как видим, сравнение *как собака* приобретает переносное значение квантификатора «очень сильно» (метасимвола, задающего количественное отношение). Поэтому о человеке, который постоянно обманывает, говорят, что он *брешет как собака* – по-польски *łgać jak pies* [36, с. 355].

Исследуемый материал убеждает, что один и тот же эталон в русской и польской фразеологической картине мира часто выступает с разными основами сравнения. Это обуславливается комплексным народным восприятием объекта сравнения, способностью актуализировать его различные характеристики в аксиологическом аспекте. Так, компонент-зооним *собака / pies* в русском и польском фразеологическом пространстве выполняет такие аксиологические функции:

а) служит эталоном голодного и злого человека: *как собака* – очень сильно, до крайности (устал, голоден, замерз и т. п.) [23, с. 442] и *ktoś głodny, zły, zmarznięty itp. jak pies* – o kimś bardzo głodnym, bardzo złym, bardzo zmarniętym itp. [36, с. 355];

б) символизирует большое количество: *как собак нерезаных* – очень много. О ком-либо [23, с. 442] и *gdzieś jest ludzi, dzieci, turystów itp. jak psów* – gdzieś jest bardzo [35, с. 314];

в) эксплицирует не только отрицательное отношение к животному, но и человеческую жестокость: *как собаку* – без всякой жалости (поступать с кем-либо: выгнать, убить и т.п. кого-либо) [22, с. 638] и *zabić, ubić kogoś jak psa* – zabić kogoś w sposób bezwzględny, okrutny [35, с. 315], *zbić kogoś jak psa* – bardzo kogoś zbić [36, с. 356], *traktować, potraktować kogoś jak psa* – bardzo źle kogoś traktować, potraktować [36, с. 356], *wypędzić, wyrzucić itp. kogoś jak psa* – wypędzić, wyrzucić kogoś bez skrępulów [36, с. 356];

г) символизирует высшую степень эмоций: *как собака налку* – очень сильно (не любить, не хотеть) [22, с. 638]; *czuć się jak zbity pies* – czuć się bardzo źle, podle [36, с. 356];

д) воплощает осуждение: *как собака на сене кто* – кто-либо сам не пользуется чем-либо и другим не даёт пользоваться. О человеке [22, с. 638];

е) даёт физиологические и поведенческие характеристики: *как на собаке* – быстро и само собой, без лечения (заживает, затягивается). О ране, царапине и т.п. [22, с. 638] и *zabierać się do czegoś jak pies do jeża* – zaczynać coś, zwykle jakąś pracę, ostrożnie, powoli, w obawie przed trudnościami [35, с. 315], *należy coś komuś jak psu zupa* – coś się komuś bezwzględnie należy [36, с. 355]; ж) указывает на социальный статус: *как пёс бездомный* – без родных и близких, одинокий, без постоянного местопребывания [22, с. 469] и т.д.

В русской и польской фразеологических картинах мира присутствуют парадоксальные, энантиосемичные межъязыковые компаративные синонимы: *нужен как собаке пятая нога* – нисколько, ничуть, совершенно не (нужен) [23, с. 281] и *potrzebne coś komuś jak psu piąta noga* – coś jest komuś zupełnie niepotrzebne [35, с. 315]. Безусловно, при своих четырёх ногах пятая нога собаке совершенно не нужна. Данные примеры свидетельствуют, что «энантиосемия непосредственно связана со спецификой фразеологического знака, структурными элементами его значения» [26, с. 141].

Вол в польской этнокультуре является эталоном трудолюбия: *pracowity jak wół* – bardzo pracowity [35, с. 549]. Воллом номинируют домашнего быка, которого используют как тягловый скот. Это животное отличается выносливостью, поэтому и сравнивают с ним трудолюбивого человека [27].

По мнению О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко, «фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления “языка культуры”, описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации» [9, с. 119]. Несомненно, каждый народ по-своему объективирует окружающий мир. Иногда одни и те же явления действительности вызывают как одинаковые, так и разные реакции и представления об увиденном. Зооним-эталон *свинья* в русских и польских КФЕ может определять их содержание на основании стереотипов отрицательной оценки животного: *как свинья в апельсинах* (разг., пренебр.) – нисколько, совершенно (не разбираться, понимать, смыслить в чём-либо) [22, с. 600].

М. Вторковская считает, что в польском языке, как и в русском, образ *свиньи* также коннотирован отрицательно и ассоциируется с грязью: «*Świnia przebywa głównie w chlewie, gdzie przede wszystkim śpi i je, nie jest wypuszczana na zewnątrz, można więc powiedzieć, że nie robi nic pożytecznego. Jest więc leniwa, co można powiązać też z jej grubością i czego wyrazem jest słoweńskie wyzwisko prasica lena, to jest leniwa świnio! W odmianie mówionej języka polskiego można usłyszeć zwrot gnić jak świnia, a więc nic nie robić, tylko się wylegiwać, nie być pożyteczny*» [37].

Перенесение стереотипов данного животного на черты характера человека, его поведение в русской и польской фразеологии имеет метафорическую природу и репрезентирует физическое состояние личности вследствие употребления алкоголя: *как свинья* (разгов., презрит.) – очень сильно, безобразно (напиться, быть пьяным и т.п.) [22, с. 600] и *upić się, schlać się, urżnąć się jak świnia* – bardzo się upić [36, с. 552].

Однако следует отметить, что в польской лингвокультуре в отличие от русской зафиксировано также абсолютно противоположное значение выражения не только в денотативном, но и в коннотативном плане: *ktoś jest trzeźwy jak świnia* – ktoś nie jest pijany, ktoś jest zupełnie trzeźwy [35, с. 481]. Как видим, в данном случае со свиньёй сравнивается трезвый человек.

Стереотипы разных культур и народов могут быть тождественными или подобными. В коннотативной зоне данных фразеологических единиц присутствует оценочный компонент, что подтверждают также стилистические пометы: *разг.*, *пренебр.*, *презр.*, *бран.* Это объясняется тем, что, как и во фразеологии вообще, так и в зоофразеологизмах в частности, оценка связана с такими факторами, как антропоцентризм, эмотивность и образность [24, с. 89].

Компаративные фразеологизмы с компонентами-зоонимами, обозначающими **диких животных**, также представляют активный сегмент в русской и польской фразеологических картинах мира. Такие фразеологические единицы могут репрезентировать как положительные, так и отрицательные черты характера человека, например, проворность, суетливость, трудолюбие: *вертеться [кружиться] как белка в колесе* [23, с. 60]. Образ фразеологизма создается метафорой – уподоблением по сходству занятия белки, бесполезно вертящейся в колесе, суетливому человеку, находящемуся в беспрестанных, часто бесплодных хлопотах, в беспокойных занятиях. В основе образа данного фразеологизма лежит также конструкция сравнения, в которой сопоставлены определенное свойство движения – быстрый темп, а также его направленность – по кругу. Белка – шустрый и подвижный зверёк, а вращение колеса является одним из любимых занятий животного, компенсирующее недостаток (в домашних условиях) в характерном для этого зверька быстром передвижении, без которого белка может погибнуть. В данной ЗКФЕ образ белки в колесе осмысливается как «движение без движения». Затрачивая много энергии на выполнение чего-либо, возвращаешься к тому, с чего начинал. Данный фразеологизм выступает в роли эталона непрерывной, повседневной деятельности, часто связанной с пустыми и бесплодными занятиями, которые приводят к бесплодным результатам [2, с. 109–110].

С образом *лисы* в русском ментальном пространстве обычно соотносится представление о чём-либо сомнительном и фальшивом. В структуре КФЕ компонент-зооним *лиса* является эталоном хитрости, ловкости, лицемерия: *хитрый как лиса* [22, с. 345].

Льва заслуженно называют царём зверей, он издавна является символом отваги, мощи, храбрости. Безусловно, лев является образом-эталонem властных, волевых, сильных физически и духовно людей: *odważny jak lew* – bardzo odważny, mężny [35, с. 191]. Как видим, многие эталоны сравнения объективно мотивированы и понятны. В их основе лежат реальные наблюдения, например, за внешним обликом и поведением животного. С *ланью* сравнивают, например, красивую, стройную энергичную женщину или девушку: *kobieta, dziewczyna jak lania* – kobieta, dziewczyna piękna, postawna, odznaczająca się zdrowiem i energią [35, с. 199]. *Волк* постоянно вынужден искать себе пищу в дикой природе, поэтому ассоциируется с очень сильным ощущением голода: *głodny jak wilk* – bardzo głodny [35, с. 540].

В некоторых случаях ЗКФЕ строятся на парадоксальности сравнения, что придаёт им большей экспрессивности: *plakać (ryczeć itp.) jak bóbr* – реветь белугой; рекой разливаться; рыдать в три ручья [4, т. 1, с. 214]; *narozrabiać jak pijany zając* – narobić gdzieś wiele zamieszania [35, с. 586].

Компаративные фразеологизмы с компонентами-зоонимами, обозначающими **грызунов**, в обеих фразеологических картинах мира репрезентируют убогое материальное положение: *беден как церковная крыса* [22, с. 329], *беден как церковная мышь* [22, с. 384] и *biedny, ubogi jak mysz kościelna* – okimś bardzo biednym [36, с. 262].

Издавна считалось, что в церкви и костёле нет кладовых, поэтому мышам, крысам особо нечем было поживиться. Во внутренней форме данных фразеологизмов отражено стереотипное христианское представление о бедном человеке.

Образ *мышы* также может служить: а) эталоном стараний, усилий: *spocić się jak ruda mysz, jak mysz w pologu* – bardzo się spocić [36, с. 263], б) стереотипом определённого поведения: *siedzieć cicho jak mysz pod miotłą* – zachowywać się cicho, spokojnie, zwykle w obawie, żeby nie zwrócić na siebie czyjejś uwagi [36, с. 262] и в) выражением эмоционального состояния человека, например, недовольства: *как мышь на крупу* [22, с. 384]. Мышь, которая добралась до крупы, выглядит так, как будто сердится, «дуется» на неё. Это происходит потому, что от жадности животное набивает полный рот крупой. Вроде ещё хочет есть, но при этом жевать уже не может, поэтому у мыши недовольный, «надутый» вид.

В русской зоофразеологии *крыса* ассоциируется с устойчивым стереотипным представлением о подлости и предательстве, выступая как эталонный носитель указанных качеств: *как крысы с корабля* [22, с. 330]. В сравнении, лежащем в основе образа фразеологизма, отражена стереотипная ситуация: крысы, предчувствуя кораблекрушение, бегут с корабля, что стало дурной приметой для моряков [2, с. 305–306].

Несомненно, по мнению О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко, «фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления «языка культуры», описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации» [10, с. 7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, зоонимные компаративные фразеологические единицы русского и польского языков репрезентируют фрагменты славянской языковой картины мира в аксиологическом аспекте. Исследование подтверждает, что интерес к ЗКФЕ вполне оправдан, так как они наиболее ярко и непосредственно отражают как общие славянские стереотипы мышления, так и национальную самобытность конкретного народа, специфику его образного мышления и менталитета через систему оценочно-образных эталонов. Компоненты-зоонимы в русской и польской фразеологической картине мира выполняют определённые аксиологические функции.

Русские и польские ЗКФЕ представляют собой средство реализации категории анималистического сравнения. Родовые и видовые названия животных (домашних, диких, грызунов и т.п.) выступают эталонами сравнений, создавая конкретно-чувственное изображение внешности человека, черт его характера и поведения. Возникая на основе образного представления о том или ином животном, сравнения позволяют глубже понять особенности мировоззрения определённого социума. Совпадение эталонов сравнения у русских и поляков, очевидно, следует объяснять сходными природно-климатическими условиями, культурно-исторической общностью. Однако интерпретация эталона сравнения, представления о носителях того или иного качества в исследуемых языковых картинах мира зачастую не совпадает, что обусловлено обиходно-культурным опытом носителей данных языков, а также идеологическими мотивами.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : Попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
2. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст] / Отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с.
3. Вовк, Н. Н. Семантика и функции ФЕ с компонентом «кошка» в русском языке (в сопоставлении с украинским языком) [Текст] // Учен. зап. Таврич. ун-та. Научный журнал. Серия «Филология». – 2007. – Т. 20 (59). – № 6. – С. 49–56.
4. Гюлумянц, К. М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. [Текст] / К.М. Гюлумянц. – Минск : Экономпресс, 2004. – Т. 1. А – М. 688 с. – Т. 2; N – Z. – 718 с.
5. Дубинин, И. И. Динамика обыденного сознания [Текст] / И. И. Дубинин, Л. Г. Гусякова. – Минск, 2005. – 135 с.
6. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... докт. филол. Наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» [Текст] / М. Л. Ковшова. – Москва, 2009. – 48 с.
7. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013. – 456 с.
8. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры [Текст] / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.
9. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских пословиц на фоне русского и украинского языков [Текст] / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // «Русин», 2016. – № 3 (45). – С. 119–128.
10. Ломакина, О. В. Очерки русинской фразеологии: монография [Текст] / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко. – Москва : РУДН, 2021. – 97 с.
11. Магомедова, У. А. К вопросу о моделируемости фразеологических единиц [Текст] / У. А. Магомедова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2013. – №1. – С. 68–71.
12. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208с.
13. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре: монография [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
14. Мизин, К. И. Компаративная фразеология [Текст] / К. И. Мизин. – Кременчук, 2007. – 238 с.
15. Никитина, Т. Г. Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте. Учебное пособие для студентов филологических и педагогических профилей [Текст] / Т. Г. Никитина. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2011. – 140 с.
16. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии [Текст] / В. М. Огольцев. – М. : Книжный дом, 2010. – 192 с.
17. Ослон, А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» [Текст] / А. Ослон // Социальная реальность. – № 4. – 2006. – С. 125–141.
18. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?Page- =3&alpha=%CD>. – (Дата обращения: 29.01.2021).

19. Сагата, Ю. *Kity* польській та українській фразеології [Текст] / Ю. Сагата // Проблеми слов'язнознавства, 2008. – Вип. 57. – С. 282–290.
20. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
21. Хохул, Х. Концепт собака в русской и польской письменности [Электронный ресурс] / Х. Хохул // Язык и текст langpsy.ru. 2014. – №1. – Режим доступа: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov>. – (Дата обращения: 29.01.2021).
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
23. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под. ред. А. И. Молоткова. – Изд. 7-е, исправл. – М. : АСТ, 2006. – 543 с.
24. Щербачук, Л. Ф. Зооним свинья в славянской фразеологической картине мира (на материале русского, украинского и польского языков) [Текст] / Л. Ф. Щербачук // Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты) Коллективная монография. – Universität Greifswald Greifswald, 2019. – С. 83–89.
25. Щербачук, Л. Ф. Отрицание и оценка в русской фразеологии : лингвокультурологический аспект [Текст] / Л. Ф. Щербачук // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды : опыт и перспективы: труды и материалы международной конференции: в 2 т. / под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 2. – С. 212–215.
26. Щербачук, Л. Ф. Энантисемичные фразеологизмы русского языка с каузативной семантикой [Текст] / Л. Ф. Щербачук // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении : тезисы докладов участников международной научной конференции / отв. ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2018. – С. 139–142.
27. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yarus.aspu.ru/?id=373>. (Дата обращения: 29. 01. 2021).
28. Anusiewicz, J. Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie [Tekst] / J. Anusiewicz // Etnolingwistyka. T. 3 / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 1990. – S. 95–138.
29. Chudyk, D. Семантика и структура сравнительных конструкций с прилагательными со значением розового цвета (на материале русского и польского языков) [Tekst] / Dorota Chudyk // Коммуникативные аспекты грамматики и текста I / pod redakcją Zofii Czapigi, Anny Stasienko. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2013. – S. 155–166.
30. Czapiga, A. Antroponimiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim [Tekst] / A. Czapiga. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. – 219 s.
31. Dominów, Z. Słownik frazeologiczny A-Z [Tekst] / Z. Dominów, M. Dominów. – Poznań : IBIS, 2010. – 304 s.
32. *Jakkrowiesiodło* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edusens.pl/edusensownik/pasowac-jak-siodlo-krowie>. – (Дата обращения: 29. 01. 2021).

33. Krzyżanowski, J. Mądrej głowie dość dwie słowie. Trzy centurie przysłów polskich [Tekst] / J. Krzyżanowski. – Warszawa, 1988. – 241 s.
34. Mosiołek-Kłosińska, K. Motywacja związków frazeologicznych zawierających wyrazy *pies* i *kot* [Tekst] / K. Mosiołek-Kłosińska // Etnolingwistyka. 7 / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 1995. – S. 21–31.
35. Słownik frazeologiczny PWN [Tekst] / pod redakcją Anny Kłosińskiej, Elżbiety Sobol i Anny Stankiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2011. – 654 s.
36. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami [Tekst] / Anna Kłosińska, Anna Stankiewicz, Elżbeta Sobol. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2005. – 840 s.
37. Wtorkowska, Maria. Językowy obraz świni i jej rodziny przez pryzmat frazeologii w języku polskim i Słoweńskim [Электронный ресурс] / Maria Wtorkowska. – Режим доступа: http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtorkowska.pdf. – (Дата обращения: 29.01.2021).

References

1. Apresyan Yu. D. *Obraz Cheloveka Po Dannym Jazyka: Popytko Sistemnogo Opisaniya* [The Image of a Person According to Language Data. An Attempt of Systemic Description]. *Voprosy Yazykoznaniya*, 1995, no 1, pp. 37–67.
2. *Bolshoi Frazeologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [The Great Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by V. N. Teliya. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2014. 784 p.
3. Vovk N. N. *Semantika i Funktsii FYe s Komponentom Koshka v Russkom Yazyke (v Sopostavlenii s Ukrainskim Yazykom)* [Semantics and Functions of the Phraseological Units with the Component Cat in Russian (in Comparison with the Ukrainian Language)]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo. Nauchnyi Zhurnal. Seriya Filologiya*, 2007, Vol. 20 (59), no 6, pp. 49–56.
4. Gulumyants K. M. *Polsko-Russkii Frazeologicheskii Slovar: v 2 T.* [Polish-Russian Phraseological Dictionary in 2 Volumes]. Minsk: Jekonompress Publ., 2004. Vol. 1. A – M, 688 p. Vol. 2. N – Z, 718 p.
5. Dubinin I. I., Guslyakova L. G. *Dinamika Obydennogo Soznaniya* [Dynamics of Everyday Consciousness]. Minsk, 2005. 135 p.
6. Kovshova M. L. *Semantika i Pragmatika Frazeologizmov (Lingvokulturologicheskii Aspekt): Avtoref. Dis. ... Dokt. Filol. Nauk* [Semantics and Pragmatics of Phraseological Units (Linguoculturological Aspect). Abstract of Thesis]. Moscow, 2009. 48 p.
7. Kovshova M. L. *Lingvokulturologicheskii Metod vo Frazeologii: Kody Kultury* [Linguoculturological Method in Phraseology. Codes of Culture]. Moscow: LIBRIKOM Publ., 2013. 456 p.
8. Krasnykh V. V. *Slovar i Grammatika Lingvokultury* [Dictionary and Grammar of Linguoculture]. Moscow: Gnozis Publ., 2016. 496 p.
9. Lomakina O. V., Mokienko V. M. *Poznavatelnyi Potentsial Rusinskikh Paremi na Fone Russkogo i Ukrainskogo Yazykov* [Cognitive Potential of Rusyn Paremi (Based on the Russian and Ukrainian Languages)]. *Rusin*, 2016, no 3 (45), pp. 119–128.
10. Lomakina O. V., Mokienko V. M. *Ocherki Rusinskoi Frazeologii: Monografiya* [Essays on Rusyn Phraseology. A Monograph]. Moscow: RUDN Publ., 2021. 97 p.

11. Magomedova, U. A. *K Voprosu o Modelirovani Modeliruemosti Frazheologicheskikh Yedinit* [On the Question of the Modeling of Phraseological Units]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, Kostroma, 2013, no 1, pp. 68–71.
12. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya*. [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p.
13. Maslova V. A. *Homo Lingualis v Kulture: Monografiya* [Homo Lingualis in Culture. A Monograph]. Moscow: Gnozis Publ., 2007. 320 p.
14. Mizin K. I. *Komparativnaya Frazheologiya* [Comparative Phraseology]. Kremenchuk, 2007. 238 p.
15. Nikitina T. G. *Russkie Frazheologizmy v Lingvostranovedcheskom i Lingvokraevedcheskom Aspekte. Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Filologicheskikh i Pedagogicheskikh Profilei* [Russian Phraseological Units in the Aspect of Linguistic and Regional Studies. Textbook for Students of Philological and Pedagogical Faculties]. Pskov: LOGOS Plyus Publ., 2011. 140 p.
16. Ogoltsev V. M. *Ustoichivye Sravneniya v Sisteme Russkoi Frazheologii* [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology]. Moscow: Knizhnyi Dom Publ., 2010. 192 p.
17. Oslon A. *Uolter Lippman o Stereotipakh: Vypiski iz Knigi Obshchestvennoe Mnenie* [Walter Lippman on Stereotypes. Extracts from the Book Public Opinion]. *Sotsialnaya Realnost*, 2006, no 4, pp. 125–141.
18. *Russkaya Frazheologiya. Istoriko-Jetimologicheskii Slovar* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Ed. by V. M. Mokienko. Moscow, 2005. Available at: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?Page=3&alpha=%CD> (accessed 29 January 2021).
19. Sagata Yu. *Kit u Polskii ta Ukrainskii Frazheologii* [The Cat in Polish and Ukrainian Phraseology]. *Problemy Slovyanoznnavstva*, 2008, no 57, pp. 282–290.
20. Teliya V. N. *Russkaya Frazheologiya. Semanticheskii, Pragmaticheskii i Lingvokulturologicheskii Aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects]. Moscow: Shkola Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1996. 288 p.
21. Khokhul Kh. *Kontsept Sobaka v Russkoi i Polskoi Pismennosti* [The Concept of the Dog in Russian and Polish Writing]. *Yazyk i Tekst langpsy.ru*. 2014, no 1. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhmetov> (accessed 29 January 2021).
22. *Frazheologicheskii Slovar Russkogo Literaturnogo Yazyka: Ok. 13000 Frazheologicheskikh Yedinit* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: Approx. 13000 Phraseological Units]. Ed. by Ye. I. Fedorov. Moscow: Astrel: AST Publ., 2008. 878 p.
23. *Frazheologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by A. I. Molotkova. Moscow: AST Publ., 2006. 543 p.
24. Shcherbachuk L. F. *Zoonim Svinya v Slavyanskoi Frazheologicheskoi Kartine Mira (na Materiale Russkogo, Ukrainskogo i Polskogo Yazykov)* [Zoonim Pig in the Slavic Phraseological Picture of the world (Based on the Russian, Ukrainian and Polish Languages)]. *Animalisticheskaya Frazheologiya v Slavyanskikh Yazykah (Lingvisticheskie i Lingvokulturologicheskie Aspekty)*. *Kollektivnaya Monografiya*. Universität Greifswald Greifswald, 2019, pp. 83–89.
25. Shcherbachuk L. F. *Otritsanie i Otsenka v Russkoi Frazheologii: Lingvokulturologicheskii Aspekt* [Denial and Evaluation in Russian Phraseology: Linguoculturological Aspect]. *Lingvokulturologicheskie Issledovaniya Razvitiya Russkogo Yazyka v Usloviyakh Polijetnicheskoi Sredy: Opyt i Perspektivy: Trudy i Materialy Mezhdunarodnoi Konferentsii:*

- v 2 T. Ed. by Ye. A. Gorobets, O. F. Zholobova, M. O. Novak. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo Universiteta, 2018, Vol. 2, pp. 212–215.
26. Shcherbachuk L. F. *Jenantiosemiticheskie Frazeologizmy Russkogo Yazyka s Kausativnoi Semantikoi* [Enantiosemic Phraseological Units with Causative Semantics in the Russian Language]. *Mezhkulturnye Kommunikatsii: Russkii Yazyk v Sovremennom Izmerenii: Tezisy Dokladov Uchastnikov Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii*. Ed. by G. Yu. Bogdanovich. Simferopol', 2018, pp. 139–142.
27. *Jenciklopedicheskii Slovar F. A. Brokgauza i I. A. Jefrona* [Encyclopedic Dictionary by F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. SPb.: Brokgauz-Jefron. 1890-1907. Available at: <http://yarus.aspu.ru/?id=373> (accessed 29 January 2021).
28. Anusiewicz J. Językowo-Kulturowy Obraz Kota w Polsce. *Etnolingwistyka*. T. 3. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1990. S. 95–138.
29. Chudyk D. *Semantika i Struktura Sravnitelnykh Konstruktsii s Prilagatelnyimi so Znacheniem Rozovogo Tsveta (na Materiale Russkogo i Polskogo Yazykov)* [Semantics and Comparative Constructions with the Adjective Pink (Based on the Russian and Polish Languages)]. *Kommunikativnye Aspekty Grammatiki i Teksta I*. Pod redakcją Zofii Czapigi, Anny Stasienko. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2013. S. 155–166.
30. Czapiga A. Antroponimiczne Metafory Odzwierzęce w Języku Polskim, Rosyjskim i Angielskim. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. 219 s.
31. Dominów Z., Dominów M. Słownik Frazeologiczny A-Z. Poznań: IBIS, 2010. 304s.
32. Jak Krowie Siodło. Available at: <http://www.edusens.pl/edusensownik/pasowac-jak-siodlo-krowie> (accessed 29 January 2021).
33. Krzyżanowski J. *Mądrzej Głowie Dość Dwie Słowie. Trzy Centurie Przysłów Polskich*. Warszawa, 1988. 241 s.
34. Mosiolek-Kłosińska K. Motywacja Związków Frazeologicznych Zawierających Wyrazy Pies i Kot. *Etnolingwistyka*. 7. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1995. S. 21–31.
35. Słownik Frazeologiczny PWN. Pod redakcją Anny Kłosińskiej, Elżbiety Sobol i Anny Stankiewicz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2011. 654 s.
36. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. Pod red. Anna Kłosińska, Anna Stankiewicz, Elżbieta Sobol. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 840 s.
37. Wtorkowska Maria. Językowy Obraz Świni i Jej Rodziny Przez Pryzmat Frazeologii w Języku Polskim i Słoweńskim. Available at: http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtorkowska.pdf (accessed 29 January 2021).

THE ESTIMATED FRAGMENTS OF THE SLAVIC LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF THE RUSSIAN AND POLISH ZOONYMOUS COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS

Shcherbachuk L. F.

Summary. The article is devoted to the characteristics of the zoonymous comparative phraseological units of the Russian and Polish languages as representatives of individual fragments of the Slavic linguistic picture of the world in the axiological aspect. As a result of the analysis, the structure of phraseological comparatives was characterized, the semantic and axiological features of the zoonym component composition of the phraseological units were studied, the latent features of the embodiment of cultural dominants in them were revealed. The

zoonymic comparative phraseological units are considered in the work as a means of implementing the category of animalistic comparison from the point of view of axiology and as an ethnocultural text, which is interpreted with the help of cultural meanings inherent in the semantics of phraseological units, their internal form, and component composition. The study identifies the motives of comparison in the semantic structure of the Russian and Polish zoonymous comparative phraseology. Among the standards of comparison, the corresponding components-zoonyms, nominating domestic and wild animals, are highlighted. The material of the research confirms that the component composition of zoonymic comparative phraseological units is distinguished by a high degree of detection of the evaluated feature. The axiological component of the semantic structure of the zoonymic components of phraseological units is determined by both national-cultural, psychological, physiological factors, and ideological reasons and can acquire positive or negative connotations in the course of its function in the national linguistic pictures of the world.

Keywords: Slavic linguistic picture of the world, axiological aspect, zoonymous comparative phraseological unit, animalistic comparison, assessment, image-standard.

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 379:8

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРИЁМЫ В АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ АГЕНТСТВА SPUTNIK)

Дмитриев О. А.

*МИА «Россия сегодня»,
НИУ «Высшая Школа Экономики», г. Москва
E-mail: o.dmitriev@rian.ru*

Статья представляет попытку описания развития системы мультимедиа на альтернативных площадках, которые в последние годы набирают огромную популярность среди аудитории, с некоторой долей критики воспринимающей информацию мейнстримовских медиа. Для анализа были выбраны материалы агентства Sputnik, которое ряд исследователей считает альтернативным по отношению к ведущим мировым средствам массовой информации на английском языке. Теоретические вопросы, изложенные статье, основаны на авторском понимании мультимедиа и парадигмы его развития в XXI веке. Приводятся основные вехи в истории мультимедиа и конвергенции, оказавшие влияние на развитие современных медиа. Автор рассматривает различные мультимедийные элементы, которые усиливают альтернативный сторителлинг в материалах Sputnik. Для анализа был выбран контент из разных редакций международного информационного агентства, что позволяет вывести более показательную типологию данного контента как альтернативного. Среди анализируемых элементов рассматриваются медиатекст, иллюстрации, видео, инфографика, а также эмбеды и инжекты, которые получили широкое распространение в мультимедийных статьях в начале XXI века. В проведении анализа мультимедийных статей автор делает особый упор на уникальность в подаче материала, который никогда не подавался с такого угла в мейнстримовских медиа. Статья сопровождается таблицами, которые помогут лучше понять специфику применения элементов мультимедиа в международной альтернативной среде. В конце автор приводит выводы, в которых обозначается парадигма развития мультимедийного контента на ближайшие годы.

Ключевые слова: альтернативные медиа, контент, новости, Sputnik, онлайн-среда, видео, мультимедиа, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

О развитии значение термина «мультимедиа» в начале XXI века

Термин multimedia происходит от слов multi – много и media – носитель, среда [1]. Наиболее часто – после своего появления в начале 70-х – он использовался в сфере инженерии, точного приборостроения, а впоследствии и в компьютерных науках для

обозначения носителей информации, позволяющих хранить значительные объемы данных и обеспечивать достаточно быстрый доступ к ним.

Предвестники мультимедийных технологий появлялись и в первой половине 20 века. Американский ученый Веннивер Буш предложил собственную концепцию организации памяти MEMEX: она сделала возможным поиск информации по содержанию сообщения, а не по какой-либо общепринятой иерархии, коими в то время являлись алфавит и порядковые номера [2].

Первыми носителями такого типа были компакт-диски, механизм функционирования которых детально описал российский ученый, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов [3]. Тем самым подразумевается, что компьютер может использовать такие мультимедийные носители и предоставлять информацию пользователю через все возможные средства доставки: текст, аудио, видео, анимация, изображение и т.п.

Кроме этого, в техническом плане мультимедиа определяется как совокупность компьютерных технологий, использующих несколько информационных сред: помимо изображения, звуков, текстов, и видео, сюда включают двухмерную и трехмерную графику, видео, анимацию, интерактивные элементы. В исследованиях И.Н. Розиной мультимедиа рассматривается как «совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение. Технологию мультимедиа составляют специальные аппаратные и программные средства [4].

Тенденция к развитию мультимедиа намечалась и раньше – например, еще в 1972 г. в МИТ велись разработки по различным популярным медиатехнологиям, например, по touch-screen – способу сенсорного переключения для поиска контента различной природы [5]. Однако в те годы исследователи говорили лишь о возможной частичной трансформации содержания СМИ в сторону мультимедийности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Термин «мультимедиа» стал обретать большую популярность в 1990-е годы XX века, когда тенденцию к взаимопроникновению различных каналов передачи информации. Н. А. Савченко указывала на многозначную природу понятия и рассматривает мультимедиа через призму полисемии, многозначности составляющих ее компонентов: «Мультимедиа – это технология, описывающая порядок разработки, функционирования и применения средств обработки информации разных типов [6].

Кроме этого, ученые и медиапрактики стали внедрять термин «конвергенция». В первом десятилетии двадцатого века использовалась трактовка профессора Массачусетского технологического университета (MIT) Итьеля де Сола Пула: «Стирание границ между медиа как средствами обоюдной коммуникации, такими как телефон, почта, телеграф и как средствами массовой коммуникации, такими как пресса, радио и телевидение» [7].

Следующий этап развития мультимедийных СМИ представляют мессенджеры: Telegram, Whatsapp и другие. Все больше людей по всему миру хотят не выкладывать публичные посты на всеобщее обозрение, а делиться информацией с разными группами своих друзей, знакомых, коллег и единомышленников. Это происходит в первую очередь

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРИЕМЫ В АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕДИА...

благодаря push-уведомлениям, которые появляются на дисплее стационарных компьютеров и мобильных телефонов. Взаимодействие с этими приложениями часто происходит даже более интенсивно, чем с соцсетями.

В начале 2017 года ежемесячная аудитория самых популярных в мире мессенджеров – *WhatsApp* и *Facebook Messenger* – достигла отметки в 1 млрд пользователей у каждого из названных сервисов. Однако в России наблюдается несколько иная структура медиапотребления: в нашей стране приоритетом пользуются *WhatsApp*, а также мессенджер *Viber* [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новые формы медиапотребления и доставки рекламного сообщения в наше время являются развитием тех каналов передачи информации и средств доставки, которые уже вошли в жизнь. В основном это происходит благодаря конвергенции и развитию мобильных устройств. Изменяются лишь способы доставки контента, которые ускоряют процессы персонализации медиапотребления и повышают интерактивность аудитории мультимедийных СМИ.

Представим парадигму развития контента мультимедиа в форме следующей таблицы:

Таблица 1. Мультимедийные средства доставки информации

Средства доставки	Плюсы	Минусы
Веб-сайт	Получение информационных ресурсов «согласно принципу «здесь и сейчас»	Предполагает повсеместное развитие интернета и дополнительные усилия по поводу лояльного сообщества. Затруднительно привлечение внимания пользователей «на ходу»
Социальные сети	Развитие диалогового общения внутри собственно создаваемого сообщества	Возрастают шансы получения недостоверной информации
Мессенджеры	Персонализация мультимедийного общения	Опасность быть привязанным к субъективным взглядам «лидеров мнений».

Данная таблица показывает парадигму развития медиапотребления в сторону персонализации. Это соответствует потребностям целевой аудитории. Особый упор, как и раньше, делается на диалогичность передаваемых сообщений. Однако развитие мультимедиа предполагает свободу передачи контента, в том числе и некачественного, ложного, недостоверного. Это приводит к созданию дополнительных приемов верификации контента в сфере мультимедиа.

Автор неоднократно подчеркивал, что мультимедийная среда помогает разнообразить подачу информации, то есть привлечь внимание аудитории, а также

сделать более воспринимаемой ту информацию, которая в текстовом виде, например, не воспринималась бы аудиторией. Современный же человек является визуалом, то есть он предпочитает воспринимать информацию преимущественно в виде изображений), а количество альтернативных коммуникационных возможностей настолько велико (в век кино, телевидения, радио, Интернета и т.д.), что ему проще бросить читать на полпути сложный текст, чем дочитывать дальше. Удержать его поможет лишь «переупаковка» части текстовой информации в визуальную или аудиовизуальную. Собственно, в такой «переупаковке» и заключается искусство создания мультимедиа, которое увеличивает действенность информации, ее коммуникативный эффект и способствует лучшему усвоению, запоминанию и главное – пониманию информации [9].

В теоретической литературе представлены следующие модели чтения мультимедийного продукта:

- сеанс трансляции – линейная передача информации, которая не предоставляет потребителю иных возможностей влиять на потребление этой информации, кроме как остановить просмотр. Наиболее характерный вид – телевидение и кино; чтение представляет собой линейную передачу информации, которую, однако, можно прервать, и вернуться к ней в любой другой момент. Сюда относится любой записанный контент (например, записанное на кассету видео) или печатный текст; справочная консультация предлагает модель выборочного чтения ячеек памяти путем доступа к ним на основе формальной организации информации;

- навигация представляет собой перемещение по заранее запланированному маршруту согласно рубрикации, изложенной мультимедийной редакцией. Этот вид чтения нам предоставляют любые иерархические меню или последовательные переходы;

- изучение – данный вид чтения предполагает индивидуальное перемещение без заранее намеченного маршрута. Примером такого перемещения может быть чтение электронных энциклопедий. Читатель может самостоятельно выбрать тот контент и те подробности, которые его интересуют. Этот вид чтения предоставляет человеку максимальное богатство возможностей;

- виртуальный визит представляет собой навигацию, полностью зависящую от действий пользователя. Сюда относятся виртуальные экскурсии по музеям, городам, достопримечательностям [10].

Текстообразование, как правило, осуществляется под влиянием целеустановки редакции и конкретного автора текста. Однако автор как конкретный субъект, вносит свои, личностные коррективы в построение текста, т.е. осуществляет свою, авторскую прагматическую установку. На основании вышеизложенного мы можем предположить, что перечисленные факторы, влияющие на текстообразование, обнаруживаются и при создании текстов для Интернета. Именно гипертекстовая информационная модель, основанная на гипотезе о том, что переработка и генерация идей человеческим мозгом происходит не только логически, но и не в меньшем объеме ассоциативно, получила признание как способ представления и передачи знаний в Интернете. Гипертекстовая структура представления информации максимально соответствует нелинейному, формату структурирования знания, которое использует человек в своей информационной практике. Именно гипертекстовые принципы должны быть положены в основу компьютерных обучающих программ в системе современного, основанного на высоких технологиях, дистанционного обучения [11].

По мнению одного из ведущих лингвистов нескольких последних десятилетий Дэвида Кристала, под гипертекстом понимается вид письменной коммуникации, представляющей особую форму организации письменного текста, опосредованного компьютерной средой и характеризующейся процессом нелинейного письма и чтения [12]. Гипертекст – это ссылка на информационный источник, который ведет пользователей на другую страницу, содержащую подробную информацию о событии, человеке, явлении. Гипертекстом также считается энциклопедическое, научно-справочное или научно-популярное издание в виде словаря, «состоящее из расположенных в определённом логическом порядке фрагментов текста, где направление чтения не задано.

По мнению автора, которое основано на его тридцатилетнем опыте работы на телевидении, радио и в онлайн-медиа, по отношению к интернет-тексту принцип «перевернутой пирамиды» приобретает несколько иное значение. Каждая структурная единица медиатекста в интернет-среде должна быть самодостаточной и не отсылать читателя к уже прочитанному в целях экономии времени и денег.

В связи с ограниченностью объема интернет-текста для него приобретает особую значимость информационная насыщенность материала цифрами, фактами и значимыми деталями [13]. Среди профессионалов существует расхожее мнение: хорошим считается текст, который, по сути, невозможно законспектировать.

Кроме информационной насыщенности, характеристиками медиатекста являются: лаконичность; ясность; точность; емкость.

Рассмотрим приемы, которыми пользуются современные информационные медиа при освещении актуальных вопросов международной жизни

*Мультимедийные механизмы в освещении международных отношений
в первой трети XXI века*

В качестве объекта для анализа выбрано информационное агентство Sputnik, которое входит в состав МИА «Россия сегодня». Портал sputniknews.com осуществляет вещание более чем на 30 языках мира, включая языки стран бывшего СССР. Значительная часть информационного контента готовится в «хабах» – редакциях, которые располагаются в крупных городах указанных стран.

Девиз Sputnik един для всех языков вещания. В русском эквиваленте он звучит как «Мы говорим то, о чем другие молчат». На английском – Tellingtheuntold (Рассказывая нерассказанное). В немецком варианте – Keinersagtmehr (Никто не говорит больше). Это подчеркивает, что цель всех редакций международного информационного агентства – освещать те компоненты мировых событий, которые не находят отражения в работе международных мультимедийных СМИ. Именно поэтому автор имеет права утверждать, что практически все языковые версии сайта sputniknews.com являются для своих сегментов аудитории альтернативными источниками получения международной информации.

Среди основных элементов мультимедийного оформления статей можно выделить следующие:

- заголовок;
- лид;
- основной текст;

- иллюстрации;
- видеофрагменты;
- инжеты, эмбеды и гиперссылки.

При рассмотрении материалов агентства в разных языковых версиях были выявлены те моменты, которые делают мультимедийное вещание Sputnik наиболее привлекательным для читателя, зрителя и слушателя. Особое внимание в этом плане заслуживает комбинация «заголовок плюс лид плюс иллюстрация», который применяется в начале статьи. Цель этого комплекса – сделать так, чтобы на чтение статьи пользователь потратил максимальное количество времени.

В информационном сообщении английской редакции Sputnik рассказывается об уничтожении 60 боевиков движения «Талибан» регулярными частями афганской армии, что является одним из крупных успехов для вооруженных сил страны. (<https://sputniknews.com/asia/202012131081443318-afghan-security-forces-kill-over-60-taliban-militants-in-kandahar/>). Заголовок, который сообщает об этом, подкрепляется лидом, в котором приводятся данные о погибших и раненых, а также о сроках проведения операции. Данные факты подкрепляются профессиональной фотографией одного из блокпостов афганских вооруженных сил в горных районах страны. В этом случае заголовочный комплекс привлекает читателя к получению новых подробностей о военных столкновениях в Афганистане, которые продолжаются уже не один десяток лет. Данный материал «альтернативен» по своей природе в силу того, что о победах афганской армии в международных мейнстримовских медиа сообщается крайне редко: в основном в них идет речь о маневрах вооруженных сил Великобритании и США.

Интересные детали используются и в материале о победе кыргызстанца Рафаэля Физиева в титульном бою на турнире по смешанным единоборствам в американском Лас-Вегасе. В отличие от других национальных СМИ, сообщивших о победе, сотрудники редакции называют бонус, который получил боец за победу – 50 тысяч долларов США. Кроме этого, в данной статье обозначаются подробности боя – используются такие конструкции, как «красивый нокаут», «досрочная победа» (<https://ru.sputnik.kg/sport/20201213/1050761908/rafael-fiziev-bonus-boy-ufc-pokaut.html>). Это придает информативности данному событию. Кроме этого, такие заголовочные комплексы становятся основой контента для Telegram-канала и аккаунтов Sputnik в социальных сетях.

Альтернативная точка зрения прослеживается в материале польской редакции Sputnik о начале поставок польских яблок в Тайвань – их импорт в Россию невозможен в силу введенного Российской Федерацией «продуктового эмбарго» против стран Евросоюза в 2014-м году. (<https://pl.sputniknews.com/polska/2020121213508254-polskie-jablka-debiutuja-na-powym-gynku/>). Журналисты напоминают, что в России польские яблоки зачастую не соответствовали эпидемиологическим нормам. Польские СМИ эту тему не затрагивали.

Помимо заголовочных комплексов обращает на себя внимание и структура мультимедийного текста в материалах Sputnik. Она, как правило, носит диалогичный характер: вся содержащаяся там информация разбита по коротким абзацам, в которых содержатся гиперссылки, указывающие на источники информации, а также на «фоновую информацию» о событии, которую можно будет узнать в предыдущих материалах. Между абзацами располагаются фотоматериалы, графические элементы, а также

скриншоты постов из социальных сетей (эмбеды). Цель последних – доказать читателю, что обсуждение данного вопроса имело место в социальных сетях.

Показательным примером такого материала служит рассказ все той же редакции о подробностях введения военного положения в Польше в 1981 году (<https://pl.sputniknews.com/pisza-dla-nas/2020121313510139-stawka-wieksza-niz-zycie-sputnik/>). В данном материале содержатся «инжекты», ссылки на предыдущие материалы об основных событиях, которые предшествовали этому. Также в инжектах и гиперссылках приводятся показания очевидцев и людей, которые принимали ключевые решения в непростое для страны время. Польская редакция Sputnik, в отличие от СМИ данной страны, сообщает о том, что в ведении военного положения были не только минусы. Редакция предоставляет разные точки зрения на события сорокалетней давности. Убедительность данному рассказу придают и черно-белые материалы того времени.

В таком же ключе – с помощью инжектов и гиперссылок - редакция Sputnik Латвия рассказывает о расколе в коммунистической партии этой страны. Идеи коммунизма и социализма в Латвии не поддерживаются мейнстримовскими СМИ (<https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20201213/14840545/Proklyatie-Zaktistova-predsedayatelja-KPV-LV-isklyuchili-iz-partii-a-on-naprorochil-raskol.html>). Инжекты и гиперссылки сообщают подробности развития конфликтной ситуации, которая связана с подозрениями в нецелевом использовании партийных финансов. Все это усиливает объективность и непредвзятость редакции в освещении деятельности партии, которая до сих пор находит поддержку среди латвийских избирателей.

Большое распространение получила на порталах Sputnik инфографика. Она, как правило, используется для того, чтобы проиллюстрировать темы, которые подробно не изучаются мейнстримовскими медиа «Старого Света». Например, редакция Sputnik Италия познакомила читателей с данными прогноза стран развития Евросоюза в 2021-2027-м годах (<https://it.sputniknews.com/infografica/202011199802088-bilancio-dellueper-il-periodo-2021-2027-e-piano-per-la-ripresa/>). Особое место занимают факты, которые свидетельствуют о напряженной ситуации в экономике стран Старого Света.

Интересный пример нахождения угла подачи предложили сотрудники Sputnik Молдова. Они сравнили количество полных тезок в Молдове у кандидатов в Президенты и представили их в форме таблицы в цветах бренда Sputnik (<https://ru.sputnik.md/society/20201030/32220071/tezki-kandidatov-v-prezidenty-moldovy.html>). Такой подход, который привносит в информацию о выборах элемент развлекательности, не был использован редакциями других СМИ.

Нестандартный подход демонстрируют редакции и подготовке онлайн-видео. Зачастую редакции не используют закадровый текст. Этот прием является традиционным для телекомпаний. В онлайн-среде редакции, например Sputnik Грузия, используют титры, которые располагаются на фоне цвета бренда агентства (<https://sputnik-georgia.ru/video/20201210/250304195/Sila-dolgoletiya-104-letnyaya-gruzinka-poborola-COVID-19---video.html>). Именно такая технология применяется в рассказе о 104-летней жительнице страны, которая вылечилась от коронавируса. Этот случай является применением технологии «самый-самый» на альтернативных онлайн-ресурсах.

Также эффективными оказываются оперативные видео, размещаемые на сайте альтернативных медиа. Редакция Sputnik Беларусь разместила на своих ресурсах – как на сайте так и в соцсетях – видео пожара на зерноскладе в одном из белорусских городов

(<https://sputnik.by/video/20201211/1046366011/Silnyy-pozhar-proizoshel-na-zernosklade-v-Kobrine--video.html>). Такого рода оперативные материалы приносят дополнительные просмотры видеоконтента на ресурсах агентства. По предварительным оценкам автора, доля таких материалов составляет примерно 25 процентов от общего видеоконтента агентства.

Проведение анализа мультимедийных медиатекстов Sputnik позволило нам отобразить типологию использования элементов в информационном сторителлинге.

Таблица 2. Развитие мультимедийных элементов в информационном вещании Sputnik

Элемент мультимедиа	Основные характеристики	Парадигма развития
Медиатекст	Диалогичность, ясность, краткость, наличие гипертекстовых элементов.	Яркость в оформлении элементов, развитие технологии инжектов и эмбедов, которые повышают востребованность медиатекста.
Видео	Вкрапление в материалы, использование в мультимедийных историях в качестве иллюстрации. Самостоятельное использование на агрегаторах и видеопорталах	Увеличение количества видеороликов с рассказчиком в кадре, субъективных видеороликов в жанре наблюдения, рост количества видеопродукции с хронометражем до одной минуты. Рост количества оперативных материалов на ресурсах агентства.
Иллюстрации	Титульная фотография к тексту, использование в форме фотолент и фотоочерков, иллюстрация отдельных элементов медиатекста	Дальнейший рост популярности и востребованности профессиональных фотографий
Инфографика	Графическая репрезентация цифр и фактов.	Визуализация цифр, фактов и деталей, которые сложно отобразить с помощью фото и видео.

Данная таблица иллюстрирует парадигму развития мультимедийных элементов в сторону диалогичности и краткости, что подчеркивает высказанное ранее автором предположение об общей диалогизации всех сфер мультимедиа.

Приведенные выше примеры показывают наиболее успешные технологии в информационном агентстве, которое является источником альтернативной информации в ряде стран. Главным критерием успеха в этих случаях является успешная технология отбора необычного угла подачи, который является уникальным в медиаландшафте отдельно взятой страны.

При рассмотрении подходов к медиатексту нами было выявлено, что его концепция расширяет рамки уже сложившейся знаковой системы вербального уровня. Поэтому крайне продуктивно ее рассмотрение прежде всего с семиотической и полифункциональной точки зрения. Мы принимаем положение ряда исследователей о том, что характер восприятия текста обеспечивается не только за счет языковых единиц и особенностей их сочетаемости, но также и благодаря конкретным условиям осуществления коммуникации в разных странах.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов [Текст]. – М.: ЛОКИД-пресс, 2005. – 654 с.
2. Пенская, З. П. Формирование языковой компетенции студентов технического колледжа средствами мультимедиа [Текст] :дис.. канд.пед.наук:13.00.04 / З. П. Пенская. –Астрахань, 2010. – 158с.
3. Русяев, М. А. Жорес Алферов – человек, который меняет мир. [Электронный ресурс] / М. А. Русяев, М. В. Китаева. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26335118>. – (Дата обращения: 25.04.2020).
4. Розина, И. Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация : теория и практика [Текст] / И. Н. Розина. – М. : Логос, 2005.
5. Lemelshtrich Latar N. Two-Way Communications: Political and Design Analysis of a Home Terminal Policy. Research Series, Sage Publications no 90-011 vol 2, 1974. (Sponsored by the Center for Policy Research, Columbia University, New York).
6. Савченко, Н. А. Использование мультимедиа-технологий в общем и среднем образовании [Текст] / Н. А. Савченко. – М. : РУДН, 2006.
7. Pool I. D. S. Electronics Takes Command in Finnegan R., Salaman G. and Thompson K., Information Technology: Social Issues. A Reader, London, TheOpenUniversity, 1987
8. «ВымпелКом» оценил популярность мессенджеров среди своих абонентов [Электронный ресурс] // РБК. 06.03.2017. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/technology_and_media/06/03/2017/58b99c419a79473e6841bfbd. – (Дата обращения: 19.06.2017).
9. Jenkins H. Confronting the challenges of participatory culture. Chicago: MacArthur Foundation, 2007.
10. Gardies R. (ed.), Comprendre le cinema et les images, Paris, Armand Colin, 2007.
11. Kedrova G. Effective authoring procedure for e-learning courses' development in philological curriculum based on LOs ideology // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). 2011. Vol. 6562. P. 380-387
12. Crystal D. Internet linguistics. London: Routledge, 2011. 179 p.

13. Zhang W. Johnson, Seltzer T. Revolution Will be Networked. The Influence of Social Networking Sites on Political Attitudes and Behavior. Available at: <https://doi.org/10.1177/089443930933516>. (accessed 15 September 2020).

References

1. *Slovar Inostrannykh Slo* [The Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Lokid-Press Publ., 2005. 654 p.
2. Penskaya Z.P. *Formirovanie Yazykovoi Kompetentsii Studentov Tekhnicheskogo Kolledzha Sredstvami Multimedia*: Dis. ... Kand. Ped. Nauk [Formation of Linguistic Competencies of Students of the Technical Colleges by Means of Multimedia. Thesis]. Astrakhan, 2010. 158 p.
3. Rusyaev M.A, Kitaeva. M.V. *Zhores Alferov – Chelovek Kotoryi Menyaet Mir* [Zhores Alferov – the Man Who Changes the World]. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26335118> (accessed 25 April 2020).
4. Rozina I.N. *Pedagogicheskaya Kompyuterno-Oposredovannaya Kommunikatsiya: Teoriya I Praktika* [Pedagogical Computer-Based Communication. Theory and Practice]. Moscow: Logos Publ., 2005.
5. Lemelshtrich Latar N. Two-Way Communications: Political and Design Analysis of a Home Terminal Policy. Research Series, Sage Publications no 90-011 vol 2, 1974. (Sponsored by the Center for Policy Research, Columbia University, New York).
6. Savchenko N.A. *Ispolzovanie Multimedia-Technologii v Obshchem i Srednem Obrazovanii* [The Use of Multimedia Technologies in General and Secondary Education Degrees]. Moscow: RUDN Publ., 2006.
7. Pool I.D.S., Electronics Takes Command in Finnegan R., Salaman G. and Thompson K., Information Technology: Social Issues. A Reader, London, The Open University, 1987
8. *Vympelkom Otsenil Populyarnost Messendzherov Sredi Svoikh Abonentov* [Vympelkom Assessed Popularity of the Messengers among its Subscribers]. Available at: http://www.rbc.ru/technology_and_media/06/03/2017/58b99c419a79473e6841bfbf. (accessed 19 June 2017).
9. Jenkins H. Confronting the challenges of participatory culture. Chicago: MacArthur Foundation, 2007.
10. Gardies R. (ed.), Comprendre le cinema et les images, Paris, Armand Colin, 2007.
11. Kedrova G. Effective authoring procedure for e-learning courses' development in philological curriculum based on LOs ideology // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). 2011. Vol. 6562. P. 380-387
12. Crystal D. Internet linguistics. London: Routledge, 2011. 179 p.
13. Zhang W. Johnson, Seltzer T. Revolution Will be Networked. The Influence of Social Networking Sites on Political Attitudes and Behavior. Available at: <https://doi.org/10.1177/089443930933516>. (accessed 15 September 2020).

MULTIMEDIA TOOLS IN INTERNATIONAL ALTERNATIVE MEDIA

Dmitriev O. A.

Summary. This article reviews the attempt to trace the development of the multimedia system on the alternative media resources that are gaining huge popularity among the readers who tend to mistrust the information of the mainstream media. The subject of analysis is the content of Russian International News Agency Sputnik, that is viewed by some researchers as an alternative to the leading international mass media in English. The theory of the issue is based on the author's notion of the multimedia and ways of its development in 21-st century. The article also reviews milestones in the development of multimedia and convergence that boosted the development of the modern media. The scholar also takes a look at various multimedia elements that enhance the development of alternative storytelling in the materials of Sputnik. The article also reviews the content from various language editions of the international news agency. That can be classified as alternative on the international level. Among the elements the author singles out mediatext, illustrations, video, infographics and also injects and embeds that became popular in multimedia articles at the beginning of the 21-st century. During the analysis the author pays special attention to the unique features of the content that were never reflected in the mainstream media. The article contains tables that help to understand the ways the multimedia tools can be used in international alternative environment. At the end the author develops the paradigm of the alternative media content development for the upcoming years.

Keywords: alternative media, content, news, Sputnik, online-environment, video, multimedia, mediatext.

УДК 070:316.77(292.471)

ВЛИЯНИЕ МЕДИАДИСКУРСА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Егорова Л. Г.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
им. Февзи Якубова»,
г. Симферополь
E-mail: legora@list.ru*

В статье описываются специфические признаки регионального дискурса СМИ, к которому на данном этапе развития научной мысли проявляют интерес филологи, социологи, философы, политологи, поскольку региональные средства массовой информации оказывают значительное влияние на формирование картины мира определенной территории, а медиатексты наполняют ее ключевыми смыслами, значимыми для гражданского общества региона. Региональные СМИ как часть медиасистемы государства информируют, убеждают, влияют, и для осуществления всех этих функций им необходимо владеть ситуацией сегодняшнего дня. А потому региональная картина мира находится в постоянном изменении и каждая ситуация погружается средствами массовой информации в социокультурный контекст территории. Автор отмечает, что региональный медиадискурс в ситуации трансформации мировоззренческой парадигмы транслирует данные о социальной реальности исходя из сложившихся особенностей развития региона. Тексты СМИ наполняют региональную картину мира ключевыми концептами, а также оказывают существенное влияние на формирование и трансформацию идентичности жителей региона. В ходе проведенного исследования были выделены наиболее показательные макротемы, формирующие информационную повестку дня Республики Крым и оказывающие влияние на формирование региональной идентичности адресата медиасообщения.

Ключевые слова: дискурс СМИ, медиатекст, региональная идентичность, регионология, Республика Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Региональная картина мира в значительной степени складывается под влиянием местных средств массовой информации, поскольку медиатексты транслируют ключевые смыслы, важные для регионального сообщества. Региональные СМИ, являясь неотъемлемой частью национальной медиасистемы, реализуют базовые функции информирования, убеждения, влияния на общественное мнение, конструирования информационной повестки дня на конкретной территории. При этом, формируя динамичную региональную картину мира, местные СМИ подают любое событие с учетом социокультурного контекста. Картина мира региона, являясь частью медиакультурного пространства государства, отличается особыми признаками, обусловленными спецификой конкретной территории: географической, природно-климатической, культурной и др. Ее уникальность связана и с этническим фактором: каждый из этносов, проживающих в регионе, сохраняет особенности своего менталитета, быта, религиозных взглядов, культуры, мировоззрения в целом. Но при этом в процессе совместного проживания, помимо этнической, формируется и локальная идентичность, обусловленная территориальным фактором [5]. Описанию региональной картины мира

посвящено достаточное количество исследовательских работ: монографии «Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и мифологемы» [1], «Медиакоммуникации современного города» [13], «Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее» [9], труды Т. Л. Каминской [7], Е. Д. Маленовой [8], В. В. Тулупова [16], М. П. Рачкова [10], Е. С. Шандрыговой [17], Н. В. Яблоновской [18], Ю. А. Ястремской [19] и др. Вместе с тем, непрерывные изменения социальной действительности обуславливают необходимость введения новой параметризации материала с описанием исторического опыта и современных аспектов, связанных с трансформацией региональной картины мира. Отметим, что специфические признаки регионального медиадискурса, по нашему мнению, наиболее четко представлены в печатных СМИ и отражаются в содержании информационной повестки дня, особенностях освещения значимых событий, отбора тем, жанровой палитре, принципах организации диалога с аудиторией. Цель нашего исследования – охарактеризовать феномен регионального медиадискурса (на примере печатных СМИ Республики Крым) и его влияние на формирование крымской идентичности в современных социополитических условиях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискурс СМИ формируется совокупностью средств массовой коммуникации и транслируемых ими медиатекстов и представляет собой многоструктурное и многокомпонентное коммуникативное явление [6]. Коммуникативные стратегии медиадискурса представлены следующими стратегиями: селективной, связанной с отбором информации и освещением значимых событий или намеренным отсутствием внимания к определенным темам; композиционной, предусматривающей особые подходы к структурированию информации, и презентационной стратегией фокусировки информации. В медиадискурсе, одной из целей которого является описание и интерпретация фактов действительности, значимыми становятся не только ситуации или явления, но и способы передачи информации. Отметим, что ценность события актуализируется в процессе сообщения о нем, что и определяет ключевую роль СМИ в формировании представлений адресата о положении дел в сферах общественной жизни, а также особенностей выражения различных сторон существования социума [20]. К важным особенностям дискурса СМИ можно отнести сближение лингвистической и прагматической составляющих и их трансформацию под воздействием экстралингвистических факторов. С позиции прагматического подхода внимание уделяется двум субъектам, которые в ходе коммуникационного процесса могут меняться ролями. В целях привлечения интереса адресата (целевой аудитории СМИ) информация структурируется и оформляется таким образом, чтобы читатель чувствовал себя участником диалога, то есть адресат должен воспринимать интенции адресанта как собственные. Поскольку одной из основных функций средств массовой информации является удовлетворение информационных потребностей аудитории, то успешность ее реализации и обеспечивает жизнеспособность СМИ. В медиатексте диалог с аудиторией позволяет обозначить пространство адресата, который выступает в роли объекта в журналистском монологе и субъекта – в диалоге. Благодаря обратной связи поддерживается единство коммуникативного пространства, появляется новая информация, дополняющая исходный медиатекст, корректирующая сказанное,

расширяющая или сокращающая содержание сообщения [4]. Таким образом, при создании текста СМИ учитывается «фактор адресата медиасообщения», поскольку журналисту необходимо создать наиболее благоприятные условия для усвоения информации целевой аудиторией. Важную роль при этом играет понимание общественно-политических и нравственных ценностей, пресуппозиционного поля, сформировавшегося у адресата сообщения в ходе взаимодействия с социокультурным пространством региона, а также специфика использования в текстах оценочных средств, так как печатные СМИ как инструмент создания оценок формируют идеологические установки читателей [21]. Каждое издание таким образом представляет свое восприятие действительности, выбирая оптимальную форму преподнесения в зависимости от особенностей и характеристик своей целевой аудитории. «Социальное назначение массмедийного дискурса состоит в том, чтобы внушить аудитории необходимость «правильных» оценок и действий» [3].

В отношении трактования понятия «региональный дискурс СМИ» отметим, что это по-прежнему дискуссионный вопрос. Обозначим позиции, важные для понимания данного феномена. Для современного общественно-политического устройства Российской Федерации характерна тенденция регионализации. Регион представляет собой сложное социально-политическое, экономическое, культурное образование, представление о нем как об особой культурной среде, обладающей специфическими характеристиками и формирующей собственную ценностную систему, дает исследователям основания говорить о значимости изучения региональной языковой личности и регионального языкового сознания [5]. Региональные медиа функционируют в рамках национальной медиасистемы [12], однако отметим тенденцию изучения их как автономного института, особенности которого определяются типом медиатизации региона. «Российская региональная пресса – важнейший институциональный атрибут всех территорий страны, способствующий сохранению местного сообщества, являющийся основной площадкой для обсуждения местной повестки дня» [16, с. 89].

Для нашего исследования значимым является тот факт, что региональный медиадискурс предоставляет информацию о социальной реальности исходя из текущих особенностей развития региона в ситуации трансформации мировоззренческой парадигмы. Одним из наиболее значимых, по нашему мнению, преимуществ региональных изданий является близость к читателю, живущему на конкретной территории [14], способность удовлетворить потребности аудитории в получении местных новостей, а также информации прикладного характера. Исследование особенностей медиатекстов региональных СМИ дает основание говорить об их тесной связи с феноменом идентичности. Региональная идентичность, как отмечает Д. В. Сосновский, представляет собой комплекс факторов, которые определяют осознание индивидом собственной территориальной, культурной и политической принадлежности [15, с. 44]. Считаем необходимым отметить, что специфика крымского региона заключается в сосуществовании на его территории различных этносов и разнообразии поддерживаемых культурных традиций, а также субъективном уровне территориальной идентификации с присущей ему выраженной эмоциональной составляющей. Исследователи, говоря о субъективной составляющей региональной идентичности, обращают внимание на характерное чувство привязанности индивида к своему региону и восприятие его как отличающегося от других [5]. При этом политические и административные характеристики идентификации территории, по

замечанию Е. В. Головневой, отходят на второй план: «Региональная идентичность в этом смысле характеризуется как эмоциональная категория, предполагающая чувство места и привязанности к нему» [2, с. 184].

На формирование идентичности жителей Крыма, по нашему мнению, в первую очередь оказывают влияние местные средства массовой информации. Отметим ряд активно задействованных тематических векторов, в числе которых исторический, культурный, личностный, географический [5]. Из них именно географический вектор, связанный с трансляцией идеи территориальной принадлежности, сопричастности территории, признанием себя жителем региона, является, по нашему мнению, доминирующим и представлен в значительной части проанализированных нами публикаций. Приведем несколько показательных примеров: *Меньше трёх недель остаётся до выборов президента нашей страны, в которых впервые примут участие и крымчане. Причём в знаменательную для полуострова дату – 18 марта, День воссоединения **Крыма** с Россией* (Крымская правда, 1.03.2018); *Горы, море, фрукты и вино – всё это **мы, крымчане**, и приезжие туристы считаем визитной карточкой нашего полуострова* (Крымская правда, 4.04.2018); *Так что стоит почаще вспоминать, что все **мы крымчане**, а добрые дела ещё никому не мешали жить счастливо* (Крымская правда, 17.04.2018). Итак, информационное пространство региона имеет особую организацию, что определяет доминирующее влияние средств массовой информации на формирование регионального имиджа, репарационного капитала территории. Исследователи выделяют ряд традиционных функций, реализуемых акторами регионального медиaprостранства [11]. Среди них функция интеграции различных сил региона для поддержания нового порядка: *Вспомните, как все вместе мы с вами выбирали своё будущее. Каждое слово, каждый голос имели тогда значение. Именно тогда мы почувствовали себя народом, а не просто населением - сборищем разрозненных индивидуумов, отягощённых каждый своими проблемами. Мы почувствовали себя реальной силой, способной творить историю. И мы этой силой стали* (Крымская правда, 16.03.2018). Особо важной представляется функция разграничения «свой» – «чужой» в различных сферах жизни общества с задействованием стратегии примирения и установления консенсуса: *Крымчане должны жить на благословенной земле Крыма как добрые соседи, а не делиться на гостей и хозяев этой земли. Попытки узаконить такое деление неизбежно приведут к возникновению и развитию этнополитического конфликта в Крыму* (Крымская газета, 26.09.2018). Региональное медиaprостранство выступает площадкой для дискуссии, выражения мнений и точек зрения по актуальным вопросам и событиям: *В Крыму обсуждают Послание президента Федеральному Собранию* (Крымская газета, 21.04.2018).

Регионального медиадискурсу присуща достаточно устойчивая тематическая структура и аксиологическая оценка. В ходе исследования нами выделены ключевые темы в информационной повестке газет «Крымская правда», «Крымская газета», «Крымские известия» 2014–2018 гг. Так, характеризуя политическую ситуацию в Крыму и работу чиновников, издания формируют в целом положительный образ представителей власти полуострова. При этом адресат медиатекстов зачастую позиционируются как объект заботы властей: *Практика селекторных совещаний с главами муниципалитетов, применяемая ранее крымским правительством, оказалась малоэффективной. Чиновники, привыкшие к такому формату контроля, начали замалчивать проблемные вопросы, недоговаривать, уходить от ответов, а порою и лгать главе республики. Так что понять*

истинное положение дел в районах стало невозможным. Именно поэтому Сергеем Аксёновым было принято решение начать разговаривать не с чиновниками, а с людьми. Теперь два раза в неделю члены крымского правительства будут выезжать в районы и проводить приёмы граждан (Крымская правда, 13.10.2017); Жизнь в Республике Крым довольно 88% опрошенных, и этот показатель растет с 2014 года, доказывают данные отчета по социологическим исследованиям ВЦИОМ за февраль 2018 года. Уровень одобрения главы Крыма Сергея Аксенова также высок – 76%. Эти же 76% хотели бы, чтобы он и дальше оставался руководителем (Крымская газета, 19.02.2018). Значимым для регионального информационного пространства остается акцент на связи Крыма с большой родиной – Россией и русской культурой: Праздник, отныне ставший официальным и для нас, жителей полуострова. Конечно, он был для нас праздником и раньше, ведь сердца многих крымчан всегда бились в такт с курантами на Спасской башне московского Кремля, и все радости и тревоги Великой России мы принимали, как свои. И отмечали мы его по-крымски, радуясь за Россию и грустя от вынужденной разлуки. Но вопреки границам и политикам мы были вместе с Россией, с Родиной. Вместе: духовно, исторически, культурно, по-семейному, по-братски, едины в своих многонациональных колоритах, надеждах и устремлениях (Крымская правда, 10.06.2014); Значительная часть населения полуострова считает, что восстановлена историческая справедливость. Крым — часть России. Кроме того, годовой бюджет Крыма и Севастополя вырос более чем в пять раз. В три раза увеличились заработные платы, идет активное строительство. Соответственно, улучшается качество и уровень жизни населения (Крымская газета, 20.02.2018). Можно говорить о том, что данный фактор связан с необходимостью трансляции нового вида идентификации. Поскольку Крым представляет собой исторически сложившееся многонациональное пространство, культурное и этническое разнообразие региона как важный фактор идентичности крымчан также находит отражение в материалах местных печатных СМИ: Не будет преувеличением сказать, что Крым – это Россия в миниатюре. Прежде всего благодаря своей насыщенной этнической палитре. И уже только одно это обстоятельство делает наш полуостров особенной территорией. Ведь чем больше этносов живёт на весьма ограниченном пространстве, тем многограннее отношения между ними – от добрососедских до драматических. И вот именно в этом – в создании комфортной атмосферы для представителей всех национальностей и вероисповедания – и состоит тонкое искусство государственной этнополитики (Крымская газета, 07.11.2017).

Помимо особого культурного кода, сложившегося в регионе, тексты региональных газет отражают особенности природных и экономических характеристик территории. Для Крыма важным является рекреационный потенциал полуострова, что обуславливает повышенное внимание местных СМИ к проблемам и перспективам развития туристической сферы: Прошлогодние прогнозы экспертов, уверявших, что курортный сезон 2015 года продемонстрирует всевозрастающий интерес россиян к Крыму, оказались верными. Пляжи приморских городов действительно не пустовали. Об уверенном росте популярности крымских курортов свидетельствуют и данные статистики (Крымская правда, 8.09.2015); Собственно, глобальных проблем, мешающих крымским курортам выйти на качественно новый уровень, несколько. Наиболее острая, а соответственно, и очевидная связана с несоответствием цены и качества предоставляемых курортных услуг. Дело в том, что из-за этого дисбаланса туристы

нередко склоняются к выбору других курортных регионов, расположенных в Черноморском бассейне. Изменить ситуацию непросто, но возможно, уверен глава Крыма Сергей Аксёнов (Крымская правда, 18.01.2017). В целом региональная повестка дня формируется следующими структурными компонентами (расположены в порядке убывания частотности): политическая ситуация, экономика, социальные аспекты, актуализация общих ценностей, обсуждение проблем региона. Среди векторов идентификации адресата в печатных изданиях следует выделить связь с региональной территорией – Крымом, с большой родиной – Россией, а также преобразовательные процессы на полуострове.

ВЫВОДЫ

Картина мира региона, будучи частью общего медиапространства государства, характеризуется особыми признаками, обусловленными географической, природной, исторической, культурной и др. спецификой. Региональная картина мира формируется под влиянием местных СМИ, освещающих факты и события через призму регионального социокультурного контекста и транслирующих ключевые смыслы, значимые для регионального сообщества. В региональном медиадискурсе информация о фактах и событиях социальной действительности преподносится с учетом специфики текущего этапа развития региона, актуальных ценностных и мировоззренческих ориентиров. Особенности регионального дискурса СМИ проявляются ситуативно в жанрово и тематически обусловленной речевой деятельности, выборе коммуникативных стратегий и тактик. Специфические признаки регионального медиадискурса представлены в печатных СМИ и отражаются в особенностях повестки дня, способах освещения событий, наиболее востребованных темах, жанровой палитре, принципах организации диалога с аудиторией. Региональные печатные СМИ способны удовлетворить потребности жителей региона в получении местных новостей, а также информации прикладного характера, близость к читателю является одним из преимуществ таких масс-медиа. Исследование особенностей медиатекстов региональных СМИ дает основание говорить об их тесной связи с феноменом идентичности. В частности, в региональных изданиях отмечены процессы медиаконструирования крымской идентичности с привлечением таких тематических направлений, как географическое, историческое, культурное и др. Отметим, что региональные СМИ выступают площадкой для дискуссии, выражения точек зрения по значимым вопросам, выполняют роль интегратора конструктивных сил на полуострове, активно задействуя стратегию достижения ценностного консенсуса.

Список литературы

1. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы : монография / О. В. Орлова и др. – Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2011. – 223 с.
2. Головнева, Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона / Е. В. Головнева // Известия Урал. федер. ун-та. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 167. – Т. 12 (3). – С. 182–189.

3. Дементьева, К. В. Формирование дискурса региональных массмедиа [Электронный ресурс] / К. В. Дементьева // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 10. – URL: <http://human.snauka.ru/2014/10/8050> (дата обращения: 16.01.2021).
4. Демьянков, В. З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 87 с.
5. Егорова, Л. Г. Крымская идентичность в медийной картине мира / Л. Г. Егорова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – Т. 8, №2. – С. 373–387.
6. Егорова, Л. Г. Специфика современного регионального дискурса сми (на примере печатной прессы республики Крым) / Л. Г. Егорова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 615–628.
7. Каминская, Т. Л. Региональное медиаполе: векторы развития / Т. Л. Каминская // Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 73-1. – С. 20–23.
8. Маленова, Е. Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование / Е. Д. Масленова, М. В. Терских. – Омск : ЛИТЕРА, 2015. – 160 с.
9. Районные газеты Пермского края : настоящее и будущее [Электронный ресурс] : монография / под общ. ред. Л. Л. Черепановой. – Пермь, 2017. – URL : <https://elis.psu.ru/node/488482> (дата обращения: 16.01.2021).
10. Рачков, М. П. Наука и журналистика : Работы разных лет / М. П. Рачков. – М. : ЗАО «СВР «Медиапроекты», 2014. – 224 с.
11. Романов, А. А. Медиакоммуниканты в региональном политическом пространстве / А. А. Романов, В. Х. Зайнабдиев // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин : Первый межд. научный colloquium. – Белгород, 2013. – С. 81–83.
12. Савчук, С. О. Лексико-семантические особенности текстов региональных СМИ по данным корпусного обследования / С. О. Савчук // Труды междунар. конференции «Корпусная лингвистика – 2015». – СПб., 2015. – С. 398–406.
13. Смеюха, В. В. Медиакоммуникации современного города : монография / В. В. Смеюха, Д. А. Подобед, Е. С. Сипко. – Ростов н/Д, 2017. – 174 с.
14. Соломонов, Ю. Ю. Региональная пресса Франции: история и секреты успеха ежедневных газет. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 136 с.
15. Сосновский, Д. В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014) : дис. ... канд. полит. наук / Д. В. Сосновский. – М., 2014. – 171 с.
16. Тулупов, В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // Вопросы теории и практики журналистики. – Иркутск, 2013. – № 2 (4). – С. 78–92.
17. Шандрыголова, Е. С. Современная отечественная региональная пресса как объект научной рефлексии [Электронный ресурс] / Е. С. Шандрыголова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2, ч. 1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20737> (дата обращения: 16.01.2021).
18. Яблоновська, Н. В. Трансформація кримськотатарських дитячих медіа в Криму / Н. В. Яблоновська // Медіатрансформації: кол. монографія. – К.: КНУКиМ, 2014. – С. 118–134.
19. Ястремская, Ю. А. Общественно-политический дискурс городской провинциальной газеты в диахронном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Ю. А. Ястремская – Челябинск, 2014. – 170 с.

20. Bell, A. Language and the Media / A. Bell // Annual Review of Applied Linguistics. – 1995. – Vol. 15. – P. 23–41.
21. Reath, D. The language of newspapers / D. Reath. – London : Psychology Press, 2002. – 126 p.

References

1. Aktual'nyj srez regional'noj kartiny mira: kul'turnye koncepty i neomifologemy [Actual section of the regional picture of the world: cultural concepts and neomythologemes]. – Tomsk, 2011. 223 p.
2. Golovneva E. V. Regional'naja identichnost' i identichnost' regiona [The regional identity and identity of region]. *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Serija: Obshchestvennye nauki*, 2017, No 167, Vol. 12(3), pp. 182-189.
3. Dement'eva K. V. Formirovanie diskursa regional'nyh massmedia [The regional mass media discourse forming]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, 2014, No 10. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/10/8050> (accessed 16.01.2021)
4. Dem'jankov V. Z. Special'nye teorii interpretacii v vychislitel'noj lingvistike [The special theories of interpretation in computational linguistics]. Moscow, 1988. 87 p.
5. Egorova L. G. Krymskaja identichnost' v medijnoj kartine mira [The Crimean identity in media picture of the world]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2019, Vol 8, No 2, pp. 373-387.
6. Egorova L. G. Specifika sovremennogo regional'nogo diskursa SMI (na primere pechatnoj pressy Respubliki Krym) [Modern regional media discourse features (on the example of the Republic of Crimea printed press)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2019, Vol 7, No 4, pp. 615-6287.
7. Kaminskaja T. L. Regional'noe mediapole: vektory razvitija [Regional media space: the development vectors]. *Vestnik Novgorodskogo gos. universiteta im. Jaroslava Mudrogo*, 2013, No 73-1, pp. 20–23.
8. Malenova E. D. Mediaobraz sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie [Media image of Siberian region : linguistic and cognitive modelling]. Omsk, 2015. 160 p.
9. Rajonnye gazety Permskogo kraja : nastojashhee i budushhee [District newspapers of Perm region : the present and the future]. Perm, 2017. URL : <https://elis.psu.ru/node/488482> (accessed 16.01.2021)
10. Rachkov M. P. Nauka i zhurnalistika : Raboty raznyh let [Science and journalism: the works of different years]. Moscow, 2014. 224 p.
11. Romanov A. A., Zajnalabdiev V. H. Media-kommunikanty v regional'nom politicheskom prostranstve [Media communicants in regional political space]. *Mass-media i massovyje kommunikacii: status nauchnyh i uchebnyh disciplin*. Belgorod, 2013, pp. 81–83.
12. Savchuk S. O. Leksiko-semanticheskie osobennosti tekstov regional'nyh SMI po dannym korpusnogo obsledovanija [Lexical and semantical features of regional mass media texts according to corpus research]. *Trudy mezhdunarodnoi konferencii «Korpusnaja lingvistika – 2015»*, . 2015, pp. 398-406.
13. Smejuha V. V, Podobed D. A., Sipko E. S. Mediakommunikacii sovremennogo goroda [Media communications of modern city]. – Rostov-on-Don, 2017. 174 p.

14. Solomonov Ju. Ju. *Regional'naja pressa Francii: istorija i sekrety uspeha ezhednevnyh gazet* [Regional printed media of France: history and secrets of success of daily newspapers. Moscow, 2003. 136 p.
15. Sosnovskij D. V. *Processy formirovanija regional'noj identichnosti v Krymu v kontekste poljarizacii ukrainskogo obshhestva (1991–2014) : dis. kand. polit. nauk* [The processes of regional identity forming in Crimea in the context of Ukrainian society polarization (1991–2014). Thesis]. Moscow, 2014. 171 p.
16. Tulupov V. V. *Regional'naja zhurnalistika: segodnja i zavtra* [Regional journalism : today and tomorrow]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2013, No 2 (4), pp. 78-92.
17. Shandrygolova, E. S. Sovremennaja otechestvennaja regional'naja pressa kak ob'ekt nauchnoj refleksii [Modern national regional printed media as an object of scientific reflection]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2015, No 2, Ch. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20737> (accessed 16.01.2021)
18. Jablonovs'ka, N. V. *Transformacija krims'kotatars'kih ditjachih media v Krimu* [Crimean Tatar children media transformation in Crimea]. *Mediatransformacii: kol. Monografija*. Kiev, 2014, pp. 118-134.
19. Jastremskaja Ju. A. *Obshhestvenno-politicheskij diskurs gorodskoj provincial'noj gazety v diahronnom aspekte : dis. kand. filol. nauk* [Social and political discourse of city provincial newspaper in diachronic aspect. Thesis]. Cheljabinsk, 2014. 170 p.
20. Bell A. Language and the Media. *Annual Review of Applied Linguistics*, 1995, Vol. 15., pp. 23–41.
21. Reath D. *The language of newspapers*. London, 2002. 126 p.

MEDIA DISCOURSE IMPACT ON THE REGIONAL IDENTITY FORMATION

Yegorova L. G.

Summary. The article describes the regional media discourse which at this stage of development of scientific thought is the subject of scientific interest of philologists, sociologists, philosophers, political scientist since regional mass media make a significant impact on the certain territory picture of the world forming and media texts fill it with key meanings important for regional civic society. Regional mass media as a part of national media system inform, convince, influence and in order to carry out these functions mass media have to know the agenda. Thus regional picture of the world is in continuous change and each situation is immersed by mass media in social and cultural context of the territory. The author points out that in the situation of the worldview paradigm shift regional media discourse transmits information about social reality taking into account features of the region development. Mass media texts fill the regional picture of the world with key concepts and have a significant impact on people of the region identity forming and transformation. In the research the most noticeable macrothemes that form the Republic of Crimea agenda and influence the regional identity of the media recipient are distinguished.

Keywords: media discourse, media text, regional identity, regionology, Republic of Crimea.

УДК 82.091

«ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ.

ЧАСТЬ I: С. Н. ГЛИНКА, Д. В. ДАВЫДОВ

Орехов В. В.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматривается роль издателя журнала «Русский Вестник» С. Н. Глинки и легендарного поэта-партизана Д. В. Давыдова в информационной войне, которая развернулась между Россией и Францией в эпоху Наполеона и разгорелась с новой силой после Французской революции 1830 г. и Польского восстания 1830–1831 гг. Оба литератора не принадлежали к официальным органам пропаганды и самостоятельно принимали решения о направлении и тактике своей деятельности по защите национального престижа. Эти решения во многом согласовались с той исторической логикой, которая обусловила тактику партизанской борьбы в период Отечественной войны 1812 г. Анализ творческих поисков С. Н. Глинки и Д. В. Давыдова позволяет заключить, что участие в информационной войне патристически мотивированной творческой личности, не подчиненной официальным пропагандистским структурам, дает ряд преимуществ: большее читательское доверие к информации, более широкий горизонт творческих новаций и, как следствие, более оригинальный набор приемов воздействия на свою и чужую аудиторию.

Ключевые слова: имагология, информационная война, 1812, С. Н. Глинка, Д. В. Давыдов.

ВВЕДЕНИЕ

Хотя термин «информационная война» изобретен в XX веке, сам феномен уходит корнями в глубокое прошлое. Некоторые исследователи обнаруживают элементы «информационной борьбы» еще в античном мире [3, с. 9–30; 24, с. 10–11], однако вид, наиболее близкий к современному, информационная война приобрела лишь в эпоху Наполеона. Во время Итальянской кампании 1796–1797 гг. Наполеон успешно использовал печатные издания, чтобы, с одной стороны, поддержать моральное состояние собственных войск, а с другой – расположить к французам население завоеванных территорий [40, с. 65]. Информационное воздействие было спланированным, четко организованным и двунаправленным – ориентированным и на *свою*, и на *чужую* аудиторию. Став консулом, а потом императором, Наполеон превратил эти принципы в основу информационной политики. Полностью подчинив себе печатную сферу Франции и значительной части Европы [38, с. 125], он получил возможность формировать общественное мнение внутри государства и в захваченных странах, а кроме того, оказывать информационное воздействие на непокоренные пока державы.

Россия не сразу включилась в противоборство с наполеоновской пропагандой. До вступления страны в Третью антифранцузскую коалицию (1804 г.) российская печать безвозбранно предлагала публике переводы пропагандистских сочинений о «подвигах» Наполеона [26, с. 163]. Однако военное противостояние с Францией заставило искать способы информационной обороны. По предложению главы российского МИД

А. Е. Чарторыйского, был предпринят ряд мер: издавались брошюры, развенчивающие культ Наполеона; в войсках распространялись листовки; для воздействия на европейского читателя была открыта франкоязычная газета «Journal de Nord» [3, с. 173]. Последовавшие затем военные поражения принудили Россию заключить невыгодный во многих отношениях Тильзитский мирный договор. Взаимные печатные нападки между Россией и Францией были прекращены подобно тому, как были прекращены боевые действия. Такая управляемость информационной среды демонстрирует, что «печатная война» воспринималась как вспомогательное средство войны реальной, а работа официальной пропаганды организовывалась аналогично армейской или государственной службе. Между тем в обществе формировалось иное отношение к противодействию информационным атакам: защита национальных интересов, подверженных нападкам в информационной среде, воспринималась в качестве гражданского долга, требующего индивидуальной инициативы и оправдывающего «внесистемную» деятельность. Это, в свою очередь, способствовало поиску индивидуальных тактических приемов, ставших со временем важной частью национального арсенала средств, используемых русской словесностью и печатью как ответ на информационные вызовы. Цель нашей статьи – исследовать ряд тактических решений подобного рода, выработанных известными русскими литераторами первой половины XIX в.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

После подписания Тильзитского договора российскому правительству стало довольно сложно удерживать «печатную жизнь» в рамках казенного повиновения. Тильзитский мир был воспринят как факт национального унижения. Накал патриотических настроений достиг такого градуса, что вызывал опасения в возможности антиправительственных заговоров [39, с. 129–131; 2, с. 48–51]. В такой обстановке в 1808 г. уже известный в то время литератор С. Н. Глинка начинает издавать журнал патриотической направленности «Русский Вестник», который быстро превратился в одно из самых популярных изданий. Целью «Русского Вестника» было противодействие французскому влиянию, а потому страницы журнала заполнялись материалами, посвященными критике галломании, французских устоев и нравов. По выражению современного исследователя, «с началом издания “Русского вестника” была объявлена литературная война Наполеону» [45, с. 111]. Появление журнала не было инспирировано властью, однако цензура, что называется, смотрела сквозь пальцы на антифранцузские высказывания, поскольку тильзитская «дружба» Александра I с Наполеоном быстро деградировала: это предвещало близость очередного военного кризиса, что, в свою очередь, требовало сохранять патриотический настрой общества. Видимо, инициатива С. Н. Глинки воспринималась властью так же, как деятельность ополчения в пору военных действий (кстати, Глинка в 1807 г. среди первых записался в ополчение) – это вспомогательная сила, мотивированная патриотическим чувством, но строго подчиненная военному командованию. Однако если продолжать армейские аналогии, издатель «Русского Вестника» готов был действовать вне рамок официальной позиции [44, с. 11] и принимать самочинные решения в духе не столько ополчения, сколько стихийно сложившегося партизанского подразделения. Так, уже в третьем номере журнала Глинка назвал Тильзитский договор лишь временным перемирием и объявил о

готовности России дать отпор в случае французской агрессии [23, с. 176]. Это высказывание имело такой резонанс, что французский посланник А. де Коленкур обратился с жалобой к Александру I. Получалось так, что «Русский Вестник» вопреки «политической линии» нарушил затишье в информационной войне. За это последовало взыскание: цензор получил выговор, а сам Глинка был «по политическим соображениям» отставлен от службы в московском театре [22, с. 66]. Но журнал был сохранен, видимо, как важный ресурс для будущих «информационных баталий», неизбежность которых ощущалась и обществом, и властью.

Действительно, затишье на «печатном фронте» оказалось недолгим. Уже в 1811 г. французская пресса начала атаки на Россию. Если русскую кампанию Наполеона, начавшуюся в 1812 г., исследователи воспринимают как «преддверие мировых войн XX в.» [36, с. 6], то и развернутую Наполеоном накануне вторжения в Россию полномасштабную «войну перьев» справедливо считать прообразом современных информационных войн. Одной из главных задач такой войны, как и в наши дни, было нанесение ущерба международному имиджу страны [15, с. 69]. Для этого оживлялись и транслировались на всю Европу старые стереотипы. Еще в пору Итальянского похода Суворова французская пресса рисовала Россию «полуварварской» страной, «грозящей вот-вот выплеснуть свои орды на плодородные земли Европы» [27, с. 135]. Теперь, накануне вторжения Наполеона в Россию, французские газеты и пропагандистские брошюры многократно повторяли эту мысль, широко распространяя [34, с. 4] и цементируя в европейском сознании пугающие стереотипы. Русские представляли «потомками монголо-татар» [8, с. 275], «варварами», жаждущими завоеваний [40, с. 66]. Такая позиция прессы была продиктована стремлением не только пробудить воинственное настроение во Франции, но и консолидировать союзников Наполеона вокруг идеи борьбы «цивилизации» против «московитского варварства» [1, с. 25], против «орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [16, с. 184]. Наполеон при этом представлял вождем эпохальной схватки [42, с. 77–78]. Для создания негативного образа России в ход шли все доступные аргументы: суровость ее климата, жестокость русских солдат, «азиатский деспотизм» ее правителей, «рабское положение» ее крестьян и т. д. Дезинформация приобретала ключевое значение. В 1812 г. Наполеон лично редактировал для публикации [25 с. 172–176] фальшивое «Завещание Петра I». Из этого «документа» следовало, что Петр I призывал своих потомков тайным образом разобщать европейские державы, а добившись раздора, овладеть Турцией и Индией, полностью «поработить» Австрию и Польшу. Дабы русские войска не теряли «боевого настроения», Петр I якобы завещал потомкам вести непрерывные войны [18, с. 78–80]. Так что вся послепетровская история войн и дипломатии в Европе представляла «как результат тайного плана российского монарха по захвату господства над европейским континентом» [27, с. 134], то есть развивался миф, который в наши дни, маркирован «хэштегом» «хитрый план русских». Страхи, вызванные подобного рода публикациями, оказались крайне живучи. Например, участник похода на Москву Стендаль еще и в 1818 г. в книге «Жизнь Наполеона» с уверенностью утверждал, что «со времени Петра Великого Россия твердо решила, что в 1819 году, если только у нее хватит энергии, она будет владычицей Европы» [35, с. 134]. Словом, готовя вторжение в Россию, Наполеон в течение 1811 – первой половины 1812 гг. целенаправленно и систематически прививал читателю мысль, что «война с Россией неизбежна, поэтому воевать с ней лучше сейчас, пока она не набрала

всей своей силы и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором» [33].

В России, конечно, сознавали, что поведение французской печати является «информационной артподготовкой» перед началом настоящей войны. В январе 1812 г. Барклай-де-Толли докладывал Александру I о своем видении стратегии в будущей кампании против Наполеона. Важным пунктом значилась необходимость в «возбуждении антинаполеоновских настроений в Европе средствами печатной пропаганды», а также в поддержании с помощью печатного слова морального настроения собственных солдат [3, с. 174]. Конкретные организационные шаги в этом направлении были предприняты, что называется, «по инициативе снизу»: профессора Дерптского университета А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах предложили создать в армии полевую типографию, которая выполняла бы пропагандистско-агитационные функции и воздействовала на «мнения народа» как внутри армии, так и на захваченных Наполеоном землях [3, с. 175–177]. Работа велась спешно, и к моменту вторжения французов русская армия уже обладала «информационно-агитационным» подразделением, которое путем массового издания печатных материалов противодействовало наполеоновской пропаганде [37, с. 303–305]. Так что действие агитационных листовок, заброшенных в Россию французами перед вторжением [32, с. 102], очень скоро парировалось работой русской армейской типографии. Насколько эффективной была эта деятельность, можно судить хотя бы по тому, что в самом начале войны Наполеон, получив в руки одну из русских прокламаций, решил лично подготовить ответ на нее – так называемый «Ответ французского гренадера» [17, с. 158].

Однако деятельность агитационной службы была «вмонтирована» в круг армейских задач и обязанностей, для нас же важно, что противостояние наполеоновской пропаганде осуществлялось еще и вне государственных структур, и важнейшую роль в этом деле продолжал играть журнал «Русский Вестник». Редакторская тактика С. Н. Глинки диктовалась самой природой информационной войны. Агрессивное воздействие на коллективное сознание противника ставит целью не переосмысление частных фактов, а тотальный демонтаж традиционной картины мира, переоценку привычных ценностей. Таким образом, истинный объект информационной атаки – не частные факты, а в целом «духовное единство нации, культурная оболочка противника, культурная идентичность» [43, с. 192]. Именно поэтому наполеоновская пропаганда оперировала не столько фактами (или даже псевдофактами), сколько мифологизированными обобщающими формулами («русское варварство», «азиатский деспотизм», «рабство», «отсталость», «жажда завоеваний» и т. д.), которые, внедряясь в сознание, перекраивали картину мира, бытующую в русском национальном сознании. В ответ на это С. Н. Глинка нацеливал свои усилия не на критику отдельных французских текстов, а на развенчание культа французской культуры в целом, и одновременно укреплял ценностные константы русского мировидения. Глинка противопоставлял французской пропагандистской мифологии собственную национальную мифологию, способствующую консолидации русского общества. Этим обусловлено обилие в «Русском Вестнике» материалов, прославляющих русских исторических деятелей, и в то же время – обличающих «пороки французов».

Так, в № 1 «Русского вестника» за 1811 г. помещены «Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью». Автор повествует, как царь

Алексей Михайлович отправил послов во Францию и «другие европейские области» для заключения торговых договоров. Материал призван проиллюстрировать экономические успехи допетровской России, однако автор считает необходимым заметить при этом: «Каким же образом европейские писатели восклицали: *До времени Петра Первого не было России!* Они в одном смысле правы: русские не были тогда покорены затеями *мод* и *роскоши* иноземной, от которых гибнет частное и общественное *домоводство*» [30, с. 40–41]. А вот еще один пример: публикация в «Русском вестнике» выдержек из книги Гюберта ле Бланка (Юбера ле Блана) «Петр Первый во Франции». Очевидно, что цель публикации – продемонстрировать незаурядность характера Петра I. Однако подбор фрагментов одновременно призван развенчать французов. Так, читаем: «Петр Первый, час от часу примечая более несообразностей в мыслях, нравах и поступках парижских жителей, говорил: “На что к слабостям моего народа прибавлять чужие слабости?.. Вижу, на земле нет совершенства! Отдаленное обольщает и обманывает разум”» [31, с. 2]. Публикатор текста еще и усиливает этот пассаж собственным комментарием: «Если бы иноземные путешественники, которые, подобно аббату Лашапу, мимоездом наблюдали Россию, держались сей истины, то они осторожнее бы умствовали о России» [31, с. 2].

Если в 1811 г. С. Н. Глинка опасался цензурных притеснений за слишком смелую критику французов, то после вторжения Наполеона он уже «не сдерживал своего натиска на “лживых и неверных” французов, которые обещали жить в мире, а сами “разбойнически ворвались в земли любезного нашего Отечества”» [22, с. 132]. Отношение власти к С. Н. Глинке быстро менялось. Если еще 11 июля 1812 г. его патриотический энтузиазм стал причиной полицейского надзора [7, с. 10], то уже 19 июля его деятельность удостоилась высочайшего одобрения и поддержки: С. Н. Глинка был награжден Орденом Св. Владимира. Характерны слова, сказанные при этом Глинке графом Ф. В. Растопчиным: «Священным именем Государя Императора развязываю вам язык на все полезное для Отечества» [7, с. 28]. Тяжелое военное положение заставляло власть пересматривать отношение и к партизанским отрядам, и к «литературному партизану» С. Н. Глинке. Кстати скажем, что, по воспоминаниям современников, в 1812 г. в Москве С. Н. Глинка немало сделал для пропаганды партизанского движения [22, с. 127].

Проведя сравнительный анализ французских и российских пропагандистских текстов эпохи 1812 г., исследователь М. В. Губина убедительно доказывает, что противодействие российской власти и российского общества «выверенному и отточенному» «перу Наполеона» «повлекло за собой появление, хотя и менее цельного (нежели у французов. – В. О.), но зато более разнообразного по своим целям их арактеру, формальным и содержательным признакам комплекса документов» [9, с. 200]. Прибавим к этому, что общенародный характер Отечественной войны давал русской стороне еще одно преимущество в пропагандистских баталиях: это патриотическая мотивация, которая заставляла авторов воспринимать участие в «войне перьев» как гражданский долг, открывала возможности для личной инициативы и оправдывала «внесистемные» решения. В глазах современников защита отечества в информационной войне мало чем отличалась от защиты Отечества в реальных боевых баталиях. В этом отношении весьма точной выглядит метафора, использованная П. А. Вяземским в некрологе издателю «Русского Вестника»: «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем. Он не заключал перемирия даже и в те роздыхи, когда Русские штыки отмыкались, уступая силе обстоятельств» [4, с. 7].

Впрочем, С. Н. Глинка был далеко не единственным литератором, переносившим приемы боевой тактики в сферу информационной войны. Не менее оригинальной и показательной в этом отношении выглядит публицистическая деятельность, пожалуй, наиболее известного партизана 1812 г. – Д. В. Давыдова.

«Как военный человек я все представляю себе в военном виде» [13, с. 233], – признавался в 1819 г. Давыдов своему близкому другу [41] П. Д. Киселеву (будущему генералу, министру, послу в Париже). Эти слова с полным основанием могут быть отнесены и к военно-исторической прозе поэта-партизана. После Французской кампании 1814 г. Давыдов получил отдых от активных боевых действий, что позволило ему сосредоточиться на осмыслении недавних военных событий. Результатом нескольких лет работы стал труд «Опыт теории партизанских действий», опубликованный в 1821 г. [10] и переизданный с поправками в 1822 г. [11]. Самостоятельность партизанского мышления сказалась в этой книге: Давыдов доказывал, что казачьи формирования представляют уникальное преимущество российских войск и должны быть использованы впредь так, как это делалось в 1812 г. Позиция автора вызвала недовольство власти, поскольку именно в этот период продвигалась реформа по включению казаков в состав регулярных войск. Рассуждения Давыдова настораживали так же, как в 1812 г. «простонародная партизанщина», и его книга была воспринята как «невнимание к армейской дисциплине и воспевание казачьей вольницы», а Александр I составил мнение о партизане как о «неблагонадежном лице» [20, 489–490].

Между тем литературная работа Давыдова неизбежно обращала внимание на иностранное освещение войны 1812 г. Здесь следует оговориться, что после победы над Наполеоном наступило некоторое информационное затишье, и механизмы пропаганды значительно потеряли в глазах власти свою актуальность. Между тем во французской печати появлялись такие интерпретации хода Отечественной войны, которые во многом вредили российскому престижу. В январе 1815 г. генерал-майор кн. С. Г. Волконский (будущий декабрист) сообщал из Парижа П. Д. Киселеву: «Я составляю здесь коллекцию из всех сочинений, которые уже созданы и которые создаются против нас и в защиту нас. Невообразимы все те басни, которые рассказывают о нас и, в особенности, о кампании 1812 года» [21, с. 210]. Начинался процесс, который мы сегодня называем «переписыванием истории», то есть толкование исторических фактов на основе не объективных, а политически или личностно обусловленных соображений – одно из проявлений латентного информационного противостояния. Д. В. Давыдов включился в это противостояние, когда известность приобрели мемуары Наполеона, где ссыльный император высказывал убеждение в слабой эффективности партизанских действий.

Ответом на это стала выпущенная в 1825 г. брошюра Д. В. Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона» [12]. Опираясь на целый ряд публикаций, Давыдов указал на явные искажения фактов. Но обратим внимание на стилистику. Во вступлении читаем: «Слова, падшие с такой высоты, не суть уже шипение раздраженной посредственности <...>. Это удары Юпитера <...>. Я один из обвиняемых. Честь вооружает меня против нареканий ужасных, сокрушительных, может быть, неотразимых» [12, с. 7]. Подчеркнутое уважение к оппоненту, обоснование дискуссии требованиями чести, некая высокопарность – во всем этом ощущается стремление соблюсти рыцарский тон. В завершение текста сходный пассаж: «Читатель решит, на чьей стороне правда, но во всяком случае, он, конечно, отдаст мне справедливость в том,

что, русский, я не забыл приличия и вежливости в выражениях, опровергая сказания того, коего память бесстыдно тревожима некоторыми соотечественниками <...>!» [12, с. 65]. Это напоминание о «русскости», подчеркнутое следование рыцарскому этикету, думается, – часть поведенческой тактики, усвоенной в военное время. В переписке с В. Скоттом Давыдов делился воспоминаниями, что в 1813 г. при наступлении русских войск по территории Европы он намеренно сохранил бороду и оригинальное «партизанское» одеяние, и пояснял это так: «Немцы, видя мой казачий наряд и слыша, что я говорю по-французски, получили выгодное понятие о русском образовании, которое проникло даже в народы, почитаемые ими до встречи со мною людоедами» [13, с. 100]. Полемизируя с Наполеоном, Давыдов демонстрировал рыцарскую учтивость «русского варвара». Но очевидна и другая подоплека. Как известно, в начале XIX в. партизанские действия воспринимались как отголосок «азиатского варварства», противоречащий цивилизованным правилам военного искусства. Причем эта точка зрения бытовала не только на Западе, но и в России. Реализация партизанской тактики в 1812 г. явилась следствием жизненно важной необходимости, а не заранее просчитанного стратегического плана. Давыдову приходилось доказывать, что действия партизан – не «пережиток азиатчины», а важный элемент военного искусства, партизаны – не шайки разбойников, а солдаты, обладающие высокими представлениями о воинской чести. Таким образом, рыцарский образ автора служил Давыдову дополнительным аргументом в защите престижа русского оружия. Привнесение воинских принципов в текст было отмечено современниками. В «Московском телеграфе» П. А. Вяземский рекомендовал брошюру Давыдова так: «Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор <...> продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины <...>» [6, с. 397]. Между прочим, благородная позиция Давыдова была оценена и во Франции. В 1828 г. журнал «Revue Encyclopédique», анализируя брошюру Давыдова, называл партизана автором «столь же беспристрастным, насколько и ревностным к славе своей страны»; отмечал, что Давыдов «сохранил все приличие и достоинство, какого можно было ожидать от человека <...>, который <...> сделался настолько же известным в обществе, как и на полях битвы» [13, с. 219–220].

В дальнейшем Давыдов принимал участие в военных действиях в Персии (1826) и Польше (1831), но в 1835 г. снова обратился к литературной защите российских интересов. Выступая против распространявшегося представления, что главной причиной поражения французской армии явился суровый климат России, а не русское оружие, Давыдов опубликовал в «Библиотеке для чтения» статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?».

После 1825 г., когда Давыдов вступал в полемику с мнением Наполеона, многое изменилось. В результате Французской революции 1830 г. и Польского восстания 1830–1831 гг. русско-французские отношения оказались в кризисе, во Франции началась затяжная информационная атака на Россию. Теперь разрушительные для российского имиджа мнения выражались не только в отдельных публикациях, а в тотальном настрое французской печати [28, с. 77–77]. В своих принципиальных основаниях информационная ситуация очень напоминала ту, что сложилась накануне вторжения Наполеона и стимулировала литературно-патриотическую деятельность С. Н. Глинки.

Д. В. Давыдов чувствовал трансформацию информационного фона, и в его новой статье в качестве оппонента теперь выступал не Наполеон, а «все враги России», которые «неутомимо хлопотали и хлопочут о рассеивании и укоренении в общем мнении этой

ложной причины торжества нашего» [14, с. 407–408]. То есть противник в споре обезличен – это коллективное мнение Запада (прежде всего, Франции), готовое передать ложные представления «потомству посредством книгопечатания» [14, с. 407]. Если повод для спора – не реплики Наполеона, а информационное «нашествие двенадцати языков», то это диктует иные требования к стилистике и авторскому образу Давыдова. Он входит в «каноническую» [29, с. 297] роль «певца-гусара», «поэта-партизана» – грубоватого, но отчаянно храброго, своевольного, но преданного Отечеству. «Автору-гусару» дозволено значительно больше, нежели «автору-рыцарю». Поэтому Д. В. Давыдов допускает выпады против «информационного неприятеля» в духе «Русского Вестника» 1811 г. Указывая причины, побуждающие Францию распространять миф о русских морозах, победивших Наполеона, Давыдов резюмирует: «Надутая двадцатилетними победами, завоеваниями и владычеством над европейскими государствами, могла ли Франция простить тому из них, которое <...> отстаило независимость свою <...>? Нации этой ли (французской. – В. О.), исполненной самолюбия и самохвальства, преследуемой порицаниями и <...> карикатурами и насмешками <...>, признаться в истинной причине несостоятельности своей <...>?» [14, с. 408]. Все это должно было напоминать читателю строки из широко известного давыдовского стихотворения «Песня» (1815 г.): «Пусть французишки гнилые // К нам пожалуют назад!..» [14, с. 46]; возродить представление об авторе как о «лихом рубаке» 1812 г. [19, с. 44–45].

В сходном стилистическом ключе Давыдов начал писать в 1836 г. статью «Мысли при известии о неудачном предприятии на Константину французских войск». Здесь «литератор-партизан» возмущенно обличал западную историографию и литературу в готовности прославлять «Наполеона и его маршалов за их военные подвиги, а за подобные же подвиги злословить русский народ, русскую армию»; указывал, что информационные атаки французов являются мстью России «за покорение Варшавы, Крыма» [13, с. 133]. Однако статья не была завершена. Почему?

Думается, для Давыдова к этому моменту стала очевидной необходимость изменения принципиального подхода к «информационной обороне»: поскольку частные опровержения ускользают из общественной памяти, то навязываемой извне картине мира следует противопоставить собственную национальную картину мира, *свою* интерпретацию истории. И Давыдов сосредоточивается на создании мемуаров. Воспоминания о военных действиях и русских военачальниках Давыдов начал публиковать в «Библиотеке для чтения» еще в 1834 г. В работе находился «Дневник партизанских действий 1812 года», начатый в 1814 г. и заверченный лишь в 1838. К мемуарному творчеству Давыдов снова же отнесся как к воинскому служению. Когда Пушкин предложил ему участвовать в «Современнике», Давыдов отвечал (6 апреля 1836 г.) в привычном стиле: «Рассчитывай на меня; я под твоим начальством лихо буду служить» [13, с. 217]. А когда вскоре цензура покромсала его статью «Занятие Дрездена», Давыдов воспринял это как бывалый боец. «Как бы то ни было, – писал он Пушкину о своей искалеченной статье, – но эскадрон мой, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею прошу тебя привести в порядок; надо убитых похоронить, раненых отдать в лазарет, а с оставшимися всадниками “ура!” и снова в атаку!» [13, с. 222]

«Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика» [13, с. 203], – писал Давыдов в 1835 г. Н. М. Языкову. Неизвестно, учитывал ли Давыдов при этом «печатную кампанию», которую он вел против информационного давления с Запада, но, думается,

он с полным основанием мог бы вписать эту «войну перьев» в свой послужной список. Во всяком случае, современниками Давыдов воспринимался в том числе и как литературный боец. Стихотворное обращение Вяземского к нему – «Ты саблю с лирой сочетал, / Двойным в двух ратях партизаном» [5, с. 401] – точно отражало умение Давыдова использовать воинские приемы в литературной борьбе.

ВЫВОДЫ

В целом публицистическая деятельность С. Н. Глинки и Д. В. Давыдова демонстрирует важные особенности использования в информационной войне «внесистемного» интеллектуального и творческого ресурса. Прежде всего, личность, находящаяся вне государственной пропагандистской машины, имеет мотивацию, в значительной степени свободную от карьерных и материальных интересов. Рождаемые в таких условиях тексты продиктованы искренним авторским убеждением, и это, как правило, повышает убеждающий эффект текстов. В глазах читателя «внесистемный» статус литератора сам по себе повышает авторитет текста, поскольку сигнализирует, что репутация автора и его точка зрения являются результатом естественного хода вещей, а не политической конъюнктуры. Кроме того, деятельность, не обремененная строгим императивом «сверху», обеспечивает автору широкое пространство для «творческого маневра», свободу интуитивных решений и возможность поиска оригинальной, нешаблонной тактики, что способно обеспечить дополнительные преимущества в информационном противостоянии систем.

Список литературы

1. Ададуrow В. В. Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1: Религия – Язык [Текст] / В. В. Ададуrow. – Киев: Лаурус, 2017. – 400 с.
2. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика [Текст] / В. М. Безотосный. – М.: Вече, 2012. – 272 с.
3. Волконский Н. Л. История информационных войн. Ч. 1 [Текст] / Н. Л. Волконский. – СПб.: Полигон, 2003. – 508 с.
4. Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка: [Некролог] [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб.: Тип-я. Имп. Акад. наук, 1847. – 23 с.
5. Вяземский П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 544 с.
6. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
7. Глинка С. Н. Записки о 1812 годе [Текст] / С. Н. Глинка. – СПб.: Тип-я Императорской Российской Академии, 1836. – 362 с.
8. Гнесь А. А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира [Текст] / А. А. Гнесь // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 2. – Ч. 2. – С. 272–283.
9. Губина М. В. «Война перьев» в 1812 году [Текст] / М. В. Губина // Французский ежегодник. – М., 2013. – С. 194–200.
10. Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Тип-я С. Селивановского, 1821. – 217 с.

11. Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Тип-я С. Селивановского, 1822. – 210 с.
12. Давыдов Д. В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Тип-я С. Селивановского, 1825. – 65 с.
13. Давыдов Д. В. Соч.: В 3-х тт. Т. 3. Проза. Письма [Текст] / Д. В. Давыдов. – СПб.: Изд-е Е. Евдокимова, 1893. – 253 с.
14. Давыдов Д. В. Сочинения [Текст] / Д. В. Давыдов. – М.: Худ. лит., 1962. – 612 с.
15. Ермакова Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием [Текст] / Е. С. Ермакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 62–70.
16. Земцов В. Н. Россия глазами Наполеона [Текст] / В. Н. Земцов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 181–186.
17. Земцов В. Н. Французы в России в 1812 году [Текст] / В. Н. Земцов // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. – С. 154–164.
18. Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков [Текст] / В. П. Козлов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 270 с.
19. Кошелев В. А. «Орлы двенадцатого года»: Реалии и мифология [Текст] / В. А. Кошелев // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. научных статей. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 29–45.
20. Кошчиенко И. В. К истории создания «Опыта теории партизанского действия» Д. В. Давыдова [Текст] / И. В. Кошчиенко // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. науч. статей. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 460–506.
21. К чести России. Из частной переписки 1812 года [Текст]. – М.: Современник, 1988. – 239 с.
22. Лупарева Н. Н. «Отечестволубец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки [Текст] / Н. Н. Лупарева. – Воронеж: Новый взгляд, 2012. – 215 с.
23. Лупарева Н. Н. «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем»: «Русский вестник» С. Н. Глинки накануне и в период Отечественной войны 1812 г. [Текст] / Н. Н. Лупарева // Христианское чтение. – 2018. – № 5 (82). – С. 175–185.
24. Медовкина Л. Ю. История возникновения информационных войн [Текст] / Л. Ю. Медовкина // European journal of law and political sciences. – 2016. – № 3. – С. 10–13.
25. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I [Текст] / С. А. Мезин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 232 с.
26. Мельникова Л. В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага [Текст] / Л. В. Мельникова // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. – М., 2013. – С. 162–178.
27. Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) [Текст] / А. А. Митрофанов // Французский ежегодник

- 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). – М., 2006. – С. 130–145.
28. Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 69–88.
29. Орлов В. Н. Судьба литературного наследия Дениса Давыдова [Текст] / Н. В. Орлов // Литературное наследство. Т. 19–21. – М.: Наука, 1935. – С. 336–337.
30. Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью [Текст] / б. п. // Русский вестник. – 1811. – Ч. 13. – № 1. – С. 31–49.
31. Петр Первый в Париже [Текст] / б. п. // Русский вестник. – 1811. – Ч. 14. – № 5. – С. 1–11.
32. Попов Д. Г. «Информационная война» 1812 года [Текст] / Д. Г. Попов // Вестник Тувынского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 101–104.
33. Промыслов Н. В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года [Электронный ресурс] / Н. В. Промыслов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2013. – Т. 4. – Выпуск 1 (17). – Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/> (дата обращения: 13.02.2021).
34. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года [Текст] / Н. В. Промыслов. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 254 с.
35. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. [Текст] / Стендаль. – М.: Правда, 1959. – Т. 11. – 431 с.
36. Строганов М. В. Война 1812 года и опыт ее описания [Текст] / М. В. Строганов // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2015. – № 2. – С. 6–14.
37. Тартаковский А. Г. Заметки о военной пропаганде 1812 г. [Текст] / А. Г. Тартаковский // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX века. – М.: АН СССР, 1969. – С. 300–313.
38. Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти т. [Текст] / Е. В. Тарле. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 7. – 864 с.
39. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон [Текст] / Н. А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
40. Ундалов А. М. О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение [Текст] / А. М. Ундалов // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 4. – С. 64–69.
41. Хохлова Н. А. История дружбы: письма Д. В. Давыдова к П. Д. Киселеву [Текст] / Н. А. Хохлова // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. научных статей. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 359–438.
42. Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона [Текст] / Н. И. Храпунов // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 69–86.
43. Черных С. Н., Зуева Н. А. Информационная война: традиционные методы, новые тенденции [Текст] / С. Н. Черных, Н. А. Зуева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6. – № 6А. – С. 191–199.
44. Шведова Н. Злых фурий светоч. Образ Наполеона в русской публицистике начала XIX в. [Текст] / Н. Шведова // Родина. – 2002. – № 8. – С. 10–12.

45. Ястребова Н. Г. Журнал С. Н. Глинки «Русский вестник» в общественно-политической и литературной жизни России начала XIX века [Текст] / Н. Г. Ястребова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 107–114.

References

1. Adadurov V. V. *Vojna Civilizacij: Sociokul'turnaja Istorija Russkogo Pohoda Napoleona. T. 1: Religija – Jazyk* [War of Civilizations: Socio-cultural History of Napoleon's Russian Campaign. T. 1: Religion – Language]. Kiev: Laurus Publ., 2017. 400 p.
2. Bezotosnyj V. M. *Rossija i Evropa v Jepohu 1812 goda. Strategija i Geopolitika* [Russia and Europe in the Era of 1812. Strategy and Geopolitics]. M.: Veche Publ., 2012. 272 p.
3. Volkonskij N. L. *Istorija Informacionnyh Vojn. Ch. 1* [History of Information Wars. Part 1]. St. Petersburg: Poligon Publ., 2003. 508 p.
4. Vjazemskij P. A. *Sergej Nikolaevich Glinka: [Nekrolog]* [Sergei Nikolaevich Glinka: Obituary]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1847. 23 p.
5. Vjazemskij P. A. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1986. 544 p.
6. Vjazemskij P. A. *Jestetika i Literaturnaja Kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 458 p.
7. Glinka S. N. *Zapiski o 1812 Gode* [Notes about 1812]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Rossijskoj Akademii Publ., 1836. 362 p.
8. Gnes' A. A. *Imagologija: Otdavaja Dolzhnoe Podsoznatel'nym Obrazam Cheloveka i Mira* [Imagology: Paying Tribute to the Subconscious Images of Man and the World]. *Idei i idealy*. 2019, vol. 11, no. 2, part 2. pp. 272–283.
9. Gubina M. V. «*Vojna Per'ev*» v 1812 Godu ["War of Pens" in 1812]. *Francuzskij ezhegodnik*. Moscow: 2013, pp. 194–200.
10. Davydov D. V. *Opyt Teorii Partizanskogo Dejstva* [Experience of the Theory of Partisan Action]. Moscow: Tipografija S. Selivanovskago Publ., 1821. 217 p.
11. Davydov D. V. *Opyt Teorii Partizanskogo Dejstva* [Experience of the Theory of Partisan Action]. Moscow: Tipografija S. Selivanovskago Publ., 1822. 210 p.
12. Davydov D. V. *Razbor treh Statej, Pomes'hennyh v Zapiskah Napoleona* [Analysis of three Articles Placed in Napoleon's Notes]. Moscow: Tipografija S. Selivanovskago Publ., 1825. 65 p.
13. Davydov D. V. *Sochinenija: V 3-h tt. T. 3. Proza. Pis'ma* [Works: In 3 vols. Vol. 3. Prose. Letters]. St. Petersburg: E. Evdokimov Publ., 1893. 253 p.
14. Davydov D. V. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1962. 612 p.
15. Ermakova E. S. *Informacionnaja Vojna kak Atribut Informacionnogo Obshhestva: Aktivizacija Mediafunkcii Nasilija nad Soznaniem* [Information War as an Attribute of the Information Society: Activation of the Media Function of Violence against Consciousness]. *Sovremennaja Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Serija: Gumanitarnye Nauki*, 2012, no. 2, pp. 62–70.
16. Zemcov V. N. *Rossija Glazami Napoleona* [Russia through the Eyes of Napoleon]. *Politicheskaja lingvistika*, 2016, no 4 (58), pp. 181–186.

17. Zemcov V. N. *Francuzy v Rossii v 1812 Godu* [The French in Russia in 1812]. *Voenno-istoricheskaja Antropologija. Ezhegodnik 2003/2004. Novye Nauchnye Napravlenija*. Moscow: Rossijskaja Politicheskaja Jenciklopedija Publ., 2005, pp. 154–164.
18. Kozlov V. P. *Tajny Fal'sifikacii. Analiz Poddelok Istoricheskikh Istochnikov XVIII–XIX Vekov* [Secrets of Falsification. Analysis of Forgeries of Historical Sources of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. 270 p.
19. Koshelev V. A. «Orly Dvenadcatogo Goda»: *Realii i Mifologija* ["Eagles of the 1812": Realities and Mythology]. *Realii i Legendy Otechestvennoj Vojny 1812 Goda: Sbornik Nauchnyh Statej*. St. Petersburg – Tver: Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2012, pp. 29–45.
20. Koshhienko I. V. K Istorii Sozdanija «Opyta Teorii Partizanskogo Dejstvija» D. V. Davydova [On the History of the Creation of "Experience of the Theory of Partisan Action" by D. V. Davydov]. *Realii i Legendy Otechestvennoj Vojny 1812 Goda: Sbornik Nauchnyh Statej*. St. Petersburg – Tver: Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2012, pp. 460–506.
21. *K Chesti Rossii. Iz Chastnoj perepiski 1812 goda* [To the Honor of Russia. From a Private Correspondence in 1812]. Moscow: Sovremennik Publ., 1988. 239 p.
22. Lupareva N. N. «Otechestvoljubeц»: *Obshhestvenno-Politicheskaja Dejatel'nost' i Vzglyady Sergeja Nikolaevicha Glinki* ["Patriot": Social and Political Activities and Views of Sergei Nikolaevich Glinka]. Voronezh: Novyj Vzgljad Publ., 2012. 215 p.
23. Lupareva N. N. «Pero Glinki Pervoe na Rusi Nachalo Perestreliat'sja s Neprijatelem»: «Russkij Vestnik» S. N. Glinki Nakanune i v Period Otechestvennoj Vojny 1812 g. ["Glinka's Pen was the First in Russia to Begin to Fire with the Enemy": "Russian Bulletin" S. N. Glinka on the Eve and During the Patriotic War of 1812]. *Hristianskoe Chtenie*, 2018, no. 5 (82), pp. 175–185.
24. Medovkina L. Ju. *Istorija Vozniknovenija Informacionnyh Vojn* [History of Information Wars]. *European Journal of Law and Political Sciences*, 2016, no. 3, pp. 10–13.
25. Mezin S. A. *Vzglyad iz Evropy: Francuzskie Avtory XVIII Veka o Petre I* [View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2003. 232 p.
26. Mel'nikova L. V. *Antinapoleonovskaja Propaganda v Rossii 1806–1814 gg.: Formirovanie Obraza Vneshnego Vraga* [Anti-Napoleonic Propaganda in Russia 1806–1814: Forming the Image of an External Enemy]. *Francuzskij Ezhegodnik 2013: «Russkaja Kampanija» Napoleona: Sobytiya, Obrazy, Pamjat'*. Moscow, 2013, pp. 162–178.
27. Mitrofanov A. A. *Russko-Francuzskie Otnoshenija v Zerkale Bonapartistskoj Propagandy (1800–1801 gg.)* [Russian-French relations in the Mirror of Bonapartist Propaganda (1800–1801)]. *Francuzskij Ezhegodnik 2006: Napoleon i ego Vremja. K 100-letiju A. Z. Manfreda (1906–1976)*. Moscow, 2006, pp. 130–145.
28. Orehov V. V. «Klevetnikam Rossii»: *Avtorskaja Pozicija i Literaturnaja Reputacija* ["Slanderers of Russia": Author's Position and Literary Reputation]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. T. 5 (71), no. 3, pp. 69–88.
29. Orlov V. N. *Sud'ba Literaturnogo Nasledstva Denisa Davydova* [The Fate of the Literary Heritage of Denis Davydov]. *Literaturnoe Nasledstvo. Vol. 19–21*. Moscow: Nauka Publ., 1935, pp. 336–337.

30. *Otryvki o Vnutrennej Promyshlennosti i o Snoshenii onoj s Nravstvennost'ju* [Excerpts about Domestic Industry and its Relationship with Morality]. *Russkij Vestnik*, 1811, part 13, no. 1, no. 31–49.
31. *Petr Pervyj v Parizhe* [Peter the Great in Paris]. *Russkij Vestnik*, 1811, part. 14, no. 5, pp. 1–11.
32. Popov D. G. «*Informacionnaja Vojna*» 1812 goda ["Information War" of 1812]. *Vestnik Tuvinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Social'nye i Gumanitarnye Nauki*, 2015, no 1, pp. 101–104.
33. Promyslov N. V. *Francuzskaja Propaganda o Rossii nakanune i vo vremja Vojny 1812 Goda* [French Propaganda about Russia on the Eve and during the War of 1812]. *Jelektronnyj Nauchno-Obrazovatel'nyj Zhurnal «Istorija»*, 2013, vol. 4, no. 1(17). Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/> (accessed: 13.02.2021).
34. Promyslov N. V. *Francuzskoe Obshhestvennoe Mnenie o Rossii Nakanune i vo vremja Vojny 1812 Goda* [French Public Opinion about Russia on the Eve and during the War of 1812] Moscow: Politicheskaja Jenciklopedija Publ., 2016. 254 p.
35. Stendal'. *Sobranie Sochinenij: V 15-ti t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Moscow: Pravda Publ., 1959, vol. 11. 431 p.
36. Stroganov M. V. *Vojna 1812 Goda i Opyt ee Opisanija* [The War of 1812 and the Experience of its Description]. *Vestnik Literaturnogo Instituta Imeni A. M. Gor'kogo*, 2015, no. 2, pp. 6–14.
37. Tartakovskij A. G. *Zametki o Voennomj Propagande 1812 g.* [Notes on the Military Propaganda of 1812]. *Voprosy Voennomj Istorii Rossii: XVIII i Pervaja Polovina XIX Veka*. Moscow: AN SSSR Publ., 1969. pp. 300–313.
38. Tarle E. V. *Sochinenija: V 12-ti t.* [Works: In 12 Vols]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959, vol. 7. 864 p.
39. Troickij N. A. *Aleksandr I i Napoleon* [Alexander I and Napoleon]. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 1994. 304 p.
40. Undalov A. M. O *Nekotoryh Metodah Vlijanija Napoleonovskoj Propagandy na Obshhestvennoe Mnenie* [About some Methods of Influence of Napoleonic Propaganda on Public Opinion]. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Serija: Upravlenie v Social'nyh Sistemah. Kommunikativnye Tehnologii*, 2012, no. № 4, pp. 64–69.
41. Hohlova N. A. *Istorija Druzhy: Pis'ma D. V. Davydova k P. D. Kiselevu* [History of Friendship: Letters from D. V. Davydov to P. D. Kiselev]. *Realii i Legendy Otechestvennoj Vojny 1812 Goda: Sbornik Nauchnyh Statej*. St. Petersburg – Tver: Izdatel'stvo Mariny Batasovoj Publ., 2012, pp. 359–438.
42. Hrapunov N. I. *Krym v Kontekste Franko-Russkikh Otnoshenij Jepohi Napoleona* [Crimea in the Context of Franco-Russian Relations of the Napoleonic Era]. *Izvestija UrFU. Serija 2. Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 69–86.
43. Chernyh S. N. & Zueva N. A. *Informacionnaja Vojna: Tradicionnye Metody, Novye Tendencii* [Information War: Traditional Methods, New Trends]. *Kontekst i Refleksija: Filosofija o Mire i Cheloveke*, 2017, vol. 6, no. 6A, pp. 191–199.
44. Shvedova N. *Zlyh Furij Svetoch. Obraz Napoleona v Russkoj Publicistike Nachala XIX v.* [Evil Furies of the Light. The Image of Napoleon in Russian Journalism of the early 19th Century]. *Rodina*, 2002, no. 8, pp. 10–12.

45. Jastrebova N. G. Zhurnal S. N. Glinki «Russkij Vestnik» v Obshhestvenno-Politicheskoy i Literaturnoj Zhizni Rossii Nachala XIX Veka [Glinka's Journal "Russian Bulletin" in the Socio-Political and Literary Life of Russia at the Beginning of the 19th Century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2012, no. 4, pp. 107–114.

“PARTISAN TACTICS” OF INFORMATION WAR.

PART I: S. N. GLINKA, D. V. DAVYDOV

Orekhov V. V.

Summary. The article examines the role of the publisher of the journal "Russian Bulletin" S. N. Glinka and the legendary poet and partisan D. V. Davydov in the information war that unfolded between Russia and France during the Napoleonic era. This information war broke out with renewed vigor after the French Revolution of 1830 and the Polish uprising of 1830–1831. S. N. Glinka and D. V. Davydov did not serve in official propaganda bodies and independently made decisions on the direction and tactics of their literary activities. They independently chose the techniques and methods of protecting the national image. The creative techniques of these writers were largely consistent with the historical logic that determined the tactics of partisan struggle during the Patriotic War of 1812. Analysis of the creative searches of S.N. Glinka and D.V. Davydov suggests that participation in the information war of a patriotically motivated creative personality, which does not obey the official propaganda structures, provides a number of advantages: greater reader's confidence in information, a wider horizon of creative innovations and, as a result, a more original set of methods of influencing one's own and others' audience.

Keywords: imagagology, information war, 1812, S. N. Glinka, D. V. Davydov.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Александр Васильевич – ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Борисова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Брайловская Юлия Павловна – аспирант кафедры русского языка и культуры речи, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР

Глухенькая Леся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гуменюк Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Джелилова Ленира Шакировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Дмитриев Олег Аркадьевич – советник МИА «Россия сегодня», профессор департамента медиа НИУ «Высшая Школа Экономики», г. Москва, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Иксарова Мария Витальевна – магистр востоковедения и африканистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Логвина Светлана Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4 Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Ломакина Ольга Валентиновна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Макарова Александра Стефановна – кандидат филологических наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Машкович Инна Александровна – аспирант кафедры русского языка и культуры речи, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петров Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шульженко Юлия Андреевна – магистр кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Щербачук Лидия Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Баранов А. В.

КУЛЬТ ИШТАР И РИТУАЛ СВЯЩЕННОГО БРАКА

В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”».....3

Борисова Л. М., Шульженко Ю. А.

ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ. АЛЛЕГОРИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА».....15

Глухенькая Л. Н.

ОПЫТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА

В ПОЭЗИИ К. Э. ДАФФИ.....31

Гуменюк В. І.

СИМВОЛІКА ВОДНОЇ СТИХІЇ

В КРИМСЬКОТАТАРСЬКОМУ ПІСЕННОМУ ФОЛЬКЛОРІ.....42

Джелилова Л. Ш.

ЖАНР «ОЧЕНЬ КОРОТКОГО РАССКАЗА»

В СОВРЕМЕННОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....54

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ

ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Брайловская Ю. П.

МИКРОГИДРОНИМЫ ЛУГАНСКОГО КРАЯ.....63

Иксарова М. В.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЕБ-САЙТОВ

КИТАЙСКИХ КОМПАНИЙ НА ПРЕДМЕТ ЛОКАЛИЗАЦИИ:

НА ПРИМЕРЕ БРЕНДА ХУАВЕЙ (华为).....72

Логвина С. А.

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

УСЛОВИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭВФЕМИИ.....86

Ломакина О.В.

ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ В РУСЛЕ ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ:

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

И КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ.....97

Макарова А. С.

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ПРАВОСЛАВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	108
--	-----

Машикович И. А.

КОНЦЕПТНОЕ ПОЛЕ «ЕДА» В ЛУГАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	118
---	-----

Петров А. В.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АСТИОНИМА «БАЛАКЛАВА» (НА МАТЕРИАЛЕ «КРЫМСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» И. СЕЛЬВИНСКОГО).....	130
---	-----

Щербачук Л. Ф.

ОЦЕНОЧНЫЕ ФРАГМЕНТЫ СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЗООНИМНЫХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	138
---	-----

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Дмитриев О. А.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРИЁМЫ В АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ АГЕНТСТВА SPUTNIK).....	154
--	-----

Егорова Л. Г.

ВЛИЯНИЕ МЕДИАДИСКУРСА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	165
---	-----

Орехов В. В.

«ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ I: С. Н. ГЛИНКА, Д. В. ДАВЫДОВ.....	174
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	189